

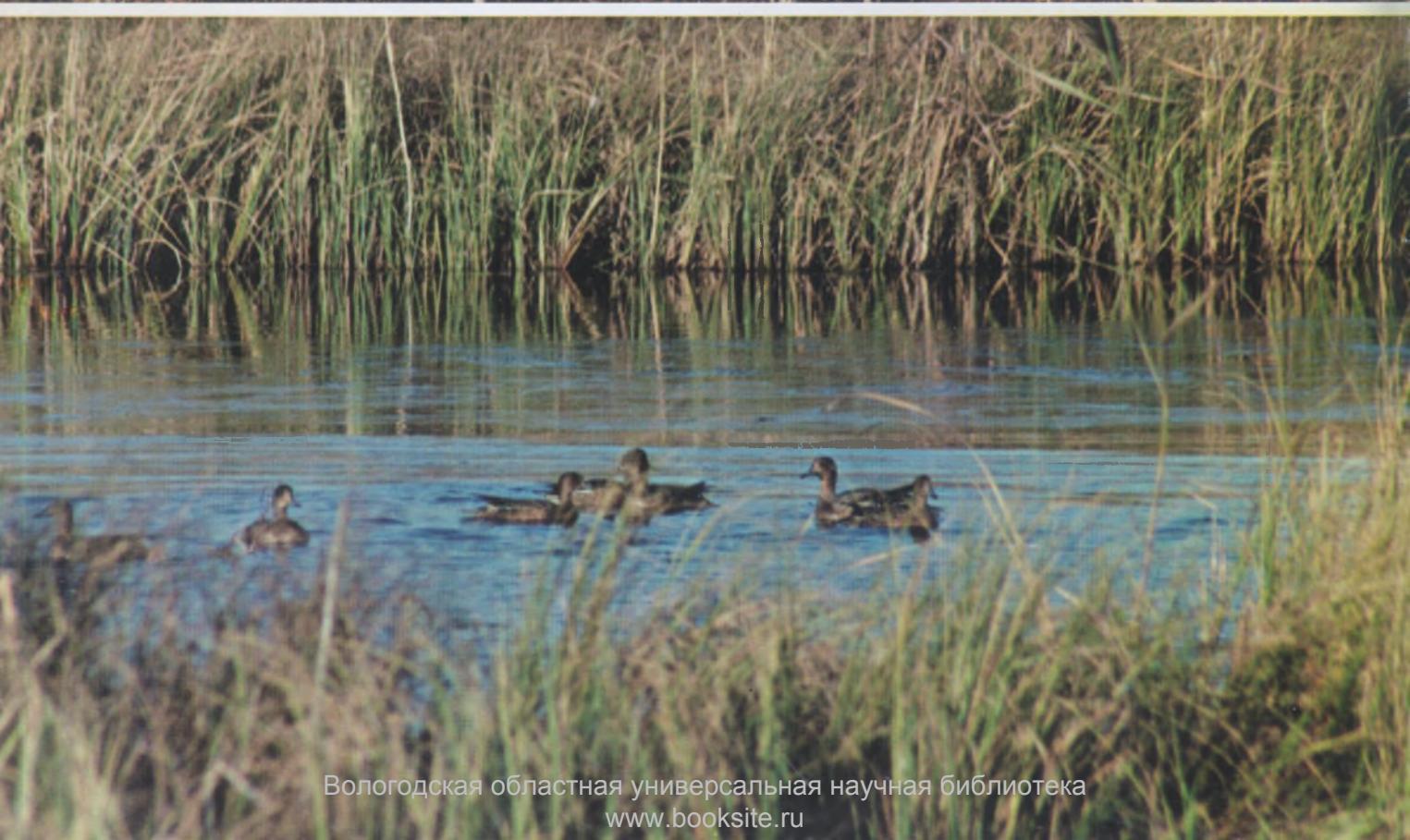
oxoma

и охотничьe хозяйство

8

2006

ПОДАРОК РОССИЙСКИМ ОХОТНИКАМ

В. СЛОБОДЕНЮК,

заместитель директора ВНИИОЗ по правовым вопросам,
Заслуженный работник охотничьего хозяйства России

Нормами Федерального закона «О животном мире», введенными в действие с мая 1995 года, предусмотрено, что краткосрочное пользование объектами животного мира осуществляется гражданами на основании именных разовых лицензий.

Органами власти Российской Федерации это было воспринято как старт для введения поголовного лицензирования, которое было реализовано в постановлениях федерального правительства и Положении, утвержденном приказом Минсельхоза РФ № 3 от 04.01.2001 года, куда попали все наиболее популярные у российских охотников, а главное многочисленные объекты охоты, такие, как гуси, утки, кулики, тетерева, глухари, дикие кролики, зайцы и другие, чего раньше никогда не было. Охотники знали, что раньше лицензии были нужны только на добычу лоси, кабана, медведя, оленя, выдр, соболя и нескольких других наиболее ценных видов охотничьих животных.

Какую цель преследовали авторы указанных нововведений, до сих пор остается непонятным, поскольку в целом лицензирование носило исключительно бессистемный характер. Так, объявив фактически о тотальном лицензировании охотничьего животного мира от бекаса до зубра, тем не менее в перечень лицензионных видов не были включены волк, шакал, крот, морские птицы и др., которые также являются полноправными объектами охоты. Следовательно, они могли добываться без всяких лицензий.

Впрочем, цель все же была, и заключалась она в том, что животный мир стали активно продавать, то есть за лицензию необходимо было платить.

Протесты научной и охотничьей общественности о необоснованности введения лицензий на изъятие массовых и социально значимых видов охотничьих зверей и птиц были с большим опозданием услышаны государством, которое с 1 января 2004 г. не ввело их в лицензионный перечень, установленный главой 25-1 Налогового кодекса РФ.

Однако охотчины разные уровней и многочисленные юристы-теоре-

тики сдаваться не собирались. Они выдумали интересную формулу, по которой нормы Налогового кодекса РФ не должны применяться к законодательству о животном мире, и продолжали выдавать так называемые «бесплатные» лицензии на голубей, куликов, уток, но деньги все равно собирали якобы за их представление, которые теперь шли не в бюджет, а на счета ведомств — охотоведений.

Эта интересная, но абсолютно незаконная формула активно навязывалась ими как прокурорам, так и в заседаниях общих и арбитражных судов, волна которых прокатилась по России в 2004–2005 годах. Сколько в течение этих двух лет оштрафовано граждан, охотившихся по путевкам, но без именных разовых лицензий, и какое количество организаций потеряло долгосрочные лицензии и охотничьи угодья, еще не сосчитано.

Но негативные правовые последствия для гражданского общества в целом, а также охоты и охотничьего хозяйства в частности, от этого противостояния весьма существенны — отлучены от уставного дела добросовестные и законопослушные охотопользователи, а главное, произошло запугивание российских охотников, еще больше снизилась их вера в Закон, но возросло влияние чиновников, руководствующихся не нормами права, а своими понятиями, от которых пострадали фактически безвинные.

Последней инстанцией, которая могла кардинально изменить ситуацию, являлся Верховный Суд России, куда автор, как охотник, обжаловал ряд пунктов Положения, утвержденного Минсельхозом 04.01.2001 года. Правовая позиция, которая была представлена в заявлении в суд, заключалась в том, что на осуществление охоты не предусмотрена бесплатная лицензия как таковая, поскольку законодательством установлена прочная правовая связь между выдачей лицензии и сбором, который вводится Налоговым кодексом. Сборы за пользование гусями, утками, голубями, куликами, зайцами, белками и многими другими животными Налоговым кодексом не были введены, следовательно получение лицензий на охоту на указанные виды не обязательно, как и не требуется получение лимитов на их добычу и отчетность перед налоговыми органами.

Решением Верховного Суда России от 30 января 2006 года по делу ГКПИ 05-1461 пункты 1.4, 3.1, 3.2, 3.3, 3.4 названного выше Положения признаны не действующими. Тем самым суд полностью поддержал довод заявителя о

том, что нормы права устанавливают связь между необходимостью уплаты сбора и выдачей лицензии.

Кассационная коллегия Верховного Суда России, рассмотрев 30 марта 2006 года кассационную жалобу Минсельхоза, оставила ее без удовлетворения, констатировав, в частности, что с введением 11.11.2003 года главы 25-1 Налогового кодекса РФ и внесением 02.11.2004 года соответствующих изменений в ст. 53 Федерального закона «О животном мире» оспариваемое в указанной части Положение не соответствует действующему федеральному налоговому законодательству. Фактически верховная судебная власть сделала всем российским охотникам подарок к открытию сезонов весенней и летне-осенне охоты, поскольку теперь окончательно отменены лицензии формы «В» на добычу норки американской, лисицы, песца, енотовидной собаки, диких кошек (кроме степного и камышового кота), горностая, солонгоя, колонка, хорей, корсака, белок, ондатры, зайцев, дикого кролика, гусей, казарок, рябчика, куропаток, кеклика, уток, пастушков (кроме водного), куликов, перепелов, голубей.

Но практический опыт показывает, что расслабляться охотникам и охотпользователям все-таки не стоит. Это за рубежом власть более внимательна к общественному мнению, закону и правосудию. В России же чаще всего бывает все с точностью до наоборот — вместо немедленного исполнения решения суда и приведения в соответствие с законом Положения от 04.01.2001 года и диалога между наукой, охотничьей общественностью и властью по вопросу бесплатного и безлицензионного использования массовых, социально значимых видов охотничьих зверей и птиц будут предприняты усилия по сохранению тотального лицензирования и обременению граждан новыми сборами, а юридических лиц — обязанностями по получению лимитов их добычи, выдаче лицензий и отчетности перед налоговыми органами.

И предпосылки для этого имеются самые серьезные. Так, в сезон весенней охоты 2006 года бдительные сотрудники Россельхознадзора в нескольких регионах обнаружили, что в вышеуказанном решении Верховного Суда РФ отсутствует слово «кулики», и потребовали продолжить выписку бесплатных лицензий на вальдшнепа, что абсолютно незаконно. Но это все же мелочи, а ключевое заключается в том, что последняя реформа исполнительной власти отбросила охоту и охотничье хозяйство на третьестепенные

охота
и охотничьи хозяйства

8

2006

Ежемесячный иллюстрированный журнал.
Учредители: трудовой коллектив редакции журнала,
Союз обществ охотников и рыболовов РФ.

• Основан в октябре 1955 г.

© «Охота и охотничьи хозяйства»

Вологодская областная универсальная научная

www.booksite.ru

библиотека

им. И.В. Бабушкина

позиции, и это признано всеми специалистами, что говорит о невысоком рейтинге Минсельхоза внутри Правительства России, где более сильны другие лоббисты, сумевшие, например, объединить фактически не объединяемое — ветеринаров и фитосанитаров с охотниками и рыболовами. Ну а нормотворчество Минсельхоза сильно отличается от действительных потребностей отрасли, тому подтверждением являются: ситуация с положениями о территориальных органах Россельхознадзора, которые уже довольно продолжительное время действуют незаконно, не по типовому документу; чехарда с организацией учетов охотничьих животных при отсутствии правил ведения учетов, практика утверждения необоснованно заниженных федеральных лимитов изъятия объектов охоты. Ну а невнятная позиция Минсельхоза в связи с птичьим гриппом, парализовавшая охотничью деятельность практически на всей территории России, включение волка и фактически всей мелкой пернатой дичи в перечень особо ценных в хозяйственном отношении животных наряду с лосями, оленями и соболями в комментариях вообще не поддается.

В части второй Налогового кодекса РФ установлены ставки сборов за те виды охотничьих животных, охота на которых без именных разовых лицензий запрещена.

Статья 333.3. Ставки сборов

1. Ставки сборов за каждый объект животного мира устанавливаются в следующих размерах, если иное не установлено пунктами 2 и 3 настоящей статьи.

Наименование объекта животного мира	Ставка сбора в рублях (за одно животное)
Овцебык, гибрид зубра с бизоном или домашним скотом	15 000
Медведь (за исключением камчатских популяций и медведя белогрудого)	3 000
Медведь бурый (камчатские популяции), медведь белогрудый	6 000
Благородный олень, лось	15 000
Пятнистый олень, лань, снежный баран, сибирский горный козел, серна, тур, муфлон	600
Косуля, кабан, кабарга, рысь, росомаха	450
Дикий северный олень, сайгак	300
Соболь, въдра	120
Барсук, куница, сурок, бобр	60
Харза	100
Енот-полоскун	30
Степной кот, камышовый кот	100
Европейская норка	30
Глухарь, глухарь каменный	100
Улар кавказский	100
Саджа	30
Фазан, тетерев, водяной пастушок, малый погоныш, погоныш-крошка, погоныш, большой погоныш, камышница	20

2. При изъятии молодняка (в возрасте до одного года) диких копытных животных ставки сбора за пользование объектами животного мира устанавливаются в размере 50 процентов ставок, установленных пунктом 1 настоящей статьи.

Юридическая консультация для охотников

Что надо знать при наследовании ружья

Наш журнал продолжает публиковать серию статей по законодательству об охотничьем оружии

Можно смело утверждать, что с тех пор как введена регистрация в милиции охотничьего оружия, немало уникальнейших ружей, порой представляющих подлинные произведения искусства, навсегда прекратили свое существование. Иногда это происходило из-за сложности их регистрации владельцами, поэтому ружья у них изымались и уничтожались, иногда вследствие незнания порядка оформления доставшегося по наследству оружия, поэтому оно также изымалось, и в лучшем случае наследники получали за него какую-то сумму денег от реализации.

Правоотношения в области наследования оружия регламентированы в различных законах и других нормативно-правовых актах, в том числе в Гражданском кодексе Российской Федерации, в Налоговом кодексе Российской Федерации, в Федеральном законе «Об оружии».

В Федеральном законе «Об оружии», в статье 20, говорится, что наследование гражданского оружия (а охотниче оружие относится к гражданскому) осуществляется в порядке, определяем законодательством Российской Федерации, при наличии у наследника лицензии на приобретение этого оружия. В случае смерти собственника гражданского оружия до решения вопроса о наследовании и получения лицензии на приобретение оно незамедлительно изымается для ответственно го хранения органами внутренних дел, которые зарегистрировали его. В связи с этим следует отметить, что наследники должны поставить в известность органы милиции о получении в наследство оружия, иначе может возникнуть повод для разбирательства дела о незаконном хранении оружия. За нарушение правил хранения гладкоствольного оружия предусмотрена административная ответственность (ст. 20.8), а за незаконное хранение нарезного оружия — уголовная (ст. 222 УК РФ).

О наследовании гражданского оружия говорится и в Правилах оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории России, утвержденных постановлением Правительства РФ «О мерах по регулированию оборота гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации» от

21 июля 1998 года № 814 с последующими изменениями и дополнениями. Согласно Правилам, граждане при получении гражданского оружия по наследству обязаны представить в милицию по месту учета оружия заявление по установленной МВД России форме, а также получить в милиции лицензию на приобретение переходящего по наследству оружия, его коллекционирования или экспонирования либо разрешение на хранение или хранение и ношение такого оружия. Порядок получения лицензии и разрешения такой же, как и при покупке оружия.

Полученное по наследству оружие в двухнедельный срок должно быть зарегистрировано (перерегистрировано) в милиции на основании документов, подтверждающих законность вступления в наследство. Таким документом является свидетельство о праве на наследство, которое выдается по месту открытия наследства нотариусом или уполномоченным законом совершать такие нотариальные действия должностным лицом (ст. 1162 Гражданского кодекса РФ).

Требования к хранению наследованного оружия предъявляются на общих основаниях.

В соответствии с Инструкцией по организации работы органов внутренних дел по контролю за оборотом гражданского и служебного оружия и патронов к нему на территории Российской Федерации, утвержденной приказом МВД России от 12 апреля 1999 года № 288, в случаях, когда наследник не имеет права на оружие, например милиция отказала ему в выдаче лицензии на его приобретение или он добровольно отказался от наследования, то по письменному заявлению наследника оружие и патроны передаются для комиссии продащи организаций, имеющей право на торговлю ими, другому лицу, которое имеет право на их приобретение, или в Музейный фонд Российской Федерации, либо уничтожаются в установленном порядке.

Правоотношения в области наследования изложены в части третьей Гражданского кодекса РФ.

Наследование может осуществляться по завещанию или по закону. Наследование по закону — в том случае, если оно не изменено завещанием, и в других случаях, предусмотренных законом. Какие это случаи? Например, не-

Николай Павлович Астафьев

совершеннолетние или нетрудоспособные супруг и родители, а также нетрудоспособные иждивенцы наследуют независимо от содержания завещания.

Граждане вправе написать завещание, которое может содержать распоряжение о любом имуществе, в том числе и об оружии.

Завещание должно быть совершено в письменной форме и заверено нотариусом. Закон предоставляет право совершать нотариальные действия в определенных случаях также должностным лицам органов местного самоуправления и должностным лицам консультских учреждений, главным врачам больниц, госпиталей, других стационарных лечебных учреждений, директорам и главным врачам домов для престарелых и инвалидов, капитанам судов, плавающих под Государственным флагом Российской Федерации, начальникам мест лишения свободы и другим лицам.

Завещатель имеет право отменить или изменить составленное им завещание в любое время после его совершения, не указывая при этом причины.

Если наследователь не оставил завещания, то к наследованию призываются наследники по закону, причем в порядке очередности.

К наследникам первой очереди относятся дети, супруг и родители наследодателя. Если нет наследников первой очереди, призываются наследники второй очереди, к которым относятся полнородные и неполнородные братья и сестры, дедушка и бабушка, как со стороны отца, так и со стороны матери. Есть еще наследники третьей очереди и другие.

Днем открытия наследства является день смерти гражданина. При объявлении гражданина умершим днем открытия наследства становится день вступления в силу решения суда об объявлении его умершим, а если днем смерти признается предполагаемый день гибели — то это будет день смерти, указанный в решении суда.

По общему праву наследство может быть принято в течение шести месяцев со дня открытия наследства. Если же право на наследство возникает для других наследников вследствие отказа наследника от наследства или отстранения его от наследства по основаниям, указанным в законе, то такие лица могут принять наследство в течение шести месяцев со дня возникновения у них права на наследство. А вот если и другой наследник не примет наследство, то лица, которые получают право на наследство после него, могут принять его в течение трех месяцев после истечения шести месяцев со дня открытия наследства.

По основаниям, указанным в законе, суд может восстановить срок принятия наследства.

Знание сроков принятия наследства имеет важное значение, особенно в случаях, когда в наследство достаются ружья, имеющие большую ценность.

Особенности наследования оружия изложены в статье 1180 Гражданского кодекса РФ. В соответствии с правовыми нормами, изложенными в этой статье, принадлежавшее наследодателю оружие входит в состав наследства и наследуется на общих основаниях. На принятие всего наследства в этом случае какого-либо специального разрешения не требуется. Требуется только разрешение на наследование оружия. Если наследнику будет отказано в выдаче разрешения на оружие, его право на него подлежит прекращению, а деньги, вырученные от реализации оружия, передаются наследнику за вычетом расходов по реализации.

Федеральным законом «О признании утратившими силу некоторых законодательных актов (положений законодательных актов) Российской Федерации и внесении изменений в некоторые законодательные акты в связи с отменой налога с имущества, переходящего в порядке наследования или дарения» от 1 июля 2005 года № 78-ФЗ в Налоговый кодекс РФ внесены изменения. С 1 января 2006 года налог на имущество, полученное в порядке наследования, отменен.

Федеральным законом «О внесении изменений в главу 25¹ части второй Налогового кодекса Российской Федерации и Федеральный закон (далее называется закон от 1 июля 2005 г. № 78-ФЗ)» от 31 декабря 2005 года № 201-ФЗ в Федеральный закон № 78-ФЗ внесены дополнения, в соответствии с которыми по наследству, открывшемуся до 1 января 2006 года, с наследуемого имущества, в отношении которого свидетельства о праве на наследство выданы до 1 января 2006 года, налог на имущество, переходящее в порядке наследования или дарения, взимается по ранее действовавшему законодательству, а вот если свидетельство выдается по такому имуществу после 1 января 2006 года, налог на имущество не взимается.

Н. АСТАФЬЕВ,
Почетный работник Прокуратуры,
старший советник юстиции

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Энциклопедия собаководства / Состав. В. Зубко, А. Алексеев. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: ТЕРРА-Книжный клуб, 2006. — 456 с., ил. + 24 с. вкл.

В издании представлено более 2600 статей, посвященных вопросам служебного, охотничьего и любительского собаководства. Энциклопедия содержит краткие сведения о 390 породах собак, рассказывает о дрессировке и уходе за ними, о выставках и соревнованиях собак, дает информацию по ряду других наиболее важных разделов собаководства.

Учебник охотничьих животных: Учебное пособие. М.: Рос. гос. аграр. заоч. ун-т, 2005. — 61 с.

Учебное пособие составлено профессором кафедры экологии и охотоведения Российской государственной аграрной заочной университета, д. б. н., ведущим научным сотрудником Института проблем экологии и эволюции РАН, академиком ПАН И. В. А. Кузякиным и доктором биологических наук Н. Г. Челинцевым.

Пособие предназначено для студентов специализации «Охотоведение» и других биологических специальностей, а также работников охотничьего хозяйства и охраны природы.

В учебном пособии рассмотрены или нашли отражение наиболее существенные основы учета численности охотничьих и других наземных позвоночных животных, преимущественно теоретические аспекты этого направления науки, сложившиеся к настоящему времени; приведены действующие методические документы по учету охотничьих животных.

Кучеренко С. Рассказы о животных. Хабаровск. Издательский дом «Приамурские ведомости», 2004. — 5000 экз. 196 с.

В научно-художественной книге широко известного дальневосточного писателя-натуралиста, охотника и природозащитника Сергея Кучеренко увлекательно рассказывается об особенностях двух десятков видов зверей, обитающих в совершенно различных экологических условиях: о белом медведе и косуле, калане и енотовидной собаке, лосе и... еже. Причем эти виды были подобраны вовсе не произвольно — авторставил себе целью в первую очередь показать поразительную способность млекопитающих осваивать всякие биолого-географические зоны — от сурового Полярного океана и холодных морей северной части Тихого океана до горных круч почти безжизненных хребтов и широколиственных экзотических лесов Приморья.

Это книга для самого широкого круга читателей, однако в первую очередь для охотников и школьников. Художественным словом сказано о непростых биологических явлениях. Издана она на высоком полиграфическом уровне, прекрасно иллюстрирована цветными и черно-белыми фотографиями.

Наш председатель – ОНА, Галина Николаевна Андреева

Когда заходит разговор о современном состоянии охотничьего хозяйства в нашей стране, то в большинстве случаев коллеги-журналисты стараются привлечь к беседе отраслевого чиновника рангом выше и ответы на свои вопросы, разумеется, получают по решению проблемы в целом. Мы же хотим познакомить наших читателей с людьми, которые общаются с охотниками напрямую. Их тоже можно назвать чиновниками, только их задача состоит в том, чтобы обеспечивать возможность заниматься любимым делом конкретному человеку, охотнику-любителю, и в данном случае жителю нашей столицы. Для первой беседы мы выбрали председателя Общества охотников и рыболовов Восточного Административного Округа г. Москвы, единственную женщину на таком посту Галину Николаевну Андрееву. Ведет беседу редактор отделов «Охота» и «Оружие и снаряжения» Алексей Михайлович Блюм.

— Галина Николаевна, при старом административном делении г. Москвы РООиР были в большинстве районов столицы, в настоящее время вместо районов образованы АО — административные округа, в каждом ли из них существуют общества охотников и рыболовов?

— Да, в каждом из 8 АО. Наше Общество образовалось по административному принципу, объединились районы, объединились и районные организации. Но этот процесс был естественным, потому что нельзя было оставлять любителей охоты и рыбаков без собственной организации. Согласитесь, охотнику бывает сложно самому организовать выезд на охоту даже в известное ему охотхозяйство. У нас же наложены устойчивые, я бы сказала, дружеские связи с руководством многих охотничьих хозяйств. Мы имеем возможность согласовывать и количество членов нашего Общества, которых может принять хозяйство в конкретные сроки, и виды охоты, и формы обслуживания. А это позволяет дать полную информацию охотнику, рыбаку об условиях охоты или рыбной ловли прямо здесь, в Москве, что позволяет избегать некоторых неприятных «сюрпризов» на месте.

— Галина Николаевна, сколько первичных охотколлективов объединяет ваша организация и сколько всего членов она насчитывает?

Председатель Общества охотников и рыболовов Восточного Административного округа г. Москвы Г.Н. Андреева за работой

— У нас 101 первичный коллектив, где на учете числится 5069 охотников и рыболовов.

— Можно сказать, это не маленькое хозяйство, и не совсем привычно в образе Председателя такого крупного коллектива видеть женщину. Галина Николаевна, расскажите, пожалуйста, о себе, как Вы пришли на эту должность?

— У меня два диплома о высшем образовании, я окончила Сельскохозяйственный институт (ВСХИЗО), сначала инженерный факультет, а потом агрономический. Кроме этого, имею свидетельство об окончании Высших бухгалтерских курсов. Работала Председателем районного общества охраны природы. Так как это общество находилось в одном доме с Обществом охотников и рыболовов, то меня часто просили помочь им в составлении бухгалтерских отчетов, потом ввели в состав Ревизионной комиссии. Постепенно я полностью вошла в курс дел ООиР, и после того как освободилось место председателя, Совет выбрал меня на эту должность. Председательствую я уже 3 года.

— Увлекались ли Вы охотой до вступления в эту должность, и кто был Вашим первым «проводником» на «охотничьем тропе»?

— Да, выезжать на охоту я начала, работая уже Председателем, и первым моим наставником в этом увлечении стал Михаил Алексеевич Симонов — председатель нашего 18 охотколлектива. А вот стендовой стрельбой я увлеклась немного раньше, занимаясь под руководством судьи международной категории по стендовой стрельбе Вау-

лина Анатолия Сергеевича, работая еще в Ревизионной комиссии. Приобрела ружье Тоз 34 12 калибра. Оно, конечно тяжеловато для меня, хотелось бы иметь двустволку 20 калибра, но пока довольствуюсь тем, что есть. Чтобы иметь устойчивые навыки в стрельбе, посещаю стрелковый стенд в Люблино, имею второй спортивный разряд. Наше общество для проведения соревнований и тренировок по стрельбе арендует у стрелково-спортивного комплекса ЦС ВВО (Военно-охотничьи общества) траншейную и круглую площадки. Один раз в месяц мы даем возможность желающим пострелять. Общество оплачивает аренду, обслуживание и миши (тарелочки), охотник стреляет из своего оружия и своими патронами. Предоставляется возможность сделать по 15 выстрелов на каждой площадке.

— Галина Николаевна, Вас уже не назовешь новичком в охоте, какие охоты Вы предпочитаете и как часто Вам удается выезжать в охотничьи хозяйства именно затем, чтобы поохотиться?

— Пока меня больше всего привлекает летне-осенняя охота на уток и на зайца с гончими. В некоторых охотхозяйствах МО, с которыми у нас заключены договора, есть очень хорошие собаки. А еще я очень люблю рыбаку поплавочной удочкой, начинаю осваивать и зимнюю.

— Как строятся отношения с МООиРом?

— Мы являемся структурой МООиРа, участвуем в разработке перспективных планов областного Общества, отчитываемся о проделанной работе, делегируем своих представителей на участие

в отчетно-выборных конференциях. Через Правление получаем квоты на лицензионные виды, включая копытных. Мы в своей структуре имеем только секцию спаниелей, владельцы других пород охотничьих собак состоят членами соответствующих секций в МООиРе. Кроме того, поскольку в МООиРе очень сильная секция лаек, а всем известно, что владельцы этих собак со своими питомцами добывают пушнину, организован и функционирует пункт приемки пушниной. Так что для охотника не встает вопрос, что делать с добытой пушниной. Нас устраивают сложившиеся отношения.

— Галина Николаевна, расскажите, пожалуйста, из чего складываются финансовые средства общества.

— Бюджет общества формируется только за счет вступительных и членских взносов. Вступительный взнос составляет 1500 руб., членский — 500 руб. и специальный (трудоучастие) — 500 руб. Из общей суммы 25 % мы перечисляем в Межрегиональный Совет общества охотников и рыболовов «МООиР», 65 % от суммы спецвзносов уходит непосредственно в охотничьи хозяйства, с которыми у нас имеются договора. Остальные средства идут на зарплату штатным работникам, аренду помещения, оплату транспорта и пр. Стоимость путевки на разрешенные к отстрелу виды дичи у нас составляет 35 руб. в день. Охотник может взять сезонные путевки на 10 или на 20 дней без привязки к числам. Эта сумма определяет только стоимость охоты без обслуживания. Проживание, пользование инвентарем, обслуживание егеря, собаки и пр. оплачиваются отдельно.

— Можно ли оплатить все услуги здесь, в Москве, или это нужно делать только на месте?

— Можно. По заявке охотника мы согласовываем с охотхозяйством егерский обход, где будет проходить охота, и необходимые услуги. Всю оплату охотник производит здесь.

— Как и на каких условиях вы получаете лицензии на отстрел копытных?

— МООиР получает лицензии в количестве, которое соответствует квотам, определенным для всех охотхозяйств, подчиненных обществу. Определенное количество лицензий распределяется по ООиР административных округов, включая и наш. В прошлом охотничьем сезоне нам было выделено и мы приобрели 31 лицензию на кабана (2 взрослых зверя и 29 сеголетков) и 2 на лося (обе на сеголетков). Охота на взрослого лося стоит 15 тыс. руб., на сеголетка — 10 тыс. Кабан-сеголеток при охоте загоном стоит 4 тыс., а с вышки — 5 тыс., на взрослого кабана с вышки — 9 тыс., а загоном — 7 тыс. руб. Как видите, цены не маленькие, но охоты организуются так, что «пустых» выездов почти не бывает.

— Галина Николаевна, как формируются команды охотников и кто из членов общества может рассчитывать на участие

В КОЛЛЕКТИВНОЙ ОХОТЕ НА КОПЫТНЫХ?

— Конечно, не секрет, что сколько лицензий на копытных мы бы ни получали, обеспечить участие в таких охотах каждого члена нашего общества невозможно. Мы пошли по такому пути: у нас существует соревнование между охотколлективами. Оценивается работа всего коллектива и отдельных его членов. Составляется список наиболее активных, и в порядке очередности предлагаем им принять участие в охоте. Думаем, что это достаточно демократичная форма выбора участников охоты на копытных.

— Есть ли у вашего общества связи с охотхозяйствами в других областях?

— Нет, прямых связей мы не имеем. Поездки на охоту или рыбальку в другие регионы — частная инициатива.

— Известно, что охотничьи хозяйства проводят много мероприятий, призванных поддерживать высокую численность охотничьих животных на своей территории и повышающих уровень обслуживания приезжающих. На это требуются немалые средства или прямое участие людей на определенных работах. Как осуществляется такая помощь со стороны общества?

— Раньше практиковались выезды членов общества в определенные охотхозяйства для выполнения работ по так называемому трудоучастию, но потом от этой практики почти повсеместно отказались. Перешли на денежную компенсацию. Сейчас она составляет 500 рублей с человека в год. И, на наш взгляд, это решение правильное. Мы переводим собранные деньги в охотхозяйство, и его руководство использует их по мере необходимости на самые неотложные работы. Однако помочь охотхозяйствам на местах все-таки существует. Мы организуем выезды на добровольной основе: члены общества помогают в проведении биотехнических мероприятий, строительных работах и пр. За это начисляются баллы, которые потом учитываются при подведении итогов соревнований между охотколлективами.

— Складывается впечатление, что в связи с изменением социальной обстановки в обществе люди стали большими индивидуалистами и не очень охотно вступают в общественные организации. Как обстоят дела с приемом в общество новых охотников и как обставлена эта процедура?

— Желающий вступить в общество пишет заявление, получает брошюру охотминимума и готовится самостоятельно. У нас имеется комиссия, состоящая из трех человек, которая и принимает у кандидатов приемный экзамен. Никаких квот или ограничений нет. В прошлом (2005) году мы приняли 374 новых члена.

— Как велика активность членов общества в получении путевок и поездках на охоту и какой возраст доминирует в обществе?

— Наиболее активна в отношении охоты примерно десятая часть, если

считать от общего количества членов, т. е. около 500 человек. Среди наших членов 190 человек старше 70 и 460 — старше 60 лет. Ну а доминирует, как и положено, «средний» возраст. К сожалению, не много молодежи.

— Существует ли Совет общества, как часто он собирается?

— Да, Совет существует. В него входят наиболее активные члены: это отдельные председатели первичных коллективов, ветераны, спонсоры, руководители секций. Особенно сложные вопросы мы решаем коллегиально.

— Назовите, пожалуйста, наиболее активные первичные коллективы.

— Очень активно работают члены 18-го охотколлектива, это бывший таксомоторный парк, 143-го, где председателем Кондратюк Евгений Тимофеевич; 79-го — пожарная охрана ВО, председатель Сенников Василий Геннадьевич, 39-го — председатель Диглевич Анатолий Федорович.

— Устраивает ли Вас сложившаяся практика взаимоотношений с охотпользователями и какие с Вашей стороны могут быть пожелания?

— Да, пока устраивает.

— Галина Николаевна, позовите от имени редакции журнала «Охота и охотничье хозяйство» поблагодарить Вас за интересную беседу и пожелать здоровья и дальнейших успехов в работе на этом обычно мужском посту.

Галина Николаевна любит охоту на зайца с гончими

В заливе

На берёзах появились жёлтые листья.
Подступающая осень слегка тронула сво-
ими красками травяные заросли и кусты.

Иду к заболоченному заливу, взглянуть,
как живут его обитатели в последний ме-
сяц лета.

В глубоком небе плавно кружит стая
журавлей. То ли они поджидают других
птиц, то ли старые учат молодых выстраи-
ваться клином. Построились как надо и
полетели к югу.

На подходе к заливу вспугнул цаплю.
Пробрался сквозь полосу тростников к от-
крытой воде.

На поверхности множество небольших
кругов — гуляет рыба молодь. Крачка
зависает в воздухе и с плеском ныряет с
высоты, пытается поймать рыбешку. Не
всегда взлетает с добычей. Промахов
больше.

Поблизости садятся утки. Днем боль-
шинство их прячется в зарослях. Некото-
рые осмеливаются покидать травяные
джунгли и плавают по открытой воде. Но
когда вдали показывается луна, который
время от времени патрулирует свою тер-
риторию, утки улетают или торопливо
плывут к зарослям.

Не замечая меня, на отмели кормятся
бекасы. Колышущиеся листья рогоза ме-
шают сфотографировать их. Низко над
водой пролетает стайка куликов.

На обрывок сплавины тяжело опусти-
лась утка. Заросли закрывают ее от опас-
ности с берега. Тень тростниковой стены
делает утку менее заметной и с воздуха.

Она долго лежит на сплавине. Иногда
встает и блаженно вытягивает то одно
крыло, то другое. Видно, как хорошо ей в
этом тихом уголке залива.

Сфотографировал ее и первый раз не
подкрадываясь к утке, а осторожно, кра-
дучись, ухожу от нее через полосу трост-
ников.

А. СЕВАСТЬЯНОВ
Фото автора

Экологическая этика о охотничьем хозяйстве

В. ДЁЖКИН, доктор биологических наук, профессор,
Л. ПОПОВА, кандидат биологических наук, доцент

«Предметом экологической этики является обоснование и разработка этических принципов и правил, регулирующих моральные отношения человека к природе и ее представителям».
Борейко, 2005

Элементы экологической этики зародились в глубокой древности как существенная часть проблемы взаимодействия человеческого общества и окружающей среды, человека и Природы. Они существовали, развивались, видоизменялись в течение долгих столетий, обозначая во многом все более углубляющиеся противоречия между антропоцентризмом и биоцентризмом. Начало современной экологической этики связывают с трудами видного американского деятеля охраны природы Олдо Леопольда, известного в двадцатом столетии как автор «Этики земли». Но лишь в последние десятилетия экологическая этика формируется в качестве самостоятельной научной дисциплины и начинает рассматриваться в контексте выживания человеческой цивилизации.

Этические принципы и подходы с давних времен находили применение в отношении человека к диким животным, и в частности в охоте, охотничьем хозяйстве. Вспомним, например, о бытовавшей на Руси дате открытия летне-осенней охоты — Петрове дне, когда охота становилась не опасной для выводков многих видов дичи. Или о стихийном запрете во многих регионах страны охоты на «Божью птицу» — голубя. Гуманные корни имело и нежелание большинства охотников стрелять лебедей и журавлей. И так далее. Со временем многие из гуманистических запретов и ограничений нашли воплощение в действующих правилах охоты.

Природопользование, составной частью которого является охотничье хозяйство, формировалось в России под влиянием гуманистических концепций, в принципе отвергавших возможности эксплуатации природных ресурсов методами, противоречащими коренным интересам человека и Природы. Основатель этой науки Ю. Н. Куражковский в монографии «Очерки природопользования» (1969) писал: «Необходима разработка новых путей развития производственной деятельности в тесном единстве с охраной природы. С этой проблемой тесно связана и неизбежность создания в современных условиях здоровой среды для жизни людей и полезных им растений и животных».

Видный российский ученый, продолживший, в частности, деятельность Ю. Н. Куражковского по формированию науки о природопользовании, Н. Ф. Реймерс (2000), заложил важный гуманитарный принцип в разделение этой науки на две части — нерациональную и рациональную. Под рациональным природопользованием этот ученый предлагал понимать «систему деятельности, призванную обеспечить экономную эксплуатацию природных ресурсов и условий и наиболее эффективный режим их воспроизведения с учетом перспективных интересов развивающегося хозяйства и сохранения здоровья людей».

Опираясь на взгляды упомянутых ученых, один из авторов этой статьи сформулировал последнее определение науки о природопользовании и вложил в него ограничения этического характера: «Природопользование — это деятельность человека по изучению, разведке, первичной переработке (обогащению) природных ресурсов с целью их прямого потребления или обеспечения ими производственной сферы с учетом основных эколого-экономических, социальных и природоохранных критериев и ограничений, официально принятых обществом» (Дёжкин, 2002).

Вполне естественно, что, обосновывая целесообразность выделения из науки о природопользовании отдельного научного направления — биологического природопользования и формулируя его принципы, мы присоединились к мнению многих ученых о том, что все природопользование должно опираться не только на экономические, но и обязательно на экологические основы. На основании имеющихся в науке взглядов и собственных предложений выделены принципы биологического природопользования, носящие отчетливо эколого-этический характер. Это:

- возможность неистощительной (вечной) эксплуатации биологических природных ресурсов;
- недопустимость уничтожения в процессе эксплуатации природных сообществ видов живого;
- недопущение невосполнимого ущерба биологическому разнообразию

и экологической устойчивости природных и природно-хозяйственных систем;

- сохранение и восстановление экологической мозаики ландшафтов;
- гуманное (в пределах разумного и возможного) отношение к биологическим (живым) ресурсам;

— постоянная оптимизация структуры, площадей и размещения охраняемых природных территорий с целью предотвращения экологического ущерба, наносимого эксплуатационной сферой, и поддержания экологического баланса территорий и др. (Дёжкин, 1997).

В контексте экологической этики природопользования мы также имеем основания настаивать на выделении в рамках этой науки самостоятельной структуры с ярко выраженным эколого-этическим характером **восстановительного природопользования**. Особенно важным в рамках этой структуры представляется понимание огромной роли эксплуатационных мероприятий в охране природных ресурсов посредством их разумной эксплуатации: то есть соблюдение условий неистощительной эксплуатации, при которых изъятие ресурсов каждой отрасли соизмеряется с их конкретным приростом. Это огромная профессиональная сфера деятельности, занимающаяся разработкой методов адекватного управления популяциями в процессе их рациональной эксплуатации. Она является основным содержанием отраслевых разделов биологического природопользования (Дёжкин и Попова, 2005; 2006).

Резким диссонансом изложенным взглядам являются взгляды, отстаиваемые представителем украинской эколого-этической школы В. Е. Борейко. Этот общественный деятель не нуждается в особых представлениях. Он, в частности, широко известен и в России большой и благородной работой по воскрешению из небытия имен сотен ученых и специалистов Советского Союза, оболганных и подвергшихся преследованию советской властью.

«Мне кажется, — писал в открытом письме В. В. Дёжкину в 2002 г. В. Е. Борейко, — что беда всех нас, постсоветских природоохраников, в том, что мы были, да и сейчас продолжаем находи-

ться, вне мировой экофилософской мысли». И далее: «Любой компромисс с природоохранными чиновниками, властями и хозяйственниками приводит к предательству, а любое упоминание об «устойчивом развитии», «национальном природопользовании», «охране природы ради нас и потомков» — позором».

Из скептического отношения В. Е. Борейко к природопользованию вытекает и высказанное им ранее отрица-

щаяся в «природопользователей» с их убогой и скучной рыночной фантазией... В конечном итоге (она) заставляет защитников дикой природы приспособливать свои взгляды и действия к мировоззрению и поступкам потребительски-циничного большинства» (2000).

Совершенно очевидно, что такое отрицание природопользования — конечно же, недоразумение, причем весьма странное. Мы стремимся к разумному природопользованию и отвергаем неразумное, нерациональное. Вот поприще для конструктивных дискуссий: что считать разумным и что неразумным и как добиться максимальной экологизации всех отраслей природопользования, в том числе охотничьего хозяйства. Как ограничить разумными пределами производство и потребление, учитывая насущные интересы человека и минимизируя ущерб ресурсам и природной среде. Без общей теории природопользования, без биоэкономики здесь не обойтись.

Совершенно не обосновано также противопоставление природопользования охране природы, что противоречит, в частности, Конвенции о биоразнообразии. Необходимая экономическая оценка природных ресурсов выдается за попытку их расхищения, неправомерно противопоставляется их морально-этической оценке.

Нельзя не сказать и о том, что В. Е. Борейко и его сторонники не только отрицают природопользование вообще. Они взяли на вооружение мощный западный «гуманистический» арсенал (и помогли через множество публикаций донести его до нашего читателя), который не только полезно обогащает наше информационное поле, но и нередко глубоко искажает традиционные представления о рациональном природопользовании. Это прежде всего — воспевание философии «освобождения животных», выступления против охоты, неумеренное восхваление «дикой Природы», привнесение надуманных идей в заповедное дело и др. Дело дошло до того, что В. Е. Борейко и его немногочисленные сторонники в интернетовских дискуссиях выступают за... представление права голоса животным!

Гуманистический экологический журнал, редактируемый В. Е. Борейко, не раз затрагивал тему охоты, жестко критикуя это занятие как якобы негуманное и расточительное для Природы. История одного из государств как бы сознательно подготовила для нас прекрасную современную модель рационального природопользования в сфере охотничьего хозяйства. На ее фоне мы можем рассуждать и о досужих домысах об «освобождении животных», столь модных ныне в США и на Западе (например, П. Сингер, 2002).

Двадцатый век застал живую Природу США в очень неприглядном состоянии. Многие природные ресурсы, в том числе и ресурсы животного мира, были разграблены и истощены. Американцы провели огромную многолетнюю рабо-

ту по восстановлению этих ресурсов, в которой природоохранные подходы сочетались со своевременными и грамотными эксплуатационными подходами на комплексной многоотраслевой основе с помощью и под покровительством государства. Что мы имеем сейчас?

В США около 14 миллионов охотников-любителей, прямой вклад которых в экономику страны превышает 20 миллиардов (!) долларов в год, а косвенный — 60 миллиардов (без учета стоимости натуральной продукции охоты). Обслуживание потребностей охотников дает 700 с лишним тысяч рабочих мест. Государство ежегодно получает от охоты свыше 3 миллиардов долларов в виде федерального и штатных налогов. И все это происходит на фоне увеличивающейся нагрузки на популяции охотничьих зверей и птиц США. Ресурсы большинства видов охотничьих животных находятся в этой стране в пре-восходном состоянии.

Вывод совершенно ясен и бесспорен: интенсивная эксплуатация популяций охотничьих животных при соблюдении необходимых норм и ограничений, при строгом контроле и помощи со стороны человека не противоречит эколого-этическим принципам и не оказывает отрицательно на численности и воспроизводстве этих ресурсов. Более того. Мы сталкиваемся с интересным, но вполне предсказуемым для условий США феноменом. Недостаточное освоение ресурсов охотничьих животных вызывает целый ряд негативных последствий. Размножившиеся бобры затапливают ценные участки строевого леса, подтапливают дороги, вредят садам. Излишне многочисленные олени являются причиной транспортных катастроф, сами гибнут под колесами машин. Гуси и казарки во время массовых миграций выщипывают всходы озимых. Многочисленные еноты наносят ущерб домашнему хозяйству, воруют съестные припасы. Утратившие боязнь перед человеком черные медведи на-ведываются среди бела дня на фермы и ранчо, поворгая в испуг хозяек. Американские статистики определили ежегодный ущерб от диких охотничьих животных в 1,3 миллиарда долларов, из которых около одного миллиарда приходится на белохвостого оленя и 100 с лишним миллионов — на бобра. Это — цена недопромысла и заблуждений «гуманистов» (Джекин и Сафонов, 2004).

Описанная ситуация еще раз подтверждает принципиальный вывод, сделанный экологами. Чем больше человек осваивает природу, чем глубже он вмешивается в ход естественных процессов и «отменяет» естественную экологическую регуляцию, тем необходимо становится регуляция искусственная. Мощное и грамотное охотничье хозяйство способно взять на себя миссию адекватного управления популяциями охотничьих животных. Что с успехом и доказывают США.

Окончание следует

Сокол-балобан. Эта хищная птица давно уже у нас не считается вредной, охотники ее не стреляют

Фото В. Мосейкина

ние позитивных экономических основ этой науки: «Опора на экономические расчеты в оценке природы очень опасна в идеологическом плане, ибо лишает природоохраников веских моральных и религиозных аргументов. Из природоохраников они незаметно превра-

Всего на Земном шаре обитает около 150 тысяч волков

Фото А. Тишкевича

Из немыслимых далей времени выют-
ся волчьи следы рядом с людскими.
Человек не без оснований объявил вой-
ну волкам в незапамятные времена. В
Древней Греции и Римской империи
еще до нашей эры уничтожение этих
разбойников всячески поощрялось. Во
все последующие века борьба против
серых разбойников велась везде, где
они водились, и, стало быть, безмер-
но резали домашних животных.

Неимоверно трудной была борьба с
этими хищниками, далеко не всегда и
не везде удавалось сокращать их чис-
ленность. Но все же в густонаселен-
ных европейских странах упорный че-
ловек своего добивался. В Англии по-
следний волк был убит еще в начале XVI
века, в Ирландии — в конце XVII. Не-
сколько столетий назад исчезли эти
ярые звери в Италии и Бельгии. Во
Франции еще долгое время изредка
появлялись до последнего времени
один-два выводка, и против них не-
медленно выступали бригады полиции
в сопровождении тысяч охотников, и
даже вертолеты взмывали в то тревож-
ное время, и пришельцы истреблялись.

А в нашей стране с немеренными про-
сторами, в большей части залесенными,
«серых помещиков» всегда было
много. Как и теперь. В 1935 году их чис-
ленность определялась в сто тысяч, к
концу Великой Отечественной она уд-
воилась, и потребовалось много лет
упорной борьбы, чтобы эти полчища
сократить в четыре раза. Легче этого
было добиться в степях и тундре, где
против хищников использовали авиа-
цию, да еще в густонаселенных обла-
стях и краях. В бескрайней же тайге Си-
бири и Дальнего Востока уничтожение
волка оказалось просто невозможным и
в доперестроенное время, когда ис-
требление хищников всячески поощря-
лось, теперь же его поголовье опять
быстро возрастает, потому что преслову-
тые реформы развалили все и вся, в
том числе и охотничье хозяйство.

ВОЛК

С. КУЧЕРЕНКО

стях и краях. В бескрайней же тайге Си-
бири и Дальнего Востока уничтожение
волка оказалось просто невозможным и
в доперестроенное время, когда ис-
требление хищников всячески поощря-
лось, теперь же его поголовье опять
быстро возрастает, потому что преслову-
тые реформы развалили все и вся, в
том числе и охотничье хозяйство.

Читателю будет небезынтересно уз-
нать, что теперь волков в европейских
странах обитает шесть-восемь тысяч, в
России же и ближнем зарубежье — в
десять раз больше. Обычен он во мно-
гих азиатских странах, даже в Японии.
Около тридцати тысяч насчитывается
их в Северной Америке. Всего же их на
Земном шаре около полуторасот ты-
сяч. Это далеко не малая численность.
Но печальнее всего то, что ее половина
находится на Российскую Федерацию.

Да, во многих странах и в некоторых
наших областях и краях волк выбит на-
чисто, однако, как бы в насмешку над
человеком, в других районах этот зверь
живет рядом с ним. Известны прямоты-
ка курьезные факты, когда волки вы-

ращивали своих детенышей у оживлен-
ных дорог, под мостами, на полях и
сельских окрестах, ежедневно, почти
ежечасно, спокойно наблюдая своего
заклятого врага. И удается ему это по-
тому, что он является животным высо-
кого психического уровня, а поведение
его сложно и вполне разумно. Мне не
раз приходилось писать, что волк, как
зверь, умен, не заключая это слово в
кавычки, и теперь я сие повторяю. И
подчеркиваю: по интеллекту он близок
к шимпанзе и дельфину.

Этот злой четвероногий гений хоро-
шо всем известен, однако все же кое-
что нужно напомнить. Видом и разме-
ром он с крупной овчаркой. Большая
лобастая голова, толстая шея, обе-
нистая грудная клетка, спортивно под-
тянутый живот, высокие, сильные, не-
стомнивые ноги. Словом, отлично на-
тренированный многоборец среднего
веса, мастер бега на короткие и длин-
ные дистанции, в борьбе, «силовых уп-
ражнениях» и во многом другом.

Волчья морда выразительна и бога-
та мимикой, насчитывается на ней око-
ло двух десятков выражений, четко со-
ответствующих определенному психи-
ческому состоянию и эмоциям: гнев,
злоба, покорность, ласка, веселье, на-
стороженность, угроза, спокойствие,
страх... Это, разумеется, основные
выражения, между которыми еще боль-
ше промежуточных нюансов и наверня-
ка нам еще не известных.

Волки, глядя друг на друга, обмени-
ваются информацией, спрашивают и
отвечают. Вспомните, как вниматель-
но глядят в лицо своему хозяину саба-

ка — этот ближайший родственник «черного» героя нашего рассказа. Она его понимает без слов, потому что на лице человека обычно бессознательно отображаются его мысли, настроение, намерения. И многие другие животные воспринимают тончайшие жесты, от внимания человеческого глаза ускользающие.

Хвост — тоже выразительный «язык» волка. Его движения недвусмысленно свидетельствуют о спокойствии или тревоге, уверенности в себе или страхе, угрозе или миролюбии, превосходстве, подчиненности. Чуточку изменилось положение или изгиб хвоста — и уже другое настроение выражает им зверь. О многом говорит положение ушей, осанка, а особенно голос. Почему-то многие считают, что волк может молчать или выть, на самом же деле у него диапазон и характер звуков куда разнообразнее: он умеет ворчать, скучить, взвизгивать, рычать, фыркать, чихать, завывать. И даже лаять! И всем этим звери выражают нечто конкретное, направленное к общению с себе подобными. К своеобразному и оживленному «деловому» разговору.

У волков отлично развиты все органы чувств, но особенно обоняние: оно сильнее, чем у человека, в тысячи раз. Нюх дает этому хищнику информации об окружающем мире, пожалуй, больше, чем его острое зрение. Сложность мира запахов зверя мы вряд ли можем себе даже представить. Ими он заявляет о себе, маркирует свою территорию, ищет брачного партнера. Понюхал, например, волк след — и ему ясно, кто и когда прошел. И не только это — запах говорит о поле зверя, его возрасте, силе, здоровье. Даже о желаниях и настроении! А запах однотайника — полнейшая анкета. Нет, степень чувствительности носа волка просто поразительна. Он зачинает затаившегося фазана за несколько десятков метров, а косулю — за сотни. Волк уверенно идет по следу, оставленному много часов назад, казалось бы, давным-давно выветрившемуся.

Но есть, пожалуй, у волка еще нечто, кроме известных нам органов чувств. Судите сами: отличить на расстоянии невооруженного человека от охотника не так уж и сложно, потому что ружье все-таки видно, да и запахи соответствующие. Ну а если в растянувшемся обозе на десяти санях с сеном безвредные для волка люди едут, а на следующих — замаскировавшиеся охотники? И ветер от волков к обозу? Как в этой обстановке серые каналы чувствуют опасность и поспешно улепетывают? Интуиция?

Возможно, об этом таинстве мы скоро узнаем, ведь не так уж и давно людям стала известна экология летучих мышей, термокаторы змей, гидроакустика дельфинов и китов. Мир животных таит в себе еще много непознанного, для любознательных и вдумчивых есть над чем призадуматься.

Да, физически волк развит всесторонне и прекрасно. В поговорке «вол-

ка ноги кормят» — истина. В броске он может развить скорость 20—25 м в секунду, представьте себе: стометровку промчит всегошеньки за четыре секундочки! В три раза быстрее отлично на тренированного спортсмена! Правда, столь стремительный бег и волк долго выдержать не может, хотя у него и сердце могучее, и легкие, как кузнецкие меха. Но со скоростью 50—60 км в час он может мчаться до четверти часа, а скорость в 30—40 км его вовсе не утомляет и он может выдерживать ее часами. Вот и выходит: спринтер и марафонец в одной персоне.

Не занимать волку и силы. Мне довелось видеть, как один из них легко трусил, держа в зубах крупного барсука, весившего не менее двух пудов. Бежал, словно кошка с крысой. Рассказывают, что с овцой, заброшенной за спину, он тоже бежит без напряжения. Два-три волка давят изюбра или молодого лося, весящих по полтора центнера. Стая же в благоприятных условиях справляется и со взрослым лосем, который в сравнении с волками не просто громаден, но еще ох как умеет постоять за себя в битве даже с материальными медведями. Напомню, что удар передними копытами сохатого обладает сокрушительной мощью. Известны случаи и успешного нападения волков на медведей.

Теперь настал черед поговорить о делах семейных этого ярого хищника. В теплый период года они живут парами, строго придерживаясь собственных владений и выращивая волчат. Холостяки и бездетные самки в эту пору живут отдельно, однако готовы в любой день и час помочь родителям в выращивании и обучении молодняка. А к осенним холодам все волки снова собираются в стаи и начинают вести бродячую жизнь. В такой стае обычно от 3 до 10, чаще всего 6—8 волков, большей частью единокровных: отец, мать, 3—4 прибывших и пара переярков, то бишь прошлогодков. Не состоящие в близком родстве в стае присутствуют редко. Но случается, что сливаются воедино несколько стай. Временно, конечно, при большой нужде: в глубокоснежье, например, или когда нужно одолеть большого опасного зверя.

В волчьей стае — строгая организация и железная дисциплина. Авторитет и власть вожака непререкаемы, ему подчиняются все. Повелителем стаи является самый опытный матерый зверь, и нередко — волчица. Для стаи характерна не только беззаявленная преванность вожаку, но и безоговорочная взаимовыручка, поддержка и слаженность действий. И только благодаря этому предельно ярко выраженные хищники обеспечивают себя достаточным количеством пищи и выживают в борьбе за существование, которую постоянное преследование со стороны человека делает особенно тяжелой и драматичной.

А вместе с тем волки в отношении к своим сородичам, ставшим по каким-либо причинам неполноценными, жес-

токи: слабых и болных часто уничтожают, а в голодное время и съедают их. Вероятно, поэтому старые звери живут в одиночку. Они ходят за стаей на почтительном расстоянии, пытаясь скучными остатками ее трапез. Как-то не укладывается в наших понятиях: сильные и здоровые между собою удивительно дружны, взрослые за молодняком ухаживают с такой трогательной заботой, а вот к больным, старым, а иногда и к сильным, погибельно пострадавшим за общее дело, беспощадны. Но биологи этой кажущейся беспощадности находят объяснения: у животных жестокость — в наших понятиях, конечно — часто неизбежна и для здоровых спасительна.

Брачная пора у них проходит во второй половине февраля — начале марта. Часто супружеские пары волков сохраняются всю жизнь и гон проходит тихо и мирно. А те шумные волчьи свадьбы с жестокими побоищами, о которых много пишут и рассказывают, бывают довольно редко — в основном, когда молодая или овдовевшая самка выбирает себе спутника жизни.

Но небезынтересно вот что. Да, волки — семьянин образцовые. Тем не менее и для них супружеская верность весьма относительна. Самец не упустит возможности «осчастливить» холостячку, по каким-либо причинам оказавшуюся одинокой, и даже на глазах у своей «суженой», для которой ревность не стоит конфликтов. И в той же мере самка с готовностью отдается пришлому самцу или бывшему «третьему лицу», особенно когда ее «единственный и неповторимый» устанет от «мужских обязанностей». Однако это вовсе не распутство, как можно нам подумать. Это путь к более увереному и надежному оплодотворению и зачатию во имя продолжения себя в наследниках собственного великолепия.

В свои сроки волчица в тщательно укрытом логове дарит своему миру от двух до четырнадцати, но чаще всего четыре-шесть волчат. В первые две недели она никуда от них, слепых, глухих и беспомощных, не уходит, кормит же ее супруг, он же отец семейства. Он трогательно заботлив, старательно охотится и таскает к логову добчу, отрыгивает полу переваренные куски мяса и тем кормит семью. К полуторамесячному возрасту, ставшие очаровательными и резвыми, детеныши переходят сосать мать и переходят на питание мясом. И с этого времени родители охотятся поочередно, ибо трудная это задача — кормить прожорливых детей.

Волки — удивительно добросовестные воспитатели. Они заботливо ухаживают за своими ненаглядными, терпеливо обучают всем премудростям сложной и нелегкой жизни, а в редкие свободные часы с удовольствием с ними играют. Так же, как и собаки. Даже как-то странно: такому строгому и кровожадному зверю, оказывается, не чужды веселье и забавы.

Но и еще: в воспитании своих наследников волки чрезвычайно терпеливы. В редкие минуты отдыха неугомонные щенки таскают и кусают их куда придется, даже в ухо и в нос, а они знай себе увертываются. Лишь когда иссякает и родительское терпение, они уходят туда, где можно спокойно вздремнуть перед очередной охотой хотя бы полчаса.

Конечно же, когда малыши слишком вольничают или по отношению к своим единогубчикам ведут себя нехорошо, взрослые их наказывают. Наказывают не сильно, но так, что провинившийся отлично понимает, где он поступил плохо, и запоминает урок на всю жизнь.

В июле волчьи выводки начинают выть. Взрослые и молодые. Как только густые сумерки окутают землю, потянутся волчьи песни, приводящие в трепет всех, кто их слышит. «У-ооо-у, ууоо-уу». От этого воя жутко становится на душу. Как будто перед тобой раскрывается дикое, самое сокровенное природы, еще не познанное и не понятое, а потому и страшноватое. А слыша жуткий вой обретенного на одиночество старого волка, человек испытывает потрясение.

Кстати, по голосу можно судить о волке: у матерых — протяжное завывание на низких тонах, причем самец тянет густым басом с ударением на «ууу»: перекарки воют еще неумело — берут высоко, но скоро срываются и как бы от обиды и стыда перебрехиваются; ну а волчата — те еще даже и не воют, а так — скуют высокими альтами и, кажется, сами же над собою хохочут.

Вой — не прихоть и не забава этих зверей, а способ общения родителей с волчатами, волка с волчицей, стаи со стаей. Различными по высоте и тембру «мелодиями», их протяженностью, силой голоса и другими приемами волки выражают призыв и угрозу, радость общения и тоску одиночества, призыв и подчинение. Своим веем они передают информацию от стаи к стае на большие расстояния. Например, о движении оленевых табунов.

Когда волки воют вместе, всей семьей или стаей, получается нечто вроде маленького оркестра. Вроде бы и не сложено, и не в унисон воют, а вот получается гармонично. Высокие и чистые их голоса побуждают представлять некие концертные залы, вроде бы существующие в мире животных. И ведь не просто так канадский национальный парк Алгонкии посещают тысячи туристов единственно ради того, чтобы послушать волчьи «концерты».

В августе волчата уже весят около десятка килограммов и с сентября начинают охотиться вместе с родителями, которые продолжают передавать им весь свой опыт и умение. В начале зимы в шестимесячном возрасте молодые в размерах близки к родителям и уже в основном умеют жить по-взрослому, но они еще долго будут учиться уму-разуму, потому что очень не просто жить по-волчьи и год от года не легче.

А теперь мы подошли к тому самому вопросу, в котором вся причина человеческой ненависти к волку — к питанию этого хищника. Основу его, разумеется, составляет мясо, желательно парное, жирное и сочное и без «нормирования». Охотится он на всех животных, которых способен осилить, но все же в первую очередь на диких. К населенным пунктам с искушением зарезать скотину он идет в случае крайней нужды, хорошо понимая рискованность этой затеи.

В лесах он охотится за многими жертвами — от полевки и бурундука до лося и марала. Однако чаще всего у него есть излюбленная добыча: в тундре — северный олень, в тайге — лось, марал или изюбр, в лесостепи — косуля, в горах — бараны и горалы, в степях — сайгаки и джейраны. Но волк не преминет задавить и любое другое животное, если ему представится возможность.

Промышляют эти прирожденные и умелые охотники по-всякому. В равной степени настигают они свои жертвы из засады несколькими прыжками либо догоняют их после многокилометрового упорного преследования на измор. Коллективные волчьи охоты поражают четкой организацией и согласованностью. Хищники хорошо чувствуют обстановку, действия единомышленников и в большинстве случаев быстро находят правильные решения. Их охота загоном, когда стая разбивается на засадников и загонщиков, во многом напоминает охоту людей. Так же организованно эти звери добывают хлеб своей науснущий и облавами, загоняя найденные жертвы на лед, в топи, в воду, к обрывам или на каменистые россыпи.

Но и это не все! Они умеют ловить рыбу, лягушек, мышей, разоряют птичьи гнезда. Не откажут себе в удовольствии сгребть на бахче дыню, арбуз или помидор, отведать ягод или диких яблочек. Однако когда обстоятельства подопрут, то и такую неизысканную снедь, как насквозь промороженную или высокую падаль, улетают за милую душу, да еще приходя за нею к сельским околицам, рискуя шкурой.

Да, далеко не всегда и не везде этот мясоед может безбедно существовать на добыче диких животных. В густонаселенных сельскохозяйственных районах их явно не хватает, а в суровые многоснежные зимы, когда серым разбойникам жить становится невмоготу трудно, они жмутся к селам и занимаются грабежом. Режут собак, свиней, коров, лошадей, гусей. В северных районах больше всего достается оленям — как домашним, так и диким. Причем нередко расточители давят гораздо больше, чем могут съесть и унести. Особенно стервенеют они осенью, когда взрослые учат своих великовозрастных детей: старые демонстрируют свое удачное мастерство, а подростки доказывают, что тоже не лыком шиты. О том, насколько умело волк владеет своими зубами, судите сами: за час он способен умертвить несколько десятков овец или до четверти сотни оленей. Оттого-то крестьяне и оленеводы ис-

покон веков так ненавидят этих грабителей и неустанно их преследуют. Вполне естественно, они на это имеют полное право.

Но не меньше оснований для беспощадного уничтожения этих хищников имеют охотники и охотоведы, ибо те истребляют полезных диких зверей гораздо больше, чем охотники всех категорий, вместе взятые. И даже вкупе с браконьерами. В Амуро-Уссурийском регионе, например, от них больше всего страдают косули и изюбрь.

Однако никто не ставит вопрос о полном истреблении этого хищника: нужно лишь сократить его численность до минимума, то есть в восемь-девять раз современной численности. Все понимают, что вид этот, во-первых, чрезвычайно интересен, а во-вторых — все-таки заслуживает уважения за необыкновенные повадки, дьявольское упорство и находчивость в трудной борьбе за существование. Ведь не зря же на флотах бывалых моряков-капитанов издавна уважительно зовут морскими волками. И не просто так к этому зверю испытывали глубокое уважение Сентон Томпсон, Джек Лондон, Фарли Мотэт. В странах, где добивали последнего волка, ставили ему памятник, а теперь задумываются над тем, чтобы завести его снова и размножить. В малом числе, разумеется, и все же, все же... Что ни говори, драматична судьба героя этого очерка.

Волк и собака, как близкие родичи, дают плодовитое потомство. Дети в этих «неравных браках» бывают самые разные, однако они чаще всего как бы усредняют и внешность, и размеры, и повадки того и другого родителя. Но «волчья кровь» в них всегда оказывается, и не надо думать, что делает она волка-собаку для человека лучше. Хорошо обученный пес всегда предпочтительнее: он предан хозяину до конца своей жизни и никогда его не предаст, он же послушнее и надежнее. Да и матеровитее.

Ну а попытки вырастить волчонка чаще всего обергаются крахом. «Сколько волка ни корми — он в лес смотрит» — не зря говорят. Как ни воспитывай щенка «дикой кровью», в нем постоянно дремлет хищник — сильный, коварный, агрессивный и жестокий. И зверь может проснуться в нем без видимых причин и в любое время, чаще всего неожиданно. Волк для человека всегда опасен, даже вроде бы приученный. Так что не рискуйте. Известно много попыток сделать из него «ласкового и нежного зверя», но они плохо кончались, и нередко трагедией. Волк всегда будет оставаться волком. А потому и себе скажем: судьбу лишний раз испытывать не следует.

Казалось бы, ну кто не знает волка! Спутника человека с доисторических эпох! Не спорю: знаем. Однако насколько полно — вот в чем вопрос. Сколько ни изучай братьев наших меньших, они во многом остаются для нас тайной. Их природа невообразимо сложна.

«Охотничьи звери Карелии»

Не много найдется чисто научных изданий, которые были бы одинаково интересны как специалистам, так и самому широкому кругу читателей. Рецензируемая монография¹ — одно из них. Насыщенная научной информацией, в том числе и новейшей, эта книга, без сомнения, является событием в научном мире.

Автор этого фундаментального научного труда Петр Иванович Данилов, доктор биологических наук, профессор, Заслуженный деятель науки и Заслуженный работник охотничьего хозяйства Российской Федерации, по существу подвел в нем итог своей более чем 45-летней научно-исследовательской работы в Карелии и в других регионах Северо-запада европейской части России — в Мурманской, Архангельской, Вологодской, Ленинградской, Новгородской, Псковской областях, а также в Финляндии.

Для читателей нашего журнала особенно интересно то обстоятельство, что при работе над монографией автор широко использовал также и личный 50-летний охотничий опыт. Но и это еще не все: в книге приводятся результаты обработки обширных архивных материалов из Института биологии Карельского Научного Центра РАН, Западного отделения Всесоюзного научно-исследовательского Института охотничьего хозяйства и звероводства, республиканских охотничих организаций и, что особенно ценно, сведения от многочисленных охотников-корреспондентов с мест.

К несомненным достоинствам книги нужно отнести и 33 великолепные, нередко оригинальные и эксклюзивные цветные фотографии, помещенные на вкладке из мелованной бумаги. Из 34-х видов охотничьих зверей, обитающих в Карелии, автор выделил для детального рассмотрения 20 видов, которые реально служат объектами охотничьего промысла в регионе.

В первой главе автор приводит исторический обзор фауны охотничьих зверей Карелии и освещает историю их изучения в республике.

Перед читателем проходит череда видных исследователей, самоотверженными усилиями которых познавался животный мир Европейского севера России. Н. Я. Озерецкий и К. Ф. Кеслер, И. И. Поляков и С. И. Благовещенский, Г. А. Новиков и Н. М. Михель — вот лишь несколько фамилий.

¹ Охотничьи звери Карелии: экология, ресурсы, управление, охрана. (П. И. Данилов.). (отв. ред. Э. В. Ивантер; Ин-т биологии Кар. НЦ). — М., «Наука». 2005. — 340 стр.

мииль ученых, стоявших у истоков исследований фауны позвоночных Карелии. Но, как справедливо подчеркивает автор, наибольший, поистине неоценимый вклад в эту копилку знаний внесли позже М. Я. Марвин и Э. В. Ивантер. Добавим от себя, что к этому списку с полным основанием следует отнести и П. И. Данилова, автора рецензируемой книги.

Вторая глава, посвященная экологии двадцати видов охотничьих зверей Карелии, занимает центральное место в книге. Автор последовательно освещает все ключевые аспекты экологии четырех отрядов млекопитающих: зайцеобразных, грызунов, хищных и парнокопытных.

Особенно детально обсуждаются изменения численности популяций ресурсных видов охотничьих животных и причины, определяющие эти изменения. Это представляется крайне важным для определения стратегии управления популяциями ценных охотничьих зверей на всем Европейском севере России.

В аналитическом аспекте очень содержательна третья глава книги, посвященная изменениям фауны охотничьих животных Карелии за последние сто лет. В условиях дальнейшего нарастания действия антропогенных факторов, причем не только в Карелии, анализ произошедших изменений особенно важен. Автор убедительно показывает негативное

влияние хозяйственной деятельности человека на животных и справедливо проявляет озабоченность их дальнейшей судьбой. Вместе с тем он констатирует, что продвижение на север границы ареала таких видов, как лесной хорь, барсук, волк и косуля, связано с антропогенной трансформацией лесных экосистем. Скоротечное и мало понятное до сих пор расселение кабана по северным регионам также изначально связано с деятельностью человека.

В книге проанализированы ход и результаты акклиматизации новых видов охотничьих зверей, ее позитивные и негативные стороны. Последнее в первую очередь относится к инвазии североамериканских видов — экологических двойников представителей нашей фауны — американской норке и канадскому бобру.

Завершает монографию глава об использовании ресурсов фауны охотничьих животных и их охране. Несомненный интерес представляют как ретроспективные данные о добыче зверей в регионе в XIX—XX вв., так и новые данные на конец ушедшего столетия вплоть до периода «реформ» в 90-е годы. Важно, что автор не ограничивается лишь констатацией фактического материала, но и предлагает конкретные шаги в области дальнейшего управления популяциями, в частности рассматривает критерии для организации охотничьих заказников.

Несмотря на то что рецензируемая монография — научное издание, она написана языком, доступным любому читателю. Не приходится сомневаться, что книга будет интересна как профессиональным биологам, специалистам по охране природы, охотничью хозяйству, так и простым охотникам и вообще широкому кругу пытливых читателей, интересующихся природой и животным миром.

Критических замечаний в адрес рецензируемой монографии у нас нет. Приходится лишь сожалеть, что эта интереснейшая книга, которая несомненно могла бы занять достойное место на книжной полке каждого охотника, сразу же после выхода в свет стала библиографической редкостью. Тираж в 420 экземпляров, значительная часть которого ушла в библиотеки страны и различные научные учреждения, не может обеспечить возможность для всех желающих приобрести книгу. И это, увы, судьба многих научных изданий.

М. ВАЙСФЕЛЬД,
ведущий научный сотрудник
Института географии РАН,
кандидат географических наук

Вниманию наших авторов!

Налоговая инспекция требует от редакции сведений об авторах: фамилия, имя, отчество; день, месяц и год рождения; номер паспорта, когда и кем выдан; домашний адрес с почтовым индексом; ИНН; номер страхового пенсионного свидетельства. Просим присыпать перечисленные сведения вместе с материалами, предлагаемыми для публикации. Присланые рукописи не рецензируются и обратно по почте не возвращаются.

ПО УТКАМ: из шалаша, с подхода, с подъезда, на перелете

А. БЛЮМ. Фото А. Дигилевича

Август. Очередное открытие летне-осеннего охотничьего сезона. Печень видов, на которые разрешают охоту, гораздо внушительнее весеннего. Здесь дичь болотная и боровая, гуси и голуби, куропатки и перепела, даже медведи и кабаны и, конечно, утки, охоту на которых можно считать самой популярной и массовой.

Утиные охоты очень разнообразны, и это объясняется прежде всего тем, что утки, в зависимости от вида, питаются разными кормами, доступность которых определяется характеристикой водоема, его типом. Наверное, все охотники знают, что так называемые «благородные утки», к которым относятся кряковая, серая, шилохвость, широконоска, свиязь, чирки и некоторые другие, кормятся в большинстве своем на мелководных участках водоемов. За кормом они не ныряют, а собирают его или с поверхности воды, или из-под воды, но с глубины, чуть превышающей длину их шеи.

Из нырковых наиболее известны два вида чернетей, гоголь, красноголовый нырок, крохали. Есть, конечно, и другие, но они гораздо реже попадают охотнику под выстрел. У этих уток характер питания совсем другой. Свой корм они находят на дне водоемов и в толще воды. Это могут быть и водные растения, и беспозвоночные, и рыба. Нырков гораздо чаще можно увидеть на

открытых плесах, они обычно менее осторожны в полете и чаще налетают даже на плохо замаскированного охотника.

Соответственно, «благородные утки» — это обитатели мелководных, хорошо прогреваемых участков водоемов и болот. В ранне-осенний и летний периоды они держатся в прибрежной зоне: в бордюре из тростника и рогоза, особенно любят заросли телореза, озерного камыша и хвоща. Позже, ког-

да выводки уже разлетелись и пришла пора собираться в стаи, утки очень часто устраивают коллективные дневки. Это, как правило, места «крепкие» и спокойные. У меня на памяти есть несколько таких мест, и вот характерные примеры. Один раз это было верхнее течение небольшого ручья, подруженного старой лесовозной дорогой, в результате чего произошло подтопление низинки площадью около 1,5 га. Эта низина с небольшими зеркальцами открытой воды заросла ивняком вперемежку с рогозом, что создало идеальные условия для отдыха уток. Из этого болотца вылетело около полутора сотен кряковых. Еще одна подобная дневка была обнаружена в похожем месте, в болоте, которое служило истоком ручья. Потом совсем рядом находилось овсяное поле, где были устроены засидки на медведя. С наступлением сумерек из куртины рогоза вдруг начали вылетать утки, вперемежку кряквы и чирки, и тут же садиться в овес. По весьма приблизительным подсчетам, их было не меньше 200.

Собственно кормовые пристрастия уток в тот или иной период времени зачастую и определяют способы охоты на них, из которых наиболее известны четыре: из шалаша, с подхода, с подъезда и на перелетах.

Большинство начинающих городских охотников первый опыт стрельбы влет получают на охотах в организованных охотхозяйствах, где чаще всего практи-

тикуется единственный способ охоты — из шалаша с чучелами, а иногда и с подсадной, рассчитанный большей частью на стрельбу по сидячей птице. Однако утка, настеганная выстрелами, через два-три дня охоты прекрасно запоминает опасные места, и надеяться на ее присадку может лишь неисправимый оптимист.

Шалаша обычно ставят в местах утиных присад, причем не кормовых, а дневочных. Так как большинство охот начинается с утренней зари, то подлет птиц надо ожидать именно на дневку. Конечно, идеальный вариант, если вечернюю зорю охотник встречает в шалаше, поставленном на месте ночной кормежки, а утреннюю в районе дневки. Но так бывает редко. Тем более что пуганная выстрелами птица часто уходит даже из очень полюбившихся ей мест. Объектами охоты остаются только единичные неосторожные особи, которые иногда могут пролететь в пределах выстрела от шалаша. А стрельбу в таких условиях следует считать сложной, и рассчитывать на хороший результат может только охотник, имеющий достаточные навыки подобной стрельбы. Охота из шалаша держит охотника в постоянном напряжении, разумеется там, где уток достаточно. Прямо скажем, осенью и к подсадной,

и к чучелам кряковые подсаживаются редко, это больше характерно для чирков и нырковых уток, но по пролетающим стрелять приходится довольно часто. Чем стоит заняться охотнику в шалаше в первую очередь? На мой взгляд, прежде всего нужно определить зону, в которой можно уверенно стрелять с расчетом на надежное поражение птиц. Затем уже в этой зоне выделить для себя сектора, где стрелять не надо, потому чтобитая птица будет падать в густые заросли тростника или другой водно-болотной растительности, где найти ее будет практически невозможно.

Утки — птицы быстрого полета, только при взлете они иногда кажутся несильно неуклюжими, особенно чирки, но понаблюдав за идущими на посадку этими же чирками или красноголовыми нырками, когда сначала слышен только свист рассекаемого воздуха, потом видишь бурун посадки и уже затем саму птицу, их можно смело считать лучшими летунами нашей охотничьей орнитофауны.

Самая простая стрельба по утке — это при охоте с подхода на вылетку. Много лет тому назад первую самостоятельную практику охотничьей стрельбы влет я приобрел именно на такой охоте.

Стрелять я начал очень рано, так как самое разнообразное оружие у нас в доме было всегда. А за переход во второй класс с «Похвальной грамотой» мне был подарен малокалиберный Винчестер, правда со снятыми нарезами. Прямо скажем, оружие без претензии на точный выстрел, но зато вполне пригодное для стрельбы в лет по консервным банкам, которые мы (отец, брат и я) добивали кувыркающимися пулями до проволочного состояния. В общем, до времени самостоятельной охоты стрелял очень много, но в основном из пулевого оружия — сначала малокалиберного (от пистолетов и револьверов до малокалиберного пулевета), благо патронов было по потребности, а затем из разного другого. Это были пятидесятые годы, известные своим либеральным отношением к владельцам охотничьего оружия. Но все это была стрельба пулевая, и к реальной охотничьей стрельбе дробью она не имела никакого отношения. Разумеется, я всегда мог попасть в подброшенную банку или деревянную чурку из дробового ружья, и из винтовки, но, как оказалось, не в утку.

В начале шестидесятых годов, как раз к открытию летней охоты, я со свободными двумя неделями попал на самую границу нынешних Тверской и Смоленской областей южнее города Белого, рассчитывая поохотиться. Так как собаки у меня не было, основными местами охоты я выбрал берега расположенного недалеко Чичатского озера и саму речку Чичатку, неширокой 7—10-метровой лентой текущую в ольховых зарослях через покосы и выгонки местного колхоза. Надеялся я на уток. Надо сказать, что на утиных охо-

тах я бывал и раньше. В основном это были поездки с отцом в Заболотье охотхозяйство. У него, а впоследствии и у меня, были дружеские отношения с тогдашним директором Петром Михайловичем Пришвиным — сыном замечательного писателя. Я приезжал оттуда с трофеями, в том числе и добытыми в лет, но, на мой взгляд, это были большей частью случайные попадания, что и подтвердилось во времена охоты на речке Чичатке. У меня с собой был отличный Меркель 203 модели с прекрасным боем, особенно мелкими номерами дроби. Берег озера оказался приболоченным, и подойти близко к кромке воды было нельзя, поэтому утки взлетали из прибрежного тростника на пределе надежного дробового выстрела. Выстрелив раз десять и не взяв ни одной, в состоянии совершенной подавленности, так как не понимал причины промахов, я оставил озеро и решил попытать свое охотничье счастье на речке. Первых трех кряковых, поднимавшихся поочередно не далее 15—20 метров от меня, я опять благополучно промазал, но в этих промахах появился один положительный момент. Если, стреляя безрезультатно на озере, я списывал свою неудачу на вроде бы дальнюю дистанцию вылета уток, то здесь все стало совершенно очевидным. Я торопился с выстрелом и небрежно прицеливался, подсознательно считая, что широкая осыпь дроби сама компенсирует мои ошибки. Но стрельба на охоте не терпит небрежности. Чуть ошибки в прицеливании, чуть в упреждении — и, пожалуйста, промах!

В начале охотничьего сезона утки, вспугнутые из прибрежного бордюра, взлетают медленно и вроде бы неохотно. Видимо потому, что взрослые особи недавно закончили линьку, а молодняк только что поднялся на крыло. Взлет у них шумный, и собаку, и охотника они напускают близко, поэтому особенно начинающему охотнику лучше использовать патроны, снаряженные 7 или даже 8 номером дроби. Упреждение минимальное, когда стреляешь на взлете, если же ружье легло в плечо неловко, то есть время на поправку, правда, с соответствующим увеличением упреждения. Охоту на вылетку с подхода можно, пожалуй, считать самой лучшей, как начальный этап практики стрельбы влет. Она хороша еще и тем, что может быть индивидуальной, т. е. охотник один, его не смущает присутствие товарищ или вообще посторонних людей, и он спокойнее анализирует свои ошибки.

Охота на лодке с подъезда очень близка предыдущей. Разница заключается в том, что при этом способе охотник обследует прибрежный растительный бордюр водоема с внешней стороны, и еще ему нужен сопровождающий, который правит лодкой. Можно, конечно, самому и править, и успевать стрелять, однако сложность стрельбы при этом заметно возрастает: во-первых, увеличивается дистанция выстрела, так

как нужно бросить веяло, схватить ружье, вскинуть его и выстрелить прицельно, а во-вторых, все вышеперечисленные действия нужно сделать быстро, четко, без суеты и с максимальной скоростью. Если в лодке два человека, то характер стрельбы очень близок таковому же при охоте с подхода, только исполнение, естественно, более сложное, потому что охотник находится в лодке и ограничен в свободе действий. Здесь допускаются дальние выстрелы, ведь лодка позволяет быстро подплыть к месту падения птицы и подобрать ее. Для августовской охоты с подъезда при нормальных зарядах оптимальен 7 номер дроби для первого выстрела и 6 для второго. Сентябрьские и тем более октябрьские охоты требуют для кряковой и других крупных уток (большой крохаль, турпан и др.) соответственно 5, 4 и даже 3-го номера.

Особое внимание нужно обратить на упреждение и дистанцию стрельбы. Естественно, что это относится к любому способу охоты. Я не буду здесь говорить о конкретных величинах, их приблизительные значения можно посчитать, пользуясь таблицами скоростей полета дроби и движения животных. Но нужно помнить, что какое бы упреждение вы ни выбрали в соответствии с дистанцией стрельбы и скоростью полета птицы, его нужно соблюдать независимо от угла выстрела. Птица, летящая под углом, который делает ее полет ближе к угонному или встречному, имеет больше шансов быть пораженной боковыми дробинами снопа, но его центр нужно все-таки направлять именно в ту точку, где они должны встретиться (центр снопа и птица). И суметь не обмануться кажущейся необходимостью уменьшения упреждения с уменьшением угла между линией полета цели и линией выстрела.

Теперь немного о дистанциях стрельбы. Шанс сделать подранка и безнадежно потерять птицу наиболее велик при стрельбе не в меру, т. е. дальше, чем максимально рекомендованное расстояние для данного номера дроби и вида дичи. С увеличением дистанции стрельбы диаметр дробовой осыпи увеличивается прогрессивно, а зона надежного поражения столь же активно сокращается. Поэтому вероятность зацепить птицу одной—двумя дробинами вполне реальна, но добить ее как трофеи — призрачна. На любой охоте главное — не превышать ту дистанцию стрельбы, на которой обеспечивается надежное поражение дичи.

Основная причина промахов по уткам (не на подъеме) — это неправильная оценка скорости полета и, как следствие, малое упреждение, а результат — обзаживание. Расчеты показывают, что при стрельбе по пролетающей кряковой утке с расстояния 35 метров величина упреждения для центра дробовой особы будет около 2,5 метра.

Практика же стрельбы на охоте показывает, что начинающему охотнику почти невозможно заставить себя вынести точку прицеливания более чем на полтора метра вперед птицы. Для успешной стрельбы нужно постоянно тренировать себя в определении дистанции, скорости полета птицы и в оценке упреждения.

Стрельба на перелетах тоже довольно сложна. Перелетая с места дневок на кормежку и обратно, утки летят обычно одним маршрутом, и если охотников не много и птиц не загоняют беспорядочной стрельбой в заоблачные высоты, то вполне реально выбрать место, где утки будут налетать на нормальный выстрел. Трудность стрельбы заключается в том, что летят они быстро и чаще всего в сумерках, т. е. не всегда можно заранее заметить птицу и вовремя изготовиться к выстрелу, правильно оценив расстояние до утки и скорость ее полета. Здесь лучше воздерживаться от дальних выстрелов, а стрелять близко налетающих птиц.

Когда охотнику удается найти пойменные озерки или мелководные заводи, куда прилетают утки на ночные кормежки, то, встав на маршруте подлета к этим водоемам, можно удачно постrelять, несмотря на то что утки появляются обычно уже в густых сумерках. Недалеко от присады они летят медленно и низко, появляясь над охотником зачастую всего в 10—15 метрах. Для такой стрельбы даже поздней осенью лучше брать патроны с мелкой дробью № 6, 7 и даже 8.

Отдельно стоит остановиться на стрельбе некоторых нырковых уток на воде. Многим приходилось быть свидетелем такой ситуации, когда чернеть или какой-нибудь луток успевают нырнуть за доли секунды до того, как будут осыпаны дробью. Через 15—20 се-

кунд они снова появляются на поверхности воды, и все повторяется с одинаковым результатом. Основные причины неудачной стрельбы, на мой взгляд, следующие. Все знают, что у нырковых уток над поверхностью воды находится меньшая часть туши и они представляют собой очень маленькую цель. Расстояние на воде обычно кажется меньшим, чем есть на самом деле, и принять пятидесятиметровую дистанцию за нормальную ничего не стоит. Чернети, луток и некоторые другие нырковые во время осенних перелетов часто держатся на открытых плаесах довольно далеко от берега. Подплывающую лодку стайки уток редко подпускают ближе 70 метров, к одиночкам можно приблизиться и на 50, но это предельная дистанция для стрельбы даже в нормальных условиях. Охотник находится в лодке совсем не высоко над водой, да старается еще пригнуться, чтобы быть менее заметным и подплыть ближе. Вот и получается, что дробь летит низко над водой и ей нужно поразить очень узкую, чуть выступающую над поверхностью воды спинку птицы. А на 50 метров дробь даже из кучно бьющего ружья чаще всего обнется такую цель. Как уже говорилось, эти утки очень часто успевают нырнуть. Это не случайность, и в этом нет ничего удивительного. Общеизвестно, что звук распространяется в воздушной среде со скоростью около 330 м/с и расстояние 50 метров пройдет примерно за 0,15 сек, а дроби № 4 среднего патрона потребуется 0,20 сек, чтобы преодолеть то же расстояние. А реакция у птиц хорошая. Поэтому выстрелы по ныркам с лодок редко бывают результативными и охотиться на них лучше из шалашей, построенных на больших плаесах, и с большим количеством чучел.

Всем — счастливой охоты!

Осторожно: трихинеллез!

Т. ЦЫБИНА, ФГУЗ ФЦГиЭ Роспотребнадзора, Д. КРАСНЫЙ, Н. КИРЮХИНА, НПП «ЭКОНИКС»

Трихинеллез — паразитарное заболевание, возбудитель которого, нематода *Трихинелла спирилис*, распространен во всем мире, включая Арктику и Африку. Он паразитирует в организме человека, домашних (свинья) и диких (кабан, медведь, барсук и др.) животных. Человек заражается трихинеллезом при употреблении в пищу сырого или недостаточно термически обработанного мяса или сала (с мясными прожилками) животных, чаще всего свинины, а также мяса кабана, барсука, бурого и белого медведя, мяса морских млекопитающих, содержащего инкапсулированные личинки трихинелл.

Инкапсулированные личинки находятся в мышцах животных на протяжении их жизни, длительно (десятки лет) сохраняются в трупах животных, перенося вымораживание даже в условиях Арктики. В Российской Федерации ежегодно регистрируется до 600 случаев трихинеллеза у людей, из них более 100 случаев среди детей, в том числе с летальным исходом. Наиболее неблагополучными территориями являются республики Хакасия, Северная Осетия (Алания), Саха (Якутия), Краснодарский, Краснодарский, Хабаровский, Приморский, Алтайский края, Камчатская, Калининградская, Тульская, Иркутская, Амурская, Ростовская, Тюменская, Свердловская, Кемеровская области, Еврейская автономная область. Основные источники заражения: свиное мясо, мясо медведей, барсука, собак, шакала и даже дикой козы.

Инкубационный период (до проявления клинических симптомов заболевания) составляет 2–3 недели, при очень сильном заражении может сократиться до 2–7 дней. При заражении северными видами трихинелл (мясо медведя, особенно белого, морских млекопитающих) инкубационный период достигает 1–1,5 месяцев с последующим тяжелым течением заболевания.

Стартая и легкая формы болезни: повышение температуры до 37,5–37,8 °С, не сильные мышечные боли, отечность лица. Через 2–3 недели внезапно появляются боли в мышцах затылка, конечностей или по всему телу, головные боли, сыпь, озноб с подъемом температуры до 38,5–39,5 °С, редко 40 °С.

Тяжелая форма трихинеллеза: боли в животе, тошнота, рвота, понос, бессонница, возбуждение, резкая слабость, постепенное повы-

шение температуры (в течение 2–2,5 недель) до 40–41 °С. Затем появляются боли в мышцах всего тела, отеки, сыпь с кровоизлияниями и нагноениями. Поражаются в первые 7 дней и внутренние органы — сердце (миокардит), легкие (пневмония), печень (гепатит), а также и мозг (менингоэнцефалиты). Миокардит служит основной причиной смерти.

Облегчает диагностику исследование мяса или сала методом компрессионной или стереоскопической микроскопии (трихинеллоскопии). В пределах неблагополучных территорий высокому риску заражения трихинеллезом подвержены сельские жители, выращивающие свиней, охотники, геологи, нефтегазодобывающие и т. п. Профилактика трихинеллеза у людей: охотничьи-промышленные хозяйствства, общества охотников и рыболовов, а также охотникам-любителям, которые занимаются отстрелом диких животных, сдавая пробы мяса на ветеринарно-санитарную экспертизу перед употреблением (реализации) или в полевых условиях проводить трихинеллоскопию; не приобретать мясо свиней и диких животных с рук; приобретая мясо на рынке, требовать предоставления справки о проведенной ветеринарно-санитарной экспертизе мяса на трихинеллез.

Наиболее удобным для проведения исследований в полевых условиях является модель ПТ-101 (производство НПП «ЭКОНИКС», г. Москва). Прибор имеет увеличение 40–50х, встроенную подсветку с регулировкой яркости, упакован в специальную сумку, укомплектован медицинскими ножницами для приготовления срезов, перчатками, 2 компрессориями с зажимами для фиксации, подробной инструкцией проведения трихинеллоскопии.

Трихинеллоскоп ПТ-101 позволяет охотникам проводить трихинеллоскопию мяса непосредственно на месте отстрела или забоя животного, что значительно снижает риск заражения трихинеллезом. ПТ-101 можно применять и в стационарных ветеринарных и санитарно-эпидемиологических лабораториях. Цена прибора доступна как для организаций ветеринарного и санитарно-эпидемиологического надзора, охотничьи-промышленные хозяйства, общества охотников и рыболовов, так и для отдельных охотников — профессионалов и любителей.

НПП Эконикс®

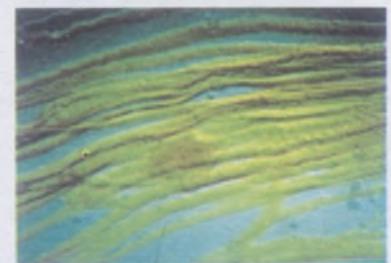
Портативный трихинеллоскоп ПТ-101

Увеличение крат	50
Диаметр поля зрения	4,5 мм
Время работы от одного элемента питания («Крона») не менее	60 ч.
Размеры прибора в рабочем положении (без установленных предметных стекол) не более:	
диаметр	73 мм
высота	240 мм
Размеры компрессория (верхнее+нижнее стекла) (ТхДхШ)	8x160x24 мм
Вместимость компрессория	10 образцов

Масса прибора не более 500 г
Масса прибора в упаковке не более 700 г

Портативный переносной трихинеллоскоп предназначен для обнаружения трихинелл в мышечных волокнах методом компрессионной трихинеллоскопии. Прибор может также использоваться как обычный микроскоп. Все наблюдения производятся в проходящем свете, с регулировкой яркости. При транспортировке пакуется в удобную сумку, комплектуемую необходимыми принадлежностями (ножницы, перчатки, 2 компрессория)

Поставляем оборудование для ветеринарных и ветеринарно-санитарных лабораторий

119071, Россия, Москва, Ленинский пр., д. 31, стр. 4, ИФХЭРАН ЭКОНИКС, т/ф (495)958-2830, 952-6584, 955-4034, 955-4014, 955-4608 <http://WWW.econix.com>, e-mail: econix@econix.com; econix@econix.com2com.ru

Счастье юных лет

Р. ДОРМИДОНТОВ

В июне 1943 года мою маму назначили директором сельскохозяйственной опытной станции в Берёзово, в Западной Сибири. Мне было 12 лет. На пароходе «Храбрый» мы плывли по р. Конда мимо редких поселков по глухим таежным берегам. С пересадкой в Ханты-Мансийске мы приплыли в Берёзово. Стояла пасмурная, холодная погода, белые ночи не давали спать. Первые наши впечатления были достаточно мрачными.

Берёзово в те годы было сравнительно большим поселком — районным центром, но кирпичными были только два здания: разрушенная по приказу властей церковь, основанная еще Меншиковым, и двухэтажная школа под мохнатыми кедрами.

Первые недели две мы жили в домике на берегу одного из рукавов реки Северной Сосьвы, а потом переехали в дом на бугре над рекой. Недалеко от этого дома стоял лишь сарай с гумном, где осенью молотили хлеб и скирдовали солому. Наш дом был довольно просторным. В нем были сени, терраса, три комнаты и кухня. Мою кровать мама поставила вдоль тыльной стороны печки, и мне было невыразимо приятно прижиматься спиной к ее теплой поверхности после пронизывающих северных ветров или морозов. А ветер вокруг нашего дома всегда бывал особенно сильным: хлопал дверями, звенел стёклами, гудел и вил в трубе.

Мы приехали в Берёзово сразу после окончания мною 4-го класса, но даже не побывав в школе, я быстро познакомился со сверстниками на опытной станции, жизнь моя очень быстро изменилась. Меня стали приглашать на рыбалку, на сенокосы... Довольно скоро я и сам овладел штыком из трех кедровых досок членком — «колданкой», и для меня открылся новый сказочный мир рек, озер, заливных лугов с высокой травой и зарослями тальника, заросшие зелеными коридорами протоки, просторные соры (заливные озера), невероятное количество водоплавающих и околоводных птиц, всплески играющей рыбы — дикая прекрасная жизнь единения с природой.

В августе мой старший брат Геня уехал в Омск, в танковое училище. Я отыскал его ижевскую однстволку 12 калибра, нашел и заряженные патроны и сразу отправился на охоту, благо утки сидели на обмелевшем русле прямо под нашим домом. Друзья объяснили мне, как подкрадываться и стрелять, и я добыл сразу двух уток. Увидев мои трофеи, мама благословила меня на дальнейшие «подвиги». Так с 12 лет я стал охотником, и это заня-

тие стало моей многолетней и самой сильной страстью, затмившей все остальные интересы. Эта страсть научила меня выдержке и терпению, в какой-то мере — храбрости, умению наблюдать за природой и делать выводы, неутомимости и навыкам походной жизни. Эта страсть увела меня от дешевых, пустых увлечений и интересов, она наполнила романтикой и музыкой охотничьи зори, дни и ночи. В любую погоду летом и зимой, даже в ледоход, и даже в морозы, используя каждый свободный час, я отправлялся на охоту. Ни кино, ни школьные развлечения, ни даже девочки, которые уже привлекали мое внимание, — ничто и никто не могло превзойти мою охотничью страсть. Я лазил и ползул по осенней вязкой грязи — «няше», бродил почти босиком по ледянной воде, проваливался в глубоком снегу. Были лунные ночи и северные сияния, шквалы с дождем и снегом, ночевки в поддувах стогов, блуждания по тайге... Господи! Чего только не было на моей охотничьей тропе!?

Осень была сухой и теплой. Начались занятия в школе, но охота продолжалась, и к ней добавились сорбы ягод и кедровых орехов. Кедровые шишки еще в стадии молочной спелости орешков мы пекли в уголях, как картошку. Позже, в октябре, на больших лодках мы плавали в кедрачи по реке Вогулке, и там, на ее кедровом берегу с помощью огромных деревянных молотков — «ко-

лотов» околачивали кедры. Шишки сыпались градом. Нагрузив шишками мешки, мы возвращались домой. Okolo дома шишки растирали на стиральных досках, потом на ветру отцевали орехи. К зиме у нас был собранный мною запас орехов и бруслики.

С тех пор как я взял в руки ружье, дома не переводилась дичь. Охотился я в основном на уток. Сначала, как и все, стрелял только по сидячим птицам, но потом понемногу стал стрелять и влёт. Случалось, за одну охоту приносил более пяти уток.

К осени, перед отлетом, в сорах собирались сотни тысяч птиц: лебедей, гусей, казарок, уток... Поднимаясь, они заслоняли тучею солнце. Подойти к ним было невозможно, но зрелище это было незабываемым.

В солнечные и тихие дни сентября, когда в молодом смешанном лесу вдоль Сосьвы горько пахло багульником и сухими березовыми листьями, я ходил охотиться на белых куропаток. От добытых птиц пахло порохом, хвоей и еще чем-то необъяснимо приятным, чем никогда не пахло от уток. Случалось натыкаться мне и на тетеревов, и на глухарей, но с их добычей мне не везло.

Становилось заметно холоднее, по утрам землю и воду сковывали морозы, а в ночном звездном небе все чаще бесшумно полыхали северные сияния. Однажды утром, выглянув в окно, я увидел укрытую снегом даль... Нача-

Единственное кирпичное здание в Берёзово — школа

лась суровая зима. Морозы доходили до -45° , а при 15—20 градусах бывали метели, и тогда я закутывался до глаз. То метель, то пурга бушевали иногда по неделе без перерыва. Казалось, наступает конец света. Но в школу все равно приходилось ходить.

В феврале лютовали колющие морозные метели. По несколько дней кряду снежные вихри заслоняли солнце, и думалось, уже никогда не будет тепла и тишины. Ветер заунывно визжал на чердаке нашего дома и гудел в трубе.

Обычно после метели наползали тучи и крупными хлопьями вяло падал снег. Но в одну из суббот после очередной метели я проснулся в сияющей тишине. На стене, на полу около кровати лежали яркие солнечные пятна. Разрисованное морозом окно сверкало такими блестками, что на них было больно смотреть. Я торопливо позавтракал и по скрипучему снегу, по синим теням, через плотные сугробы, перекрывавшие местами дорогу, побежал в школу.

На первой же перемене ко мне подошли два товарища из седьмого класса и стали уговаривать меня отправиться с ночевкой на охоту, на Соровую мыс. Там была старая охотничья избушка с сохранившейся печкой. Я, конечно, согласился, но проблема была в том, как пораньше уйти с уроков. Два последних урока занимало военное дело, а вел его наш классный руководитель. До войны он учился в той же школе, а в 41-м вместе со всеми десятиклассниками ушел на фронт. Вернулся осенью 43-го с протезом вместо левой руки. Был он строг, но очень доброжелателен к нам, ребята его любили и обманывать не решались. На первом же его уроке я попросил отпустить меня, объяснив, что хочу пойти с друзьями на охоту, на куропаток. За чистосердечное признание он отпустил меня. Часа через полтора,

собрав нехитрое снаряжение, мы ша- гали на лыжах по берегу реки к Соровому мысу.

Солнце уже садилось, когда мы пришли к избушке. Дверь ее оказалась заметенной, заваленной до половины снегом. Пришлось лыжами, как лопатами, разгребать снег. Двое расчищали дверь, а третий заготавливал дрова... К ночи железная печурка раскалилась докрасна. В крохотной избушке с низким потолком стало так жарко, что пришлось время от времени выходить на мороз дышать свежим воздухом.

От елей, окружавших избушку, на реку ложились темные непроницаемые тени. За вершинами елей голубыми светящимися лентами и столбами колыхалось северное сияние. Противоположная мало освещенная сиянием часть неба казалась более высокой и мерцала бесчисленными звездами. Мы прищуривали глаза, и казалось, что нет ни земли, ни неба, а вокруг только синие, зеленоватые и красноватые блестки снега, а тишина была такой, что злодейством было бы нарушить ее разговором. Выходя из избушки, мы молчали, цепенея от тишины и звездного сияния.

Утро было тихим и ясным. Мы проснулись от холода, снова протопили печку, напились горячего чая и покинули избушку, плотно закрыв ее скрипучую дверь.

Сильного мороза не было. Может быть, потому, что вскоре небо затянула серая пелена высокой облачности. Солнце едва показалось и скрылось. Все вокруг стало ровного матово-белого цвета. Чтобы не мешать друг другу во время охоты, каждый из нас выбрал свою дорогу к дому. Я шел по светлым березовым опушкам, придерживаясь берега реки, и досадовал, что не встречал ни заячьих жировочных следов, ни тетеревиных или куропат-

точных набродов. Довольно быстро я прошел свой участок леса и вышел к склону у ручья, за которым дороги наши сходились.

На границе березового мелколесья и начала склона я с досадой повесил ружье на плечо, и вдруг передо мной бугорком поднялся снег. Бугорок развалился, и неожиданно из-под него, торопливо хлопая крыльями, вылетела белая, как снег, куропатка. Я осталబенел от неожиданности и забыл про ружье, а переди меня и почти рядом вспухли и рассыпались новые бугорки, и новые белые куропатки выпорхнули из них и полетели прочь, в сторону реки.

Я лихорадочно стал снимать ружье с плеча, а птицы все поднимались из-под снега. Это было похоже на волшебство, на фокус: из белого снега рождались и улетали белые птицы. Я не сразу сообразил, что они ночевали здесь, а когда наконец вскинул ружье для выстрела, последняя куропатка уже планировала над рекой вне досягаемости.

Птицы улетели. Остались лунки, из которых они выпорхнули, и отпечатки крыльев вокруг лунок. Где-то я читал, что тетерева nocturni в лунках, падая в снег с ветвей высоких берез, на которые они садятся перед наступлением темноты. А куропатки? Только что виденные мной куропатки не могли «упасть» на ночлег с веток. Березки были далековато от веток...

Каждый тихий вечер я стал выходить к той же опушке у ручья. Я прятался напротив нее, на противоположной стороне ручья, за молодыми кедрами, и ждал... И дождался. Однажды в марте после небольшого снегопада из пойменного леса, из-за реки прилетела стайка белых куропаток. Птицы спланировали на снег и, рассевшись на расстоянии друг от друга, работая головой, крыльями и хвостом, быстро зары-

Ростислав Вадимович Дормидонтов (11.01.1931—15.02.2005)

С тих пор, как я взял в руки ружье, дома не переводилась дичь

лись под белое покрывало... Ночью снова шел снег.

К местиночеки куропаток я пришел на рассвете. Мне хотелось вновь и вновь наблюдать таинство возникновения птиц из снега. Однако на этот раз я успел выстрелить и одна птица, как доказательство реальности увиденного, осталась лежать у своей лунки.

В значительной мере благодаря охоте я стал спокойнее и прилежнее учиться в школе.

Весна 1944 года была первой моей березовской весной. Сначала в район Березова приключались вороны. Намок и осел снег. На реках появились наледи. Потом за опытным полем, среди обширной, поросшей молодым кедром гари появились проталины и затоковали тетерева. Их песни доносились ко мне даже сквозь бревенчатые стены, когда я просыпался. Казалось, это бурлит, булькает, гудит сама оттавающая земля. В окрестностях звучали десятки тетеревиных токов. Конечно, я пытался охотиться на тетеревов: я ставил шалаши на токах и даже ссыпал на них зерно, я подкрадывался к тетеревам, как индеец, но все было безуспешным — тетерева не давались мне. Зато токующих петухов белых куропаток я добывал неоднократно... Каждый день я бегал на гарь. В точках роста молодых кедровых побегов появились прозрачные капли смолы, и от неисчислимых этих капель кедрачи пахли тонким смолистым ароматом.

Наконец с гулом и грохотом тронул лед, и за рекой появились лебеди и гуси. Теперь каждый день приносил что-то новое. Уже не опускалась ночь, заря плыла над горизонтом от захода до восхода солнца, и ясными днями, и под облаками круглые сутки летели и летели птицы. Небо, словно сетями, было опутано их стаями: свистели крыльями утиные косяки, гомонили гуси, шумными стаями взразброд летели чайки, над самой землей проносились кулики, а в лугах буйствовали пестрые турухтаны турниры...

Я был опьянен весной, проводил ночи у костров, жег прошлогоднюю траву в лугах, охотился.

Господи! Какая это была весна! Однажды я целые сутки провел в лугах, а когда наутро следующего дня пришел в школу и сел за парту, сразу заснул. Учительница несколько раз будила меня, я просыпался и сразу засыпал снова. Испугавшись, она послала кого-то из ребят ко мне домой. За мной пришла тетя Клава. Она тоже была испугана моим поведением и по совету учительницы повела меня к врачу. Она вела меня за руку, а я спал на ходу и спал, стоя перед врачом... Потом тетя Клава отвела меня домой, уложила в постель и по совету врача будила каждый час. Я проспал сутки и снова как ни в чем не бывало после школы отправился в луга на охоту.

Лето было холоднее прошлого, но выпадали необычно тихие и солнечные дни, когда дальние берега миражами

реяли на горизонте и дремала истомленная зноем земля. В такие дни даже утки взлетали с воды какие-то полусонные. В пойменном сору мы собирали утиные и заячий яйца, охотились, ловили рыбу, помогали строить дома (два дома для рабочих, склад, загон для скотины).

Совсем как дети плакали над рекой гагары, с навигационных знаков на берегах изредка слетали скопы или тяжелые орланы-белохвосты... По вечерам закатное солнце золотом и медью окрашивало сосновые ленточные боры на берегах, а утром туман стелился над водой и, когда пригревало солнце, поднимался в небо легкими яркими клочьями и облаками.

Погода этой осени была похожа на прошлую. Я единственный в Березове освоил охоту на больших кроншнепов (которые теперь стали чрезвычайно редкими и занесены в Красную книгу). Эти изящные крупные кулики днем кормились на ягодниках среди старой гари, а к вечеру перелетали ночевать в луга. Я прятался близ яра за молодым кедром и свистел по-кроншнепиному. Любопытные птицы летели на свист, планировали надо мной, иска своего сородича, а я стрелял. Теперь мне жалко их, да и вообще я раскаиваюсь в своих «охотничьих подвигах», но тогда птицы были такими тяжелыми, такими вкусными, от вскрытых желудков их пахло вареньем.

В начале лета к нам приехал демобилизованный дядя Миша... Как-то раз мы охотились с ним в пойменном сору. Оставили колданку на протоке и пошли пешком по воде, со дна которой поднималась высокая и сухая прошлогодняя трава. Оглянувшись в мою сторону, дядя Миша предупредил: «Смотри, не брось здесь спичку!» Если бы он не сказал это, мне бы и в голову не пришла такая мысль. Но когда он предупредил меня, я подумал, что трава, стоящая в воде, не может гореть. Подумал, и тут же решил проверить, и бросил спичку... Мы едва спаслись сами. Горел весь сор, примерно на четырех квадратных километрах. Горели заливные луга. Огонь поднялся выше ивняков, черный дым застял небо.

Через несколько дней я плыл по той же протоке этого сора в колданке со знакомым хантом, и он, глядя на черную землю, на сгоревшие утиные яйцекладки, сказал сквозь зубы: «Знал бы, кто это сделал, убил бы!» Я до сих пор переживаю это свое преступление.

В 1946 году началось мое последнее березовское лето. Я ловил рыбу, охотился, помогал маме, я снова жил полнокровной дикой жизнью. Однажды на протоке Вайской (ширина в реку Москву в черте города) мы попали в ураган, равного которому я никогда не переживал. Был душный солнечный день без единого дуновения ветерка. Я правил рулем веслом, сидя в корме большой лодки — неводника. Человек шесть взрослых сидели на веслах. Мы плыли под низким левым луговым бе-

регом. Неожиданно со стороны этого берега, только откуда-то сверху, послышался нарастающий шипящий звук. Вслед за этим сразу рванул ветер. Он был такой силы, что воду с реки стало срывать пылью, как снег во время метели. Мои попытки прикальпить к берегу сразу оказались напрасными: весло в моих руках переломило, как спичку. Лодку накренило ветром и в мгновение перенесло к противоположному берегу и выбросило на торчащие из воды густые и молодые ивняки. Мы сели на них, как на пружины.

С западной стороны неба появилась чернеющая туча с ослепительно белым клубящимся краем. Она со скоростью самолета закрыла все небо, и разразилась кошмарная гроза с ураганным ветром. Нас поливало дождем и окатывало волнами. Наполненная водой лодка проломила ивняки, и мы с треском опустились на мелководье. Впечатление было такое, словно нас в подводной лодке бомбят глубинными бомбами. Беспрерывные молнии чертили небо и оглушал гром. Но вся эта какофония продолжалась всего минут пятнадцать. Потом воцарился тихий пасмурный день, и лишь большие слаженные волны на реке да уносимые ими стволы деревьев и обломанные ветви свидетельствовали о буйстве стихии. Как потом выяснилось, во время этого урагана на обских просторах погибли почти все, кто оказался на воде в колданках.

К осени мама еще оставалась в Березове, а мне нужно было возвращаться в Москву, в школу к первому сентября.

Я и теперь не нахожу равных себе по полнокровному счастью тех юных лет. Наверное, поэтому я всю жизнь испытываю остройшую ностальгию по тем березовским годам. Сколько радости, сколько волнующих, незабываемых минут дарили мне встречи с осторожными обитателями лесов, полей и лугов! Ради таких встреч стоит молча пройтись по глухой тропе, ради них не жалко часами прятаться в кустах или за кочкой. И в темноте ночи гораздо интересней не оглушать лес песенным ором, а услышав вдруг филина, захотеть, загугугать его голосом и увидеть, как в зареве костра шарахнется крупная большеглазая птица; неслышными шагами пройти на голос кукушки или удода; попасть под звонкий ветер взлетевших рядом журавлей. Можно послушать, как лось одиноко вздыхает, стоя на болоте в ожидании подруги, или увидеть, как могучие маралы в яростной схватке переплелись рогами. Это и есть приобщение к тайнам природы. Такое не увидишь в зоопарке, и кинокадры не сохранят для вас медовый запах полей и не замочат ночи алмазной росой. Самая чистая звукозапись не передаст вам всю прелесть мелодичной весенней песенки черного дрозда.

Публикация И. Раковской
(вдова Р. В. Дормидонтова)

Советы бывалых охотников

Как выгнать смолу

Дмитрий ЖИТЕНЁВ
Рисунок автора

Деревянные лодки раньше почти повсеместно было принято смолить. Я упомянул об этом в очерке о печорских лодках. Смолят их смолой, которая получается в результате сухой перегонки смолистых кусков сосновых пней, но не той, которую можно наковырять в трещинах коры елей и сосен. Эта засохшая живица идет для просмаливания стыков бортовых досок.

Нынче просмолка лодок не в моде. Чтоб «красивые» были, красят масляной краской, словно она может защитить дерево от намокания. Мало того, что обшивка лодки все равно намокнет, под слоем краски она сохнуть не будет, а потому быстрее загниет и выйдет из строя.

Не то просмоленная на сухую и проконопаченная смоляной конопаткой. Такая лодка служит долго, особенно если ее после ледостава вытащить под навес, а весной, перед спуском на воду, снова тщательно просмолить. На Печоре, где я прожил долго, летом без лодки никуда. От ледохода до ледостава она «не вылезает» из воды.

В годы, когда я там жил, работая в заповеднике, смолу гнали лесники в соседней (50 км вверх по Печоре) деревне Волоснице и привозили в наш поселок Якуш. Однажды к сроку привезти не успели, потому что рано распеплело, санная дорога рухнула, и мы остались без смолы. Но лодки-то готовить надо. Ледоход на носу, а с ним и открытие весенней охоты. Остаться без транспорта в такую пору смерти, как говорится, подобно.

«Ничего, — сказал мне мой сосед Юрий Иванович Лызлов, главный механик заповедника, — что-нибудь придумаем. Не боги горшки обжигают. Сами смолы нагоним». Сказано — сделано. Сперва мы пошли за поселок и на окраине бывшего аэродрома накорчевали старых сосновых пней, нарубили, накололи их на поленья помельче и свалили в рыхлую кучу, чтобы смолу солнышком подсушило да весенним ветерком пообдуло. Затем в днище старой двухсотлитровой бочки из-под бензина Юра вырезал электросваркой отверстие примерно в половину дна. Это для того, чтобы в бочку можно было загружать смолу. После этого в заливочное отверстие, куда пробка ввинчивается, была вварена двухдюймовая

труба длиной метра два-два с половиной.

— Хорошо бы подлиннее метра на полтора, — сказал Юра.

Однако такой мы не нашли. Тот конец, который мы приварили к бочке, был изогнут.

— Ну вот, — довольно улыбнулся Юра, — теперь не сомневайся, смолы нагоним, сколь хошь.

А я и не сомневался, поскольку знал, что если Юрий Иванович за что-нибудь взялся, дело это он обязательно доведет до конца. Мы запрягли коня в сани и отвезли бочку с трубой за поселок к заготовленному смолю. На следующий день заработала наша смолокурка.

Первым делом мы нагребли из песка и земли возвышение, холмик, и на него водрузили бочку кверху отверстием для загрузки смолы. Труба, что отходила снизу от бочки, была поставлена горизонтально, но с небольшим уклоном, чтобы смола могла стекать наружу. Под трубу мы нагребли насыпь так, что она проходила словно в корыте, а под ее отверстие поставили казан, чугунный котел.

— Ну, загружаем смолу, — скомандовал Юра, и мы стали запихивать в бочку поколотые на полеши смолевые пеньки. Набили ими бочку, как говорится, под завязку. Отверстие сверху закрыли приготовленным металлическим листом, завалили мокрой глиной и замазали все щели.

— Теперь хороший костер нужен, — распорядился Юра.

Мы натаскали сушняка, остатки смолы также уложили вокруг бочки. Особенно старались наши сыновья-третьякаклассники — Юрин Игорь и мой Артем. И вот, к их радости, костер запылал. До чего же мальчишки любят костры! Да и мы, взрослые, впрочем, любим живой огонь не меньше их.

— А ну-ка, парни, скорее поверх трубы снег укладывайте! — крикнул Юра, и мальчишки притащили в ведре мокрого снега и завалили им трубу от бочки до самого конца.

Вот и получился у нас аппарат для сухой перегонки древесины. Не прошло и четверти часа, как бочка накалилась, из трубы закурился легкий ароматный дымок, закапала и потекла тонкой струйкой смоляная вода-конденсат, а за ней и настоящая смола. Теперь оставалось только подкладывать в костер дрова, добавлять снег вместо растаявшего да замазывать трещины в подсыхающей глине.

Через некоторое время подул ветерок, и костер загудел. Процесс пошел настолько активно, что из трубы валил смоляной дым, не успевая конденсироваться. Пришлось немного раскидать костер, потому что продукт буквально вылетал на ветер.

Не помню, сколько ушло у нас времени, чтобы перегнать одну закладку смолы. Кажется, около двух часов. Выгнали мы тогда смолы два казана, чего нам обоим хватило с лихвой, да еще и осталось. Лодки мы высмолили на славу, и до начала ледохода они успели просохнуть.

Да, кстати! Уголь, остающийся после перегонки, тверд и звонок. Для приготовления шашлыков лучше не придумаешь.

Как долго живут соболи?

В. КОЛЫЧЕВ,
заслуженный работник охотничьего хозяйства

На мировом пушном рынке соболь всегда был символом русской пушкины. Еще в XV в. новгородские ушкуйники и беломорские поморы устремлялись в Сибирь за драгоценными шкурками. В первые десятилетия, а то и столетия освоения новых земель ресурсы соболя использовались хищнически. К слову сказать, ловили и стреляли их почти весь год. Все это привело к истреблению поголовья ценного зверька, и к концу XIX — началу XX вв. его численность катастрофически сократилась. Еще до революции был принят ряд мер по сохранению уникального вида, но основные работы по восстановлению численности проведены в советские годы. Группа зоологов под руководством профессора П. А. Мантефеля определила реальные сроки размножения соболя. В стране проведены огромные по масштабам работы живоотлова и расселения соболя в самые благоприятные для обитания охотничьи угодья. Для разработки рекомендаций по более рациональному использованию в 60—70-х годах прошлого века ученых стали особенно интересовать такие важные характеристики популяции, как пол и возраст соболей.

Работая во ВНИИОЗ, мне довелось исследовать особенности промысла соболя в Красноярском крае. Анализировалась половая и возрастная структуры зверьков, добытых охотниками. Биологический материал (тушки и головы зверьков) поступали от наиболее умелых и порядочных охотников: штатного работника Байкитского коопзверпромхоза Г. А. Рогова, неутомимого зверолова Курагинского промхоза В. М. Хрущева, братьев Федора и Семена Мясниковых, а также других промысловиков края. Научные биологические материалы получены из трех районов: Енисейского, Ейкитского и Курагинского за сезоны 1975/76—1977/78 гг.

Определение возраста зверьков с точностью до года весьма трудоемко, требует знаний и соответствующего лабораторного оборудования. Берут

клык из верхней челюсти, тонкой фрезой распиливают на две половинки: верх и корень. Корень несколько часов выдерживают в специальном растворе для декальцинирования, т. е. размягчения. Затем корень на микротоме нарезают на очень тонкие срезы. Полученные срезы опускают в раствор красителя. Окрашенные срезы исследуют под микроскопом. Количество темных полос свидетельствует о возрасте животного.

В выборке из 593 зверьков самцы составляли 51,4 %, самки 48,6 %, что соответствует общебиологическому закону преобладания в популяциях млекопитающих самцов (см. табл.).

Соболь живет относительно долго. В неволе отдельные особи доживают до 19 лет, а в природе редкие зверьки достигают 13—14-летнего возраста. Сеголетки не принимают участия в воспроизводстве. Молодые вступают в размножение в два года. Успех размножения в популяции определяет возрастная группа самок от трех до семи лет. У более молодых и старых самок плодовитость заметно снижается. Соболята рождаются весной, в основном в марте-апреле.

По нашим материалам, в добыче охотников на 1000 соболей оказалось: 663 сеголетка; 64 старше года; 61 более 2-х лет; 66 старше 3-х лет; 35 более 4-х лет; 34 старше 5 лет; 24 более 6 лет; 12 старше 7 лет; 20 более 8 лет; 3 старше 9 лет; 5 более 10 лет; 8 стар-

ше 11 лет; 2 более 11 лет и 3 старше 13 лет.

В группе молодых зверьков возрастом от сеголеток до 3-х лет самцов оказалось 78,3 %, самок — 79,2. Почти четыре пятых от всей добычи составляют молодые особи, на все остальные возрастные группы приходится около 20 %. В средневозрастной группе от 3 до 7 лет, так называемом репродуктивном ядре, самки составили 18 %, самцы 16,5 %. В обеих группах между долями самцов и самок различия незначительны. Самые старые особи возрастом от 8 до 13 лет и старше на 5,3 % представлены самцами и на 1,8 % — самками. Различие значительное. Можно предположить, что в суровых условиях сибирской тайги старые самцы оказываются приспособленнее самок.

Показанный состав промысловой добычи не может совершенно точно отражать реальную, существующую в природе структуру популяции соболя. Не исключено существенное влияние ежегодных изменений численности, воздействие избирательности различных способов добывания зверьков по полу и возрасту. Тем не менее представленные данные, полученные на большом объеме биологических материалов, тщательно обработанные точными методами, наглядно иллюстрируют, как долго живут соболи в природе в условиях интенсивного промыслового освоения ресурсов.

ПОЛ И ВОЗРАСТ СОБОЛЕЙ, ДОБЫТЫХ ОХОТНИКАМИ КРАСНОЯРСКОГО КРАЯ

Пол	Коли- чество	Еди- ницы изме- рения	Возраст (годов)													
			Сего- летки	1+	2+	3+	4+	5+	6+	7+	8+	9+	10+	11+	12+	13+
Самцы	305	экз.	197	23	19	17	9	10	8	6	9	1	2	3	—	1
	100	%	64,6	7,5	6,2	5,6	3,0	3,3	2,6	2,0	3,0	0,3	0,6	0,9	—	0,3
Самки	288	экз.	196	15	17	22	13	10	6	1	3	1	1	2	1	1
	100	%	68,1	5,2	5,9	7,6	4,5	3,5	2,1	0,3	1,0	0,3	0,3	0,6	0,3	0,3
Всего	593	экз.	393	38	36	39	21	20	14	7	12	2	3	5	1	2
	100	%	66,3	6,4	6,1	6,6	3,5	3,4	2,4	1,2	2,0	0,3	0,5	0,8	0,2	0,3

Примечание: + — означает возраст на 5—6 месяцев больше указанного года

Антиманок

У кого из охотников, особенно в молодые годы, при виде пролетающих стай гусей не начинало учащенно биться сердце и не возникало желание на них поохотиться. Иной раз гуси даже над населенными пунктами пролетают на высоте, достижимой для дроби. Но большинству охотников в наших краях не удается не только добыть гуся, но даже хотя бы разок стрельнуть по нему.

Гусей мне удавалось добывать. Но согласитесь, брать с подхода отставших от стай подранков, хоть и с зажившими ранами, или просто ослабевших по каким-то причинам, или с подползания на голоса в сильнейшем тумане по набухшему после дождя снегу — совсем не то в сравнении с выстрелом по хорошо налетевшей стае. Понятное дело, нужны профили и манок. Но для тех, кто лишь временами вырывается на охоту, профили — бесполезная обуза, так как гуси летят обычно «вчера» и «завтра», а сегодня, когда ты вышел специально для них, за весь день ни один не пролетит. Остается манок, который теоретически должен увеличивать вероятность удачи. Но где его взять?

Наконец-то в начале 2002 года в нашем охотничьем магазине они появились. Пробую один, второй... пятый — все они издают либо тревожный крик наподобие напуганного домашнего гуся, либо вообще что-то не гусиное. Это разочаровало, но подумалось, наверное, люди знали что делали, может, так и надо.

Дома, время от времени опробуя манок, понял, что большее, на что можно надеяться, это то, что пролетающая стая, не меняя своего направления, все же сочувственно отзовется бедолаге. Но результат превзошел все ожидания.

В ту весну специально на гусейходить так и не пришлось. Но испытать манок удалось. На одной из охот, заслышав приближающихся гусей, затаился. Когда стало понятно, что стая пройдет за пределами выстрела, напустив их ближе 200 метров, дважды дунул в манок, стараясь изобразить крик отставшего одиночки. Исходя из возможностей манка, получилось неплохо, но реакция гусей меня ошеломила. Они молча, но словно ошпаренные кипятком резко метнулись в сторону и, с утробленной энергией махая крыльями, умчались вдаль.

Через год теперь уже в магазине «Щит» также появились гусиные манки — красивее, добротнее и дороже... С продавцом и заведующим (они охотники) стали их опробовать, звуки раздавались наподобие прошлогодних, только немного другой тональности. Но гуся-то добыть хочется, купил и этот.

Г. ФОМКИН
Орловская обл.

В природе редкие соболи доживают до 14 лет

Фото С. Тишковича

Залив Абросимова. Старая промысловая точка на Новой Земле

Научно-исследовательское судно «Иван Киреев» (Архангельск)

Отвесные скалы и одинокие останцы-«пальцы» — характерные виды Новой Земли

Установка памятного креста на месте зимовки помора Саввы Лошкина в XVII в. в устье реки Савиной. Отважный зверобой стал первым, кто с товарищами обошел вокруг всей Новой Земли

В краю гольцов и

Н. ВЕХОВ, кандидат биологических наук, Институт наследия

На Земле есть немало мест, куда мечтают попасть путешественники. Вот и мне за 40 лет странствий по Русскому Северу дважды посчастливилось побывать в одном из таких регионов России — на карском берегу Новой Земли.

Попасть сюда по суше можно только на Южном острове (ведь на Северном вся внутренняя область, которую нужно пересечь, закрыта многометровыми ледниками), да и то преодолеть малоизведанную внутреннюю часть, изрезанную глубокими каньонами ручьев и рек, отделенную от баренцевоморского берега горами. Но в этом лабиринте непознанного нужно хорошо ориентироваться, знать надежные проходы.

Да и на корабле до карского берега добраться нелегко. Северный и южный входы в Карское море, в обход Новой Земли, очень часто закрыты. Эти «двери» забиты труднопроходимыми льдами, и в них бьет шквалистый северный или восточный ветер. Многие мореплаватели и зверобои пытались обогнуть архипелаг с севера, через мыс Желания, или с юга, пройти Карскими Воротами и Югорским Шаром, но, опять же, преодолеть их могли только счастливчики.

Среди тех, кто вписал свои имена золотыми буквами в историю покорения Карского моря, были норвежские зверобои, успевшие в 60-х годах XIX в. не один раз обойти архипелаг с востока и освоить запасы морского зверя; самоеды-охотники, первопоселенцы новоземельских становищ, которые пускались в тяжелейший санный путь через горы и ущелья срединной части острова, чтобы в устьях крупных нерестовых рек ловить гольца и охотиться на тюленей. Участник Первого Международного полярного года врач Л. Ф. Гриневецкий первым пересек Новую Землю по суше в 1882—1883 гг., а пи-

гельск) у самой северной точки архипелага Новая Земля

белых медведей

сатель К. Д. Носилов стал в 70-х годах XIX в. первооткрывателем восточного берега Северного острова.

В 1996 г. я впервые попал на карскую сторону, преодолев не один десяток километров по сушке Южного острова на вездеходах, а в 1998 г. обошел мыс Желания на научно-исследовательском судне и побывал на карском берегу Северного острова.

Издавна из-за своей недоступности карский берег был известен как своеобразный промысловый рай. Ведь за прошедшие 500 лет после открытия Новой Земли и многовековой эксплуатации ее охотничьих и рыбных ресурсов эту область архипелага удалось освоить лишь на исходе XIX и в начале XX вв. Однако прошло уже более 50 лет, как прекратило существование на архипелаге уникальное охотничье-промышленное хозяйство, угодья которого располагались по всей 900-километровой островной дуге. Некоторые его приметы еще видны, и нам удалось их найти.

Здесь оказалось много гольцов, которых мы, как промышленники прошлой эпохи, ловили сетями, и белых медведей — наших постоянных конкурентов на ниве рыболовства. Эти завзятые и бесстрашные охотники на морского зверя, как и их камчатские или аляскинские родственники, устраивали рыбные охоты на идущих на нерест гольцов, нередко вытаскивали и опустошали наши сети. Много тут и остроногого северного оленя, еще в 1980—1990-х годах значившегося в Красной книге. Сейчас поголовье оленей исчисляется несколькими тысячами, а емкость пастбищ может прокормить лишь пару тысяч голов. О других эмоциональных впечатлениях от посещения этой части Новой Земли можно узнать, посмотрев приведенные здесь фотографии.

**Фотоконкурс
«Охота и природа. 2005»**

Эту ловушку на белого медведя соорудили еще в первой половине XX столетия. Такой она вошла и в XXI век

Наша всеобщая любимица — чайка-моявка

Геодезический знак на широте 75 градусов. Единственный след человека на безжизненном берегу

Новоземельские рыбы-гольцы весом в 1 кг были обычными в наших сетях

Михаил Павлович Павлов

Подмосковье... Поздний вечер. На окраине Мытищ на шестом этаже панельного дома еще долго будет светиться окно маленькой уютной квартирки, где за старомодным письменным столом в окружении двух безмятежно спящих английских сеттеров над исписанным листом бумаги склонился седовласый старец.

Это — Мастер. Мастер Охотоведения, Мастер Охоты, Мастер познания Русской Природы. Имя ему — Михаил Павлович Павлов, биолог-охотовед, кандидат биологических наук, заслуженный работник охотничьего хозяйства России и Почетный член Росохотрыболовсоюза, чей славный 85-летний юбилей мы отметили в 2005 году.

Родился он в ноябре 1920 г. в подмосковной деревне Верее Раменского района, где рос старшим среди пяти братьев в семье ломового извозчика. Детские годы Миши были заполнены крестьянским трудом, а в свободное время — ловлей рыбы на удочку в речке Пехорке либо ловлей певчих птиц и разведением голубей. Будучи учеником девятого класса Быковской школы-девятилетки, он у колхозного сторожа купил одноствольную ижевку, скопив на это семь рублей продажей цветов и лесных ягод на рынке. И с этого времени охота увлекла его на всю жизнь.

В 1938 г., собираясь на открытие осенних охот, Михаил случайно услышал по радио, что Московский зоотехнический институт Наркомвнешторга, размещавшийся возле г. Балашихи, объявляет набор конкурсантов на факультеты, в составе которых был и звероводно-охотоведческий. В том же году, выдержав конкурсный экзамен, он был зачислен студентом первого курса названного факультета. Однако в июне 1941 г. учеба была прервана. В первый же месяц войны в институте был сформирован студенческий трудовой отряд. В июле этот отряд был направлен в район г. Вязьмы, где Михаил Пав-

Михаил Павлович Павлов — Мастер охоты и охотоведения

лович с многотысячной армией младежи Подмосковья, вооружившись лопатой, копал противотанковые рвы, обустраивал окопы и блиндажи для пулеметных и артиллерийских установок. Однако в начале сентября всех оповестили о необходимости уходить с этого рубежа кто как сможет. Передвигаясь по ночам, им удалось добраться до Вязьмы, а затем и до Москвы.

В связи с неблагоприятной военной обстановкой Пушно-меховой институт был эвакуирован в Самарканд. Группе студентов 3-го курса, в которой находился и М. Павлов, надлежало выехать в Западный Казахстан в качестве зоологов для работы на противочумных станциях. Так неожиданно началось его первое познание охоты в необозримых степях бассейна реки Урал, что в окрестностях станицы Кожехарово Чапаевского района. В марте 1942 г. студенты были отозваны для завершения учебы в Самарканде. Жизнь студентов-охотоведов обеспечивалась добычей дичи в приречных тугаях Зеравшана, в которых отстреливалось все, что могло служить пищей.

В июле того же года Михаилу Павлову был вручен диплом биолога-охотоведа с отличием, после чего в августе с группой студентов-однокурсников его мобилизовали в Ташкентское пулевомое училище, дислоцирующееся в городе-крепости Термезе на границе с Афганистаном.

В мае 1943 г. Павлов в звании младшего лейтенанта был направлен в резерв войск Южного фронта, где служил командиром пехотного подразделения 295 стрелкового полка 96 гвардейской Иловайской трижды орденоносной стрелковой дивизии. В конце августа 1943 года с тремя пулевыми ранениями попал в госпиталь на 4 месяца.

Профессор П. А. Мантефель устроил М. Павлова лаборантом кафедры биотехники МПМИ. Став аспирантом, Павлов был привлечен к исследованию результатов акклиматизации белки-телеутки в Крыму, к интродукции в его горных районах кеклика и сибирского козерога. Главное же заключалось в изучении экологии горно-крымской лисицы и разработке способов регулирования ее численности в Крымском заповеднике.

В 1948 г. Павлов защищает диссертацию и становится кандидатом биологических наук и старшим научным сотрудником лаборатории акклиматизации охотничь-промысловых животных ВНИИ охотничьего промысла (ВНИО). Первые 13 лет научной деятельности он посвятил разработке приемов промыс-

лового разведения акклиматизируемой нутрии в водоемах Грузии, Азербайджана, в Приазовских плавнях Кубани, в долине р. Вахш в Таджикистане, а также в дельте р. Амударьи в Узбекистане. В 1951 г. была издана первая научная публикация М. Павлова о нутрии, удостоенная награды — серебряной медали ВДНХ.

Осенью 1958 г. институт перевели из Москвы в г. Киров — столицу Вятского края. М. П. Павлова назначили заведующим лабораторией акклиматизации охотничь-промысловых животных, которая была впоследствии преобразована в лабораторию биотехники, возглавляемую Павловым в последующие 25 лет.

Главными объектами внимания М. Павлова становятся боброводство, ондатроводство, перспективы шиншилловодства, извечная проблема волка, снижение численности лося, а также продвижение кабана за пределы его естественного ареала. Приходилось постоянно бывать в экспедициях в Западной и Восточной Сибири, в притоках реки Оби, в лесотаежных урочищах по берегам Байкала, в Якутии, на Алтае, на Дальнем Востоке, включая Камчатку, в высокогорьях Восточного Памира, Западного и Восточного Тянь-Шаня и т. д.

По инициативе М. П. Павлова было создано Северо-Кавказское отделение института, вместе с руководством ВНИИОЗ организован охотоведческий факультет при Кировском сельхозинституте, где первые три года Михаил Павлович читал лекции по биотехнике студентам-охотоведам.

Михаил Павлович очень остро и болезненно воспринимает, что сейчас творится в России. Положение с отечественной структурой государственного управления охотничьим хозяйством России М. Павлов характеризует как катастрофическое. Фанатичная преданность Охоте, охотоведению пронизывает яркие, эмоциональные, порой весьма категоричные выступления Михаила Павловича на охотоведческих форумах разного ранга. Его энтузиазм, деловой активности, багатейшему, еще целиком не востребованному потенциалу могут позавидовать многие современные молодые ученые.

М. Павлов был известен как успешный в Подмосковье заводчик английских сеттеров, а после переезда на жительство в г. Киров — как почитатель немецких жесткошерстных легавых — дратхааров. Он первый завез из Санкт-Петербурга представительниц этой по-

роды, ставшей впоследствии родоначальницей континентальных легавых в Кировской области. Будучи в то время экспертом-кинологом Всесоюзной категории и членом Совета Российской Федерации по охотничьему собаководству, он призывал администрации охотуправлений к установлению оптимальных сроков охоты не только с легавыми, но и с особо почитаемыми на Руси гончими собаками.

Те, кто давно знает Михаила Павловича, замечают, что стоит ему где-либо появиться, как вокруг него тут же собирается множество людей, с интересом слушают его, задают многочисленные вопросы, возникает дискуссия, порой весьма шумная. Его отличительная черта — искреннее, уважительное отношение к собеседнику, кем бы он ни был — студентом, пастухом или имеющим ученым.

В послужном списке М. П. Павлова насчитывается более 200 публикаций, в числе которых монография «Волк» (1990 г.), переведенная на шведский язык, а также четырехтомник «Акклиматизация охотничье-промысловых зверей и птиц в СССР» (1973, 1999 гг.). Помимо этого, он стал инициатором составления двух томов книг «Охотничье собаководство в СССР» (1971, 1976 гг.) и соавтором книги «Охотничье хозяйство СССР», где оригинально и последовательно развивал свое понимание биотехники, утверждая прогрессивную роль акклиматизации при реконструкции охотничьей фауны страны. За годы руководства М. П. Павловым лабораторией биотехники одиннадцать ее сотрудников защитили кандидатские диссертации, трое стали докторами наук. Нельзя не сказать и о том, что юбиляр, женившись в 1941 г. на студентке Московского Пушно-мехового института Валентине Фроловой, прожил с ней счастливо 65 лет, вырастив двух дочерей и сына-охотоведа, став впоследствии дедом шести внуков и трех правнуков.

Свою научную работу в ВНИИ охотничьего хозяйства и звероводства им. Б. М. Житкова Михаил Павлович завершил в 2003 г. публикацией автобиографической книги «Охота. Российская охота в моей охотоведческой жизни», получившей признание в среде охотников, чьи доброжелательные отзывы были опубликованы в почитаемом юбиляром журнале «Охота и охотничье хозяйство».

Годы потихоньку, но неумолимо берут свое. Давно уже не бывал он в заснеженной избушке на берегу озера в сосновом бору, не вскидывал ружье к налетающему вальдшнепу, не кричал во стороженно «дошел!!» под заливистую песню гончаков. Но по-прежнему рука ученого-охотоведа уверенно держит перо, рождаются строчки новой книги — книги об итогах и перспективах расселения охотничьих животных России, книги, которая очень нужна современному охотничьему хозяйству.

П. ПАВЛОВ

Курьезы охотничьей жизни

У страха шата бешки

Дело было еще во времена СССР. Наша артель работала на глухом ручье в Оймяконском улусе Саха-Якутии. Народ все приезжий, местных северян не более трети. На весь сезон — сухой закон, нарушителей в то время наказывали строго, вплоть до увольнения. Но некоторые умудрялись выпивать и не попадаться.

Весь поселок старателей — три жилых дома, столовая, хозяйственные постройки в километрах трех от аэродрома, где построили склад из лиственных бревен, двери также из лиственных плах, все надежно. На дверях засовы снаружи и внутри, оконца меленькие повыше от земли, чтобы зверь не залез. Пробили дорогу к складу, за необходимым ездили на машине по мере надобности.

Был, разумеется, и начальник склада — Костя, который уже много лет старался, лет ему было за 50. Очень он любил выпить и приоровился ставить брагу в складе. Сильно не напивался, и звеньевой, его друг, закрывал на это глаза. В очередной раз, когда подоспела брага, Костя пригласил друзей попробовать. Идут друзья, мирно беседуют, вот и склад виден. Вдруг один из друзей встал как вкопанный, глаза начали округляться, губы затряслись: «Э, мужики, медведь!» — почти прошептал. Все остановились и увидели, что за складом, метрах в 70, пасся медведь на голубике. Людей он не замечал, ветерок дул от него. Мужики попятались и спрятались за деревьями. «Ну вот и выпили!» — с сожалением произнес Юра. Но Костя был не таков. «Слыши, чё толкую, косолапый увлекся, ухом не ведет, брюхо ягодой набивает, а мы метров двадцать возьмем влево, амбар вообще закроет от его глаз. Тихонечко подойдем, дверь надежная, изнутри засов, закроемся и спокойно тяпнем и закусим».

— Не, — произнес Володя. — Вы как хотите, а я на базу. Ну его к лешему, у нас кроме перочинного ножа оружия нет.

— Я с тобой, — тихо сказал Юра и пошел по дороге — до дому до хаты.

— Ну и шут с вами, а я попробую.

Костя постоял еще минут 15–20 в нерешительности, а затем, приседая и горбатясь, двинулся по намеченному маршруту к складу. Как назло, на открытом месте, кочки высокие, кустики голубики и карликовой берески цепляются и гремят по сапогам. Сердце замерло где-то возле горла. Медведь его не видит, но и Костя его тоже не видит из-за амбара. Пока преодолел 50–60 метров, страху натерпелся. Наконец дверь, тихонько отодвинул засов, открыл дверь и тут же, заскочив внутрь, закрыл изнутри.

Тем временем Владимир с Юрием шли на базу — сначала полубегом, а затем перешли на спокойный шаг, не переставая оглядываться. На обочине присели на поваленное дерево, закурили. Юра снял сапоги и стал перематывать портнянки. Вдруг послышался топот, будто табун лошадей бежит, по дороге мчался... Костя — без кепки, волосы растрепаны, разеваются во все стороны, глаза на все лицо, рот весь перекошен в немом крике. Юра схватил сапоги, обуваться некогда, рванул по дороге, запутался в портнянке, упал лицом в лужу, вскочил, сбросил портнянки и босиком побежал за Володей, спина которого мелькала уже далеко впереди. Мимо пронесся Костя со скоростью машины, а на плечах у него как коромысло лежал обрубок дерева, который он держал руками. Вскоре догнал Юра тучного Володю, который пыхтел как паровоз. А вот и база, сзади никого не было...

Костя стоял на коленях возле крайнего домика, хрюпло дышал и не мог вымолвить ни слова, рядом валялся брус от косяка двери. Подбежали старатели. Владимир закричал: «Медведь амбар грабит!» Тут не до объяснений, схватили дрововики, старенький карабин, сели в машину, и к складу. Медведей нигде не было видно. В амбаре погром полный. Мешки с мукой, сахаром повалены, все разбросано и покрыто толстым слоем муки. В воздухе крепкий запах браги, фляга от нее валяется на боку, все разлилось огромной мутной лужей. Двери вместе с косяком выломаны изнутри, валяются возле входа, только нет верхнего бруса над дверью. Побродили вокруг амбара, навели порядок, оставили четверых с ружьями ремонтировать дверь. Вернувшись назад, узнали от Кости, который наконец пришел в себя, в чем дело.

...Он благополучно заскочил в амбар, закрылся на засов, вдруг... шорох. Всмотрелся в полутьме амбара, а за мешком две медведьи головы торчат. Как ломанулся он в дверь, не открывая засовы, так и выбил, откуда столько силы, можно было только удивляться. А как бежал, вообще не помнит. Когда дверь вышиб, верхний брус от двери упал на плечи, подхватил он его и как был с ярмом, пробежал всю дорогу, не замечая его.

Оказывается, мамаша с двумя медвежатами подошли к амбару. Медведица дверь открыть не смогла, в окно не пролезла, вот и паслась на ягоде рядом. А медвежата в окно залезли, ихто и увидел Костя внутри амбара. От страха и неожиданности эти головы показались ему огромными...

А. ПОЛИЩУК
Саха (Якутия)

Моя прекрасная Рэдди

В. ОКУНЬ

Охотой я «заболел» давно, но далеко не сразу понял, что охотник без собаки почти как птица с одним крылом. А когда понял, то после недолгих раздумий выбор был однозначно остановлен на ирландском сеттере как обладающем оптимальным сочетанием эстетических и охотничих качеств. Щенка решили брать от лучших из имевшихся тогда родителей. Такими оказались Гринда Захарова и Султан Розова — в их родословной значилось 14 чемпионов породы. Еще до появления щенка в нашем доме после недолгих споров его назвали Рэдди.

В первую Рэддину весну мы выезжали на натаску практически каждый выходной день, и чаще всего в Виноградовские луга, расположенные в широкой пойме Москвы-реки. Туда было удобно ехать на электричке. Иногда, правда, она была набита битком. До сих пор с содроганием вспоминаю, как однажды во время посадки Рэдди прыгнула в открывшуюся дверь и, насткнувшись на ноги стоявших стеной пассажиров, сорвалась вниз между перроном и вагоном. У меня сердце оборвалось, но, к счастью, и поводок и ошейник выдержали, и я втащил собаку в поезд.

Выйдя на станции Конобеево, мы уже через полчаса были в угодьях. Походив полдня и найдя несколько дупелей и бекасов, мы потом купались в чистой речке Нерской и в тот же день возвращались домой. Рэдди приходила в большое волнение, когда я входил в воду, пытаясь догнать меня и положить лапы на плечи, совершенно не беспокоясь, что тем самым сильно царапала мне спину. Плавала она медленно, и мне почти всегда удавалось переплыть неширокую речку раньше нее.

С целью натаски освоили мы и Петушинское хозяйство «Динамо», расположенное в пойме реки Клязьмы. Там больше зарослей и перелесков, но и луга отличные. До базы в деревне Марково добираться было сложнее — около десяти километров от станции Покров, которые иногда приходилось идти пешком, но чаще всего кто-нибудь подвозил хоть полдороги. Честно говоря, там мне нравилось больше, и не только потому, что дичи было достаточно. Обычно в Марково собиралась дружная компания единомышленников, стремившихся натаскать своих питомцев. Для этой компании было характерно доброжелательное расположение друг к другу, общие застолья,

Красавец ирландский сеттер

уважительное отношение к собакам. Советы завсегдатаев базы в Марково, особенно Михаила Селаври, мне очень помогли.

Вспоминается один случай, который произошел во время натаски в Петушинском хозяйстве, когда Рэдди не было еще и года. Во второй половине дня мы долго бродили по лугу, так ничего толком и не подняв. Начало смеркаться. Пожалев Рэдди, я отстегнул от ее ошейника корду, которая намокла от росы и мешала ей бегать. Мы дошли почти до конца луга, и я намеревался выйти на дорогу, чтобы по ней, а не по кочкам вернуться на базу. И тут случилось непредвиденное — Рэдди попала в самый центр дупелиного тока. Отовсюду слышались глухие квакающие звуки, издаваемые самочками, и своеобразное трещанье самцов. Моя собака сначала оторопела, а потом, не обращая никакого внимания на истошные крики «ко мне» и «даун», принялась с упоением гонять дупелей. Успокоилась, только когда они все разлетелись. Прекрасно понимая, что набедокурила и заслуживает наказания, Рэдди плелась за мной, но в руки не давалась, а мне необходимо было взять ее на поводок, так как дорога проходила через очень длинную деревню Марково и нам могли попасться и машины, и деревенские собаки. Я сел на землю в надежде, что Рэдди положит голову мне на колени, как она часто любила

делать, но не тут-то было — она улеглась на расстоянии нескольких метров. Сердиться на нее было бы несправедливо — в такой ситуации и опытная собака не совладала бы с собой, ругать следовало только себя за то, что снял корду. Так как безвыходных ситуаций не бывает, то решение нашлось и здесь. Неподалеку начинались густые заросли ивняка, через которые проходила узенькая извилистая тропинка. Пошел по этой тропинке, а отдохнувшая Рэдди побежала впереди. Заросли становились все гуще, тропинка сужалась, шел я намеренно медленно, и расстояние между нами сокращалось. В какой-то момент побежал за Рэдди с намерением ее схватить, она бросилась от меня в кусты и застряла в них. Кажется, я даже не очень ее наказывал, обрадовавшись, что удалось поймать. Других случаев злостного непослушания припомнить не могу.

Я ездил часто и много на натаску, прежде всего потому, что мне нравилось это занятие, мало чем отличающееся от охоты, — тот же поиск дичи в заливных лугах с пьянящим ароматом цветущих трав и свежескошенного сена, те же просторы под бездонным небом, то же безлюдье. А удовольствие от удачного выстрела вполне заменяла радость от хорошей работы собаки. В 1984 году мы с Рэдди занимались только натаской и не торопились выступать на испытаниях, хотя к концу

лета собака работала уже вполне причально.

В испытаниях Рэдди начала участвовать с весны 1985 года. «Первый бал» случился в Марково. Утром, по еще не высохшей росе, пришли мы с судьями на край луга. Рэдди пустили первой. Я очень волновался, и, как оказалось, не напрасно. Не прошло и минуты, как Рэдди наткнулась на гнездо утки. Та вылетела у нее из-под носа, и, конечно, Рэдди с азартом ее погнала чуть не за линию горизонта. Да и как было не погнать, если утка изображала из себя подранка и собаке казалось, что она вот-вот ее схватит. Я решил, что все кончено и что мою собаку с испытаний снимут. Но судьи оказались хоть и строгими, но справедливыми, мудро рассудив, что погнала Рэдди не свою дичь и что вряд ли нашлась бы собака, которая не поддалась бы на провокацию уводившей от гнезда утки. Рэдди разрешили продолжить выступление. Она показала три хорошие работы без всяких намеков на погонку и получила свой первый диплом третьей степени. Начало было положено.

В том году мы выступали еще два раза, и без всяких сбоев. То, что птичку гнать нельзя, Рэдди усвоила хорошо. Немного хуже у нее было с челноком, но это беда небольшая. Она получила еще один диплом третьей степени на состязаниях, посвященных 100-летию породы «ирландский сеттер», причем по количеству баллов превзошла свою достаточно именитую мать Гринди.

Но мне уже было мало этого, тем более что испытания оказались намного азартнее натаски и их спортивный состязательный дух захватил меня. Поехали еще раз на гарнизонные состязания в Виноградовское хозяйство. Главным судьей был весь седой, но крепкий человек, оказавшийся к тому же принципиальным и справедливым, — Павел Артемович Яровицкий. Он прошел две войны, финскую и Великую Отечественную, но не приучился ни пить, ни курить. Был замечательным фотожурналистом. Запечатлев он и Рэдди на одной из ее красивых стоек. Яровицкий скончался в 1995 году на 86-м году жизни.

В испытаниях тогда участвовало несколько собак, ставили то одну, то другую, но ни одна из них не могла набрать требуемые правилами три встречи с птицей — наступило полное безветрие. У Рэдди была хорошая работа, но только одна. Яровицкий предложил прекратить испытания и перенести их на следующий день. Все, кроме меня, согласились. Не помню уж почему, но мне необходимо было вернуться в Москву в тот же день. Яровицкий пошел нам с Рэдди навстречу и, когда перешли на другое место, пустили собаку. Не прошло и трех минут, как Рэдди, вся изогнувшись, стала на твердую стойку. Только я к ней подбежал, как довольно далеко вылетели сразу два дупеля. Рявкнув для порядка «даун», уложил Рэдди на землю. Подошли судьи, что-

бы определить расстояние от места стойки до места вылета птицы. Именно это расстояние является решающим при определении степени диплома — чем оно больше, тем выше диплом. Помощник судьи бросил мне на ходу:

— Прекрасная работа.

Потом судьи долго что-то писали, наконец подозвали нас с Рэдди, и Яровицкий говорит:

— Ничего не могу поделать — вынужден дать Вашей собаке диплом второй степени. Поздравляю. — И крепко пожал мне руку. Возвращались мы с Рэдди домой, как на крыльях. Еще бы, за сезон 1985 года Рэдди получила три диплома, из них один — второй степени. Для первопольной собаки — дело почти неслыханное.

Когда мы с Рэдди попали на очередную выставку, то ведущий эксперт по породе «ирландский сеттер» Татьяна Кром с большим пристрастием выпытывала у меня, откуда у Рэдди диплом второй степени, и только ссылка на Яровицкого сняла сомнения — эта фамилия была выше всяких подозрений.

Как ни странно, испытания и состязания с Рэдди запомнились даже больше, чем охота с ней: так много здесь было всего — и казусов, и успехов, и предательства. В последующие годы мы участвовали как в простых испытаниях, когда целью является получение диплома, так и в состязаниях, где было важно занять призовое место.

Рэдди была уже известной собакой, что, однако, не оградило нас от вероломства. Это случилось в 1986 году во время состязаний на первенство Московского гарнизона, в которых участвовали собаки всех военных обществ. Главным же судьей был почему-то не нейтральный эксперт, а представитель Московского военного округа. Не буду называть его фамилию, возможно, его нет в живых, так как уже тогда он с трудом таскал ноги. Помощником судьи был стажер, готовивший себя в эксперты. Когда Рэдди пошла в поиск, мы с помощником судьи шли рядом, а главный судья сильно отстал. Рэдди делает уверенную стойку, мы подходим, и тут на огромном расстоянии от нее вылетает дупель. Помощник, как и положено, считает шаги до сидки птицы и насчитывает столько, что хватает на диплом первой степени. Это означало бы безусловную победу нашей команды. Но оказалось, что главный судья допустил этого не мог. Не смущаясь тем, что во время взлета птицы он был от нас не ближе двухсот метров и, следовательно, ничего толком видеть не мог, заявил, что стойка была не по тому дупелю, которого мы видели, а по другому, сидевшему от собаки всего в шести метрах и вылетевшему незаметно для нас, но не для него. Я оторопел от такой наглости, но стажер промолчал, а владельцу собаки спорить с судьей не полагается. Дали Рэдди диплом третьей степени, и я до сих пор жалею, что не отказался от него. По внешнему виду судья очень походил на Яровицкого, но по моральным качествам —

полная его противоположность. Ну да Бог с ним, хотя больше на диплом первой степени Рэдди сработать не удалось.

На четвертом году жизни Рэдди, когда у нее уже была куча дипломов, нас пригласили принять участие в каких-то престижных состязаниях, на которых мы не без оснований надеялись занять приличное место. Накануне выезда мне показалось, что у Рэдди слишком красивые глаза, и я закапал ей глазные капли. Состязания проводились в Виноградовском хозяйстве, погода стояла прекрасная, и, что самое главное, дупель было навалом, но вылетали они буквально в одном метре от носа Рэдди. Она полностью потеряла нюх и была снята за непроявление чутья. Один из судей еще утешал меня тем, что собака совсем не гоняет — ведь редкая собака удержится от погонки, когда птица вылетает у нее прямо из-под носа. Стала выяснять, в чем дело, и когда я рассказал о глазных каплях, подняли меня на смех и заклеймили как невежественного человека, не знающего, что глазные и носовые каналы — одно целое.

В то время мы снимали для внучки Тани в Большево дачу с большим запущенным садом. Туда я и отправил, не ожидая никакого подвоха, свою Рэдди, чтобы на свежем воздухе она скорее продышалась, так как через две недели предстояли новые серьезные состязания. Каково же было мое удивление и разочарование, когда на этих состязаниях Рэдди с невероятным для нее азартом, не реагируя на мои крики «даун», погнала дупеля, вылетевшего от нее не ближе 15 метров. Единственный раз ее сняли за погонку.

Все прояснилось, когда мы вернулись на дачу. Только я успел открыть калитку, как Рэдди бросилась на стайку купавшихся в песке на дорожке воробьев и с удовольствием их разогнала. Получилось, что две недели бесконтрольной жизни среди «дикой природы», в окружении воробьев, ворон и голубей перечеркнули все мои трехлетние труды. А спортивный сезон только начинался. Что делать?! За неделю я кое-что придумал. Мы приняли участие в следующих состязаниях и вернулись с дипломом — пошатнувшийся авторитет Рэдди был восстановлен.

Потом, правда, оказалось, что изобрел я «велосипед» — придуманный мною метод был не нов, просто я о нем не знал. Он оказался эффективным, и я могу его рекомендовать другим собаководам, оказавшимся в подобном положении — надо выступать, а собака гоняет. Возможно, он годится не для всех собак — слишком впечатительные могут и обидеться. Суть его заключается в том что собаке надо решительно напомнить, кто есть кто и кого надо слушаться. Я сделал это так.

Когда подошла наша очередь выступать, то по дороге к судьям, ведя Рэдди на поводке, очень спокойным голосом сказал «даун», на что она и не подумала реагировать, так как без-

удержно рвалась в луга, со всей силы натягивая поводок. Я это предвидел и заранее незаметно для Рэдди засунул в сапог хороший толстенький прутик. Как только удалось спровоцировать ее на непослушание, тут же последовал один-единственный удар по задней части. Второго удара не понадобилось. Еще несколько раз спокойно говорил «даун», и Рэдди буквально падала. У собак отличная память, и когда я забрал эту команду во всю глотку после взлета дупеля, Рэдди осталась на месте. Я проделал процедуру напоминания без свидетелей — когда меня позвали в луга, до судей было далеко. Все-таки в этом есть что-то такое... Хотя что особенного? Во всех наставлениях по воспитанию собак фигурирует прутик. Без него, в частности, не научить команде «рядом». Именно поэтому Рэдди ее и не освоила — у меня никогда не поднималась рука лупить ее по носу. Другое дело — по задней части и для ее же блага.

1988 год мы пропустили, так как в августе этого года Рэдди стала мамой. Последний раз Рэдди выступала в июле 1989 года и получила диплом второй степени.

Уроки натаски не пропали даром, и на охоте Рэдди проявила себя прекрасно вопреки неоднократно высказанному в литературе мнению, что ирландские сеттеры принимаются за работу чуть ли не позже, чем в два года. Я взял Рэдди в Уломское охотхозяйство на открытие осенней охоты, когда ей было всего 9 месяцев. Сначала мы увлеклись охотой по уткам, которых там было очень много. Мой брат Анатолий как-то на вечерней зорьке потерял один из своих трофеев, сбитый уже в сумерках. Каково же было его удивление, когда Рэдди утром нашла эту утку мгновенно. Потом я обнаружил, что в обрамлявшем болото тростнике обитают бекасы, и стал водить туда Рэдди. Она делает стойку, я подхожу, бекас вылетает, а Рэдди его не видит из-за высокого тростника и поэтому не бросается за ним. Тем более что местность очень заболочена и сам особенно не разбежишься. Если же бекас падал после выстрела, то по моей команде Рэдди тут же его находила. Это была очень хорошая школа «не гнать птичку».

Спустя два года мы с Рэдди снова были на открытии охоты в этом же хозяйстве, но в другом обходе — Брославле. Поехали туда с Анатолием Федоровичем Филипповым, жившим с нами на одной улице. У него тоже был ирландский сеттер, и, выгуливая своих собак на одном и том же пустыре, мы быстро сблизились. Договорились ехать с обеими собаками, но примерно за месяц до отъезда его собака по кличке Кена пропала. Когда-то давно он на дачном участке подрубал деревце, и оно упало на крутившуюся рядом собаку. С тех пор она стала панически бояться топора, но тем не менее пошла с ним в лесок, когда понадобилось вы-

рубить слегу. С первыми же ударами топора Кена умчалась. Анатолий Федорович думал, что домой, оказалось — в неизвестность. Сколько он потом ни искал собаку — все было напрасно, никаких следов. Пришлось ехать с одной Рэдди.

Домик хозяйства, в котором мы разместились, располагался на краю большой луговины. Кое-где из-под земли сочилась вода и в меру заболачивала луг — идеальное место для дупелей, и их там действительно оказалось много. Мы отправлялись на охоту вдвоем с одной собакой, и стрелял тот, к кому ближе оказывалась вылетевшая дичь. Встречались там и бекасы. Большая сковорода жареной красной дичи на обед и на ужин была нам обеспечена.

Я охотился с МЦ21-12, и Анатолий Федорович не мог скрыть удивления от результативности моей стрельбы. А дело было в том, что я зарядил патроны специальным образом, обеспечивающим широкую осыпь дроби. Этот способ описан в небольшой заметке Э. Келлера «Патрон на бекаса» («Охота и охотничье хозяйство», № 6, 1985 г.), и заключается он в том, что дробь разделяется войлочной прокладкой. Сначала на несколько уменьшенный войлочный пыж и картонную прокладку засыпается около 5/6 частей дроби, затем кладется войлочная прокладка толщиной 6—7 мм или разрезанный пополам войлочный пыж и засыпается остаточная дробь.

Охота с легавой хороша, помимо всего прочего, еще и тем, что может продолжаться весь день. Однажды днем я почему-то не захотел больше идти на охоту, и тогда Анатолий Федорович решил пойти один, но Рэдди, видя, что я остаюсь, категорически отказалась. Сколько ни тянул ее Анатолий Федорович за поводок, она упиралась всеми четырьмя лапами. Так и не пошла.

На следующий год мы с Рэдди приехали в Брославль с Владленом Ефимовичем Райниним и его дратхааром по кличке Драт. Через минуту после того, как Рэдди выскочила из машины, она уже стояла на стойке в каких-то 40—50 метрах от домика. Дичи по-прежнему было много, но на одной луговине нам стало тесновато и пришлось расширить географию охоты. Неподалеку нашли еще несколько скоплений бекасов, хотя из-за близких кустов стрелять их было труднее.

Рэдди была полноправным членом нашей семьи, иногда даже с правом решающего голоса. Она терпеть не могла никаких ссор, и стоило кому-нибудь повысить голос, как она тут же лаем призывала к порядку.

Во взрослом состоянии Рэдди стала понимать многие слова и команды, да и просто речь, если она ее касалась, а потом, как мне кажется, даже мысли. Только ей скажешь: «Рэдди, иди спать» — и она тут же укладывается в свое кресло в передней. А если уж очень наедает около обеденного стола и никакие уговоры уйти не действуют, то достаточно сказать: «Рэдди, убирайся вон!», как она очень обижается и немедленно уходит. Так же действовало слово «укол». Как-то мне пришлось колоть ей антибиотики, так с тех пор как услышит про уколы, поджимает хвост и уходит подальше.

Прошло уже десять лет, как нет Рэдди, но душа болит до сих пор. Иногда она мне снится, а если случайно увижу на улице ирландского сеттера, захочется сердце и я долго смотрю на собаку, пока она не уйдет. А если кто-нибудь из знакомых собирается завести охотничью собаку, то я употребляю все свое красноречие, чтобы убедить братья только ирландского сеттера. Иногда убеждаю.

Фото В. Животченко

Первая стойка молодого ирландца

НЕ НАДО ПРЕНЕБРЕГАТЬ КОРОСТЕЛЕМ

М. СЕЛАВРИ

В первый полевой сезон, когда я только начинал натаскивать чужих собак, одна собачка вызывала у меня беспокойство — гордон Анчар владельца Рыбакова. Очень страстный, стремительный кобель. Мученья с ним начинались после того, как он находил птицу. Став в стойку, он ни за что не хотел сходить с нее. Ему было уже два года, и, возможно, он бывал сильнобит за погонки — больше ничем невозможно было объяснить, почему собака так себя ведет. Я привязывал подсадного перепела к удочке, а саму птицу прятал за бугор, после чего против ветра на корде наводил на нее собаку. Анчар находил перепела и твердо вставал в стойку. А дальше... он мог час просто стоять на стойке, и никакая команда не могла его продвинуть вперед.

Однажды мы вышли в поля в два часа дня. Полтора часа шли по ветру. Было жарко. Кобель гонялся за ласточками и трясогузками. И ласточек гонял так, что несколько раз пробегал у меня между ног и раза три просто сбил меня. Я не мешал ему, но и не поощрял это. Ни дупелей, ни переполов мы не встречали. А когда наш путь пересекла речка, повернули обратно. Кобель уже притомился и ласточек подганивал недалеко, поняв безнадежность этого занятия. Но трясогузкам спуску не давал!

Когда до базы оставалось с километр, невдалеке раздался скрип коростеля. Наведенный на него с не быстрого хода кобель твердо стал. Я подбежал к нему и послал: «Вперед!» Кобель — ни с места. Ни на пятую, ни на десятую команду Анчар так и не среагировал, продолжая твердо стоять. Тут я проявил упрямство. Закурил и сел на ближайшую кочку. Докурил сигарету, снова попытался послать кобеля на птицу, но кобель вновь не среагировал на команду.

Какая же это все-таки вредная работа — натаска. Я обкурился. Прошло сорок минут. Коростель за это время, несомненно, сбежал, и запах его постепенно улетучился. Тогда кобель начал подавать. Сначала неуверенно, а потом все быстрее и быстрее и наконец стремительно бросился вперед, завертелся на месте, взлянул и на сумасшедшей скорости перешел в поиск.

Метров через сто снова стал, как вкопанный. Вновь я поспешил к нему и снова послал на птицу. И опять кобель ни с места. Только через пятнадцать минут он стал подавать птицу. Все повторилось, как и в первый раз: коростель вновь сбежал, и Анчару пришлось искать его заново.

Мертвая стойка по птице

Фото В. Животченко

В третий раз собака нашла коростеля мгновенно и стала. Я не спеша подошел и послал кобеля на птицу. На этот раз Анчар броском подал коростеля, и тот свечой взвился в воздух, а собака от удивления села. А я командой уложил собаку и стал ласкать и успокаивать. И только выкурив еще сигарету, пустил кобеля в поиск.

На этот раз он, стремительно, но не-долго поискал, протянул метров шесть и снова стал. По посылу легко подал перепела, и... пошло-поехало. На базу кобель вернулся готовым к испытаниям.

Да и я за этот выход понял два важных момента — не надо собаку, если она на подводке тужит, насилино заставлять подавать птицу. Пусть лучше птица несколько раз сбежит и сама разгорчит собаку — это первое, а второе — со страстной собакой не надо пренебрегать коростелем.

Между прочим, вся литература по натаске легавых утверждает, что нельзя молодую собаку пускать по коростелю.

Может быть, у кого-то из первых авторов был отрицательный опыт встреч с коростелями, а остальные просто переписывали текст, не вникая в смысл? Часто о натаске пишут случайные люди, а молодые, неопытные владельцы собак не могут отличить зерна от плевел.

С тех пор, вот уже более тридцати лет, я постоянно работаю с молодыми собаками по коростелю. Причем, кроме легкой подводки, работа по коростелю позволяет вовремя заметить потаенное желание собаки подогнать птицу и принять надлежащие меры к устранению этого желания. А иначе либо на охоте, либо на испытаниях, то есть в самых экстремальных ситуациях, у собаки проснется это желание, но будет уже поздно — собачка может попасть под выстрел или будет снята с испытаний. И учтите еще — куропатка, тетерев, а тем более фазан, бегают ничуть не хуже коростеля. Да и всякая другая птица при первой возможности пытается убежать, а взлетает только в случае крайней необходимости.

Патроны для осени

М. БЛЮМ

Открытие осенней августовской охоты для основной массы охотников Центральной России начинается с охоты на уток. Для такой охоты применяется дробь № 7, 6, 5, 4 и 3. Поскольку в настоящее время в магазинах появляются патроны иностранного производства с не соответствующими нашим обозначениям номерами дроби, то в таблицах 1 и 2 приведена их расшифровка.

Прежде всего охотник должен знать, какой номер дроби в каких случаях предпочтительнее применять. Вся охотничья литература дает следующие рекомендации. При правильном, то есть резко и кучно пристрелянном, ружье надо брать такие номера дроби. Для стрельбы с подхода или с лодки в августе и сентябре № 7 и 6, на перелетах № 6 и 5, поздней осенью на большой воде № 5 и 4, но не крупнее № 3. На чирков надо брать дробь на два номера меньше. На нырковых уток рекомендуется брать дробь № 6 или 5. Лысух в начале осени следует отстреливать № 6 и 7, а перед отлетом на номер крупнее.

При отстреле уток желательно в правый или нижний ствол двустволки класть патрон обычной снарядки без различного рода укучнителей (предполагается, что эти стволы имеют получок), а при стрельбе из левого или нижнего ствола лучше использовать патроны с различного рода укучнителями (например, контейнеры для дроби или пересыпка дроби крахмалом, а иногда и то и другое вместе). Это связано с тем, что обычно второй выстрел производится на более далекое расстояние.

Остановимся теперь на способе снарядки и изготовления патронов для стрельбы на осенней охоте. При самостоятельном снаряжении патронов охотники используют три типа гильз: бумажные, пластмассовые и металлические. Для одного и того же калибра и веса дроби навески пороха берутся одинаковые вне зависимости от материала гильзы.

Следует обратить внимание на то, что все элементы патрона заметно влияют на баллистические характеристики. Возьмем тип капсюля. Ведь «центробой» — самый слабый капсюль, применяемый в отечественных охотничих патронах, а потому процесс горения пороха происходит более медленно и плавно, что приводит к неполному сго-

ранию порохового заряда, а значит и к снижению характеристик выстрела: меньшая скорость и большее дульное давление. Уменьшение скорости сокращает убойную дальность стрельбы, а большое дульное давление увеличивает разброс дроби, что также сокращает дистанцию эффективной стрельбы. Поскольку большая часть металлических гильз рассчитана на применение капсюля «центробой», то либо под него необходимо добавлять несколько порошонок дымного пороха, либо очень плотно собирать патрон, обращая особое внимание на крепление дробового пыжа, чтобы он не позволял раньше времени страгиваться дробовому снаряду. Это создает условия для полного сгорания порохового заряда и повышения давления до начала перемещения дроби. Этому же способствует плотная посадка набора всех пыжей, расположющихся между пороховым зарядом и снарядом дроби.

Пороховые прокладки на порох должны изготавляться из плотного, но не жесткого картона и иметь толщину 2,5–3 мм. Желательно, чтобы они имели форму чашечки, загнутые края которой направлены в сторону пороха, и таким образом при выстреле они будут прижиматься к стенкам гильзы и не давать возможности пороховым газам прорваться между стенкой гильзы или канала ствола и набором пыжей в дробовой снаряд. Диаметр пороховых прокладок должен быть таким, чтобы при их досыпке в гильзу ощущался легкий натяг.

Далее обычно помещается набор вилочных осаленных и неосаленных пыжей, диаметр которых должен быть таким, чтобы при их досыпке они входили в гильзу с большим натягом, то есть очень плотно, как поршень в насос. Пыжи должны иметь правильную цилиндрическую форму без перекосов. Высота нижнего осаленного пыжа должна быть не меньше половины калибра, но и не более 2/3 калибра. Увеличение размера приведет к увеличению его веса, а значит при вылете из канала ствола тяжелый пыж значительно сильнее будет нарушать стройность летящих к цели дробинок. Отсюда увеличенный разброс дроби и неравномерность дробовой осыпи, которые приводят к образованию «окон», а значит и участков, где дичь не будет поражаться. В этом одна из причин возникновения легенд о плохо бьющих или живящих ружьях. Ведь великолепно бьющее ружье с применением плохо, не по правилам, снаряженных патронов даст плохие результаты на охоте.

Если хотите иметь качественный выстрел, то не советую применять в качестве основных древесноволокнистые пыжи. Они, как правило, дают ухудшенные результаты стрельбы. При снаряжении патронов этими пыжами следует увеличивать навеску бездымного пороха на 0,1 г (по сравнению с патронами, снаряжаемыми вилочными пыжами), но и это не всегда позволяет получить качественный выстрел. Все это безусловно относится и к снаряже-

нию патронов в пластмассовые и бумажные гильзы.

При плюсовых температурах лучше всего пользоваться полиэтиленовыми пыжами с обтюрирующими юбочками для стрельбы из получока на средние дистанции. Если же вам нужен дальний дробовой выстрел, то в патроне должен быть полиэтиленовый пыж с контейнером, а ствол иметь полное дульное сужение. Иногда для большего увеличения кучности боя дробь пересыпают крахмалом или другим подобным сыпучим материалом. При снаряжении патронов с полиэтиленовыми пыжами следует уменьшить навеску порохового заряда на 0,2 г. Уменьшение заряда пороха следует производить и при применении в качестве пороховой прокладки полиэтиленового обтюратора с «юбочкой».

Если нет готовых полиэтиленовых пыжей с контейнерами, то на набор вайлочных пыжей можно ставить отдельно приобретенный контейнер, если таковой удастся купить или изготовить самому из полосок полиэтиленовой пленки или упаковки из-под молока. Желательно, чтобы толщина полиэтиленовой пленки была такой же, как толщина стенок продающихся контейнеров для дроби (0,7–0,8 мм). Контейнер не только увеличивает количество дробин, приходящих к цели, и их плотность, но и уменьшает их деформацию и истирание о стенки канала ствола ружья.

Некоторые охотники для увеличения силы сопротивления при строгивании пыжей в момент выстрела внутреннюю поверхность металлической гильзы обрабатывают наждачной бумагой круговыми движениями, что ведет к созданию лучших условий сгорания порохового заряда. Такая шероховатая поверхность будет играть такую же роль,

как закрутка. Это важно, так как не всегда при самостоятельном снаряжении патронов в металлических гильзах удается надежно закрепить дробовую прокладку. Тут можно порекомендовать пользоваться полиэтиленовыми пыжами С. И. Шейнина или закреплять дробовую прокладку с помощью заливки составами, которые хорошо соединяются с внутренней металлической поверхностью гильзы и материалом прокладки (например, смесь парафина с канифолью в одинаковой пропорции или клей БФ-2, БФ-4, БФ-6). Дробовую прокладку для металлических гильз лучше всего изготавливать из пробки или ломкого картона толщиной 2 мм (толщина прокладки в бумажных или пластмассовых гильзах под закрутку должна быть 0,7–1,0 мм). Очень тонкую прокладку не следует делать, так как она не будет удерживать дробовую снаряд в патроне и при выстреле из соседнего ствола или ношении патрона. Лучший способ закрепления дробовой прокладки в металлической гильзе – это обжим ее дульца на 1,0 мм. Конус обжима должен начинаться от верхней плоскости прокладки. После обжима можно дополнительно залить края стыковки прокладки с внутренней поверхностью гильзы для защиты внутреннего содержания патрона от влаги, например лаком для ногтей или указанными выше составами.

Следует обратить внимание на тот факт, что сейчас в продаже появилось большое разнообразие порохов, и поэтому ни в коем случае нельзя пользоваться мерками, отрегулированными под один порох, а нужно использовать мерку для другого пороха. Порохи имеют разную плотность, а это значит, что в одном и том же объеме вес пороха будет разный, и это может привести к разрыву ружья. Например, если мерка

отрегулирована под 2 г пороха «Сокол», то пороха «Барс» там поместится почти 4 г, а его в 12 калибр нужно класть тоже порядка 2 г. Вот вам и сильное превышение давления при выстреле, а отсюда возможность разрушения ружья. При снаряжении патронов лучше всего пользоваться теми указаниями, которые даются производителем пороха в прилагаемой инструкции, так как современные пороха даже одной марки отличаются своими характеристиками от одной партии к другой. Да и в продаже теперь появилось большее разнообразие порохов. Раньше был в основном только бездымный порох «Сокол», помимо дымных порохов, а сейчас промышленность предлагает большее разнообразие порохов, к которым надо относиться при взвешива-

Таблица 2
ОБОЗНАЧЕНИЕ В АМЕРИКЕ
КАРТЕЧНЫХ ПАТРОНОВ 12 КАЛИБРА
С ГИЛЬЗОЙ ДЛИНОЙ 70 ММ

Обозначение патрона	Размер дробины, мм
4	6,10
3	6,35
2	6,86
1	7,62
0	8,13
00	8,38
000	9,14

Таблица 3
РЕКОМЕНДУЕМЫЕ ВЕСА ДРОБИ
И ПОРОХА ДЛЯ ПАТРОНОВ
К ГЛАДКОСТВОЛЬНОМУ ОРУЖИЮ
(пыжи вайлочные)

Тип пороха	Калибр	Вес дроби, г	Навеска пороха, г
Бездымный «Сокол»	12	30–35	2,1–2,2
	16	27–32	1,8–2,0
	20	24–31	1,5–1,6
Бездымный «Сунар»	12	30–35	1,6–2,0
	16	27–32	1,2–1,5
	20	24–31	1,0–1,3
Бездымный «Барс»	12	30–35	2,0–2,4
	16	27–32	1,6–2,1
	20	24–31	1,3–1,8
Бездымный «Салют-4»	12	30–35	1,6–1,9
	16	27–32	1,4–1,6
	20	24–31	1,2–1,4
Дымный	12	30–35	5,4–5,8
	16	27–32	4,9–5,3
	20	24–31	4,2–4,8

Примечания. 1. При использовании полиэтиленовых пыжей навеску пороха следует уменьшить на 0,2 г, а древесноволокнистые пыжи требуют увеличения навески на 0,1 г. 2. Поскольку бездымных порохов сильно отличаются по своим характеристикам от одной партии к другой, то при снаряжении следует руководствоваться приложенными инструкциями или минимальными зарядами и снарядами, приведенными здесь. 3. Для легких ружей брать минимальную навеску пороха дроби. 4. Навески пороха даны для температуры воздуха плюс 20 °C.

Интернациональное, американское и английское обозначение размеров дроби, употребляемые в современных иностранных дробовых патронах

Диаметр дробины, мм (только для интернационального и английского обозначений)	Интернациональное обозначение	Английское обозначение	Американское обозначение	Диаметр дробины, мм (только для американского обозначения)
1,7	10	—	12	1,27
2	9	—	11	—
2,2	8	—	10	—
2,5	7	6½	9	2,03
2,7	6	5	8½	2,16
3,0	5	4	8	—
3,2	4	3	7½	2,41
3,5	3	2	7	—
3,7	2	1	6	2,79
4,0	1	—	5	3,05
4,2	0	—	4	3,30
4,5	BBBBB	70P (для 12 калибра)	3	3,56
5,2	AAA	43P (для 12 калибра)	2	3,81
6,2	SSSG	27P (для 12 калибра)	1	4,06
7,5	SpSG	12P (для 12 калибра)	BB	4,57
7,9	SG	9P (для 12 калибра)	BBB	4,81
8,6	SG/LG	9P (для 12 калибра)	T	5,08
			F	5,59

нии очень внимательно и ни в коем случае не отмеривать объемными мерками. Выберите время и делайте навески с точностью до 0,01 г всех марок порохов. Если почему-либо у вас не оказалось инструкции по навескам имеющейся у вас пороха, то надо пользоваться указаниями, приведенными в таблице 3. Следует обратить внимание на то, что все навески пороха, рекомендуемые в таблицах, необходимо начинать применять с минимальных значений. Увеличивать заряд следует только в том случае, если, по вашему мнению, мощность выстрела недостаточна. Это определяется по визуальному состоянию гильзы и капсюля после выстрела, а также недостаточным проникновением дробинок в дерево при стрельбе на 35 м. Правда, это может происходить и по причине большой навески дробового снаряда или плохой обтирации набора пыжей. Кроме охоты на уток, в августе можно охотиться на самую разнообразную пернатую дичь, такую, как гусь, тетерев, глухарь, вальдшнеп, рябчик, куропатка, перепел. Для охоты на эти виды дичи следует рекомендовать следующие номера дроби. Гусей надо отстреливать патронами с дробью № 3—0, но не крупнее 4/0; тетерева — № 5—3, а по выводкам из-под собаки — № 7—6; глухаря — № 3—1, по выводкам из-под собаки — № 7—6, на лиственницах — № 4—3; вальдшнепа — на высыпках — № 9—7; рябичка — № 8—7; серую куропатку — № 7—6, тундряную куропатку — № 7—5; перепела — № 9—8 в зарослях, накоротке — № 11—10.

При стрельбе на близкие расстояния, то есть накоротке, следует применять короткие стволы с максимальным разбросом дроби, имеющие сверловку типа раструбов или просто цилиндр, а патроны должны быть разбросными или обычной снарядки без контейнера. Стрелять на средние расстояния следует из стволов, имеющих получоковое сужение, патронами обычной снарядки, а длина стволов должна быть не менее 700 мм. Для стрельбы на большие расстояния необходимо использовать длинные стволы с полными чоками, а патроны должны иметь дробь в контейнере, пересыпанную, к примеру, картофельной мукой.

Если вы покупаете иностранные патроны 12/70, то можно встретить и такие обозначения, которые приведены в таблице 2.

**ЗАПЧАСТИ
К МОТО-ОБОЛЮТЕХНИКЕ
СНЕГОХОДАМ, БЕЗОПАСНЫМ
ЛОДОЧНЫМ МОТОРАМ**
высыпаем наложенным платежом
Адрес: 107258, Москва, а/я 4

Мое ружье: вопрос-ответ

Элифалет Ремингтон — основатель знаменитой американской компании. Курковое ружье «Модель 1889» с дамасковыми стволами. Владелец Н.Рейс. Торговая марка завода на затыльнике приклада

«Ремингтон»

— Мне по наследству досталось двуствольное ружье американской фирмы «Ремингтон». То, что фирма выпускала двустволки, никто из знакомых не слышал. Её номер 255009, дата изготовления не указана. Хотелось бы подробнее узнать, как это ружье попало в Россию, что за модель и когда изготовлено. Представляет ли ружье историческую ценность?

С уважением Николай РЕЙС, Московская область

Ружье на удивление хорошо сохранилось — уже в этом его историческая ценность. Знаменитая американская компания Remington Arms Company в свое время действительно выпускала рабочие охотничьи двустволки, причем более десятка моделей. Индекс модели соответствовал году организации серийного производства. Ваше ружье — это «Модель 1889» — изготовлено в 1907 году. Серийный выпуск начал в 1889 г., закончен в 1910 г. Всего, по данным фирмы, за этот период сделано немногим более 130 тысяч двустволок. Таким образом, ружье хотя трудно отнести к категории раритетных, но, учитывая возраст и состояние, оно достойно занять почетное место в собрании и маститого, и начинающего коллекционера.

«Модель 1889» — самая, пожалуй, распространенная из всех, которые компания «Ремингтон Армз Ко» экспорттировала в дореволюционную Россию. В начале XX века эта изящная курковка встречалась в каталогах большинства московских торговых заведений. При умеренной цене (70—130 рублей) ружье отличалось исключительно большой прочностью и выдающимся боем, поэтому пользовалось спросом у охотников из разных сословий. Судя по всему, ваш курковый «ремингтон» приобретен в 1908—1909 гг. в одном из

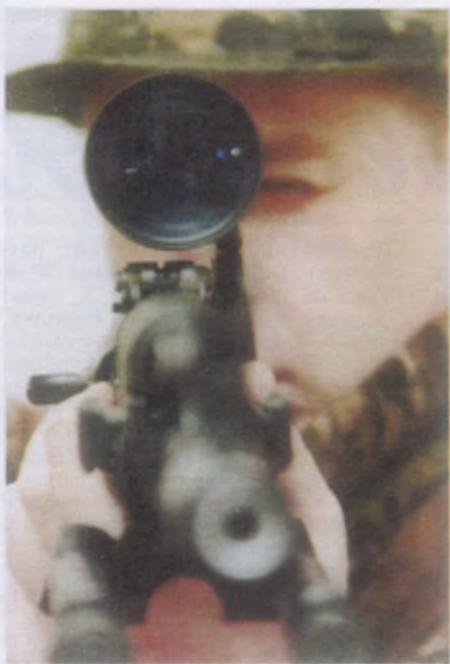
оружейных магазинов крупного российского города.

«Модель 1889» выпускали в семи градациях исполнения — по качеству применяемых материалов, тщательности отделки и гравировки. Ваше ружье относится ко второй градации исполнения. На русском дореволюционном рынке такая двустволка стоила от 80 до 90 рублей. Современная цена модели в зависимости от технического состояния и степени износа декоративных поверхностей может колебаться от 100 до 1000 долларов.

Для тех наших читателей, у кого сохранились двуствольные «ремингтоны» 1889-й модели, публикуем таблицу серийных номеров с 1900 по 1910 гг. — период активного импорта охотничьего оружия из США.

Номер ружья	Год выпуска
200.000—205.935	1900
205.936—221.450	1901
221.451—234.803	1902
234.804—240.530	1903
240.531—247.581	1904
247.582—251.192	1905
251.193—254.394	1906
254.395—257.745	1907
257.746—259.246	1908
259.247—259.262	1909—1910

Ю. МАСЛОВ

ОАО “Вологодский ОПТИКО-МЕХАНИЧЕСКИЙ ЗАВОД”

Предлагает к рассылке наложенным платежом:

-оптические дневные прицелы

Пилад P4x32, P8x48, P8x56

Пилад P4x32L, P8x48L, P8x56L - с подсветкой сетки

Пилад P8x56Lf - с фокусируемым объективом

Пилад P3,5x20, P3,5x20C

- прицел ночного видения

PNS 2,5x50

- кронштейны для крепления на карабины и ружья с вертикальным расположением стволов

(в заявке желательно указать марку оружия)

- фотообъективы, лупы

- а также оптическую продукцию (бинокли, зрительные трубы, прицелы, дальномеры) российских и зарубежных производителей

Кронштейны вертикальные

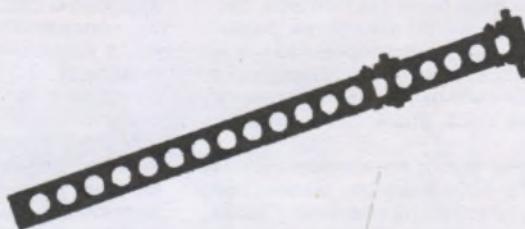

Тип V (сталь) - кронштейн для крепления
прицелов ночного видения PNS 2,4x30, PNS 4,6x50
на вертикальную направляющую шириной от 8 до
16 мм ("Лось", "Барс", "ИЖ-18МН")

Тип "Лось" (сталь) - специальный кронштейн для
крепления прицела ночного видения PNS 2,5x50
на вертикальную составляющую шириной 12 мм
("Лось", "Барс")

Еврозажим (сталь) - специальный кронштейн для
крепления прицела PNS 2,5x50 на оружие с планкой
"weaver" (карабин Вепрь-308 Супер)

Планка переходная (сталь) - планки с верхней
направляющей "ласточкин хвост" шириной 13 мм,
которые устанавливаются на вентилируемые
планки ружей ИЖ-27 и ТОЗ-34

160001 г. Вологда, ул. Малыцева, 54., тел. (8172) 25-98-15, 53-66-10, 25-94-98; факс (8172) 72-61-45
e-mail: commerce@vologda.ru, vomz@vologda.ru; web: www.vomz.ru

Наследство

Алле

Вокно, малое, как повсюду в старых домах на севере, жидко сочится рассвет. В нем еще чувствуется дыхание уходящих белых ночей, их призрачного оцепенения, разбавившего мутный сумрак. И какая тишина! Ты еще, кажется, спишь, и мне не хочется будить Тебя — здесь так сладко, так покойно спится!

Летом в этой брошенной избе на берегу губы жили рыбаки. Мы сгребли раструщенное сено, прикрыли его спальниками и тоже спим на полу. Перед глазами потрескавшийся, потемневший от времени, «ленью крашенный», как здесь говорят, давно не видевший ни жесткого веника-голика, ни дресвы потолок в косослойных щелях и глазках еще более темных сучков. На длинной, через всю избу, полке-воронце какие-то немытые банки, елочный гирляндой свисающие беспрестанные кебрички — наплавки рыбакских сетей. Все это так знакомо и так ново...

Заметив, что я пошевелился, подошла Умка, наша белая лайка, нависла, испытующе смотрит в лицо: проснулся ли?

Она была здесь, знает, зачем мы сюда приехали — у собак память отличная, — все это время она восторженно оживлена, взвуждена, — спала ли она вообще нынешнюю ночь?

Я выпрашиваю из спальника руку, треплю ее за прохладными хрящиковами острых ушек, гляжу ее атласное темя — сколько радости и надежд вспыхивает в ее заждавшемся движении теле! Умка припадает к полу, вскаивает, толкает меня носом в бок — пора вставать!

Ее счастье во мне, она это тоже знает, и нетерпеливо торопит — скорее, скорее в лес! Нас связывает одна и та же страсть: ей доставшаяся по наследству от длинной череды поколений охотниц-лаек, а мне? Может, и мне было уготовано такое же наследство?

Оба мои деда были охотниками, охотился и мой отец, но я, кажется, задолго до того, как меня впервые взяли на охоту, всегда, как только помню себя, чувствовал себя охотником. Наверное, я тоже, как Умка, родился с этой страстью...

От нашей возни проснулся Ушлик, спавший у Тебя в ногах, маленький, смешной, похожий на обезьянку песик, которого мы, попавшего под машину, подобрали и выходили; проснулась и Ты, потянувшаяся за часами возле подушки.

Пора, пора вставать! На всю обширную округу мы одни, день нарождается

ся только для нас — он полностью в нашем распоряжении, мы сами хозяева времени. Еще вчера мы знали, как он сложится: после раннего завтрака, подперев дверь палочкой, по заросшей осиновым хлыстачом дорожке, где когда-то по намороженному на снегу зимнику-ледянке мужики подтаскивали толстенные бревна для строительства домов деревеньки, мы отправимся в лес. У знакомой нашей росстани, ветхого мосточка через черный, вытекающий из торфяного болота ручей, мы разойдемся — я с ружьем и Умкой на охоту, а Ты с корзинкой и Ушликом — по грибы и бруслику. У меня даже в мальчишеском возрасте не было провожатых, я не охотился с поводырем-егерем, я не терплю на охоте кагала — облавы, конечно, не в счет, — и только Ты, пожалуй, никогда не нарушала моего одиночества на охоте, моего единственного лесования с лайкой, когда мы уходили в лес вместе. И сейчас мы разойдемся не потому, что Ты мне будешь мешать, — просто у нас в этот день разные цели. Но все равно мне будет приятно сознавать, что Ты где-то рядом здесь, в том же лесу, под тем же небом — быть может, за этими скалистыми замшелыми сельгами, реже грибы, оживляясь радостью при встрече с каждым боровиком, или сидишь на бруслинике. Почти всегда мы бываем на слуху друг у друга, Ты считаешь мои выстрелы, и на облавивание Умкой дичи Ушлик солидарно откликается своим задорным писклявым фальцетом, и я бываю спокоен в нашем зверином kraю, где нередко попадаются медведи — увесистые кучи будто бы отжатых в решете ягод, зная, как предан и отважен не по росту наш «обезьянин пинчер» и как не любят медведи лая собак, независимо от их роста.

Мы опять привычно разошлись у почти полностью обвалившегося мосточка, обойдя его по камешкам: я через заросшую старую вырубку, где, бывало, попадались тетерева, к Хрыль-озеру, в крупный глухаринный лес возле водопада, а Ты на свою любимую березовую Кирс-горку и на брусличные сельги.

Мало что изменилось за год: тот же камень, положенный кем-то как примета на еловый пенек, та же береза с затейливым наростом-сувелем, который я еще в прошлом году наметил спилить, да все никак не удосужусь прихватить ножовку. Но подросли, загустели на вырубке, несмотря на полуоблетевший лист, березки и осинки, оттененные юными елочками и свечами

можжевельника. Тут пахнет, пахнет тетеревами! Будто позаимствовав у Умки ее трепетное чутье, я, кажется, ощущаю запах близкого выводка. И, переложив поудобнее для быстрого выстрела ружье, я прилежно прочесываю вырубку вслед за лайкой, лишь мельком отмечая огрузшие красные кисти рябин, опята и бруслику возле пней. Но вот лайка заволновалась, заходила, выпрыгивая из высокого житняка — и из-под нее взорвался косач. Туго сбитый, как чугунное ядро, он прошел кружевное свечение березок и, взблеснув воронением, потянулся к опушке крупного леса, то и дело планируя, давая передых крыльям. Что поделаешь — зеванул... Вряд ли найдет его Умка. Да, незадача... Петух из-под собаки мог бы взвершиться на ближнюю березку, любопытствуя, кто его потревожил, но он видел меня, и тут уж не до любопытства. Уйдет далеко — старик, видавший виды... И после шумного взрыва птицы словно бы сиротливо и пусто стало на вырубке...

Но вот тишину спугнул Умкин лай. Оттуда, с опушки. Ах, умница, проследила-таки его полет. И снова встрепенулось надеждой сердце. Надо поспешать!

Умка облавила косача на высокой ели, обходя ее то с одной, то с другой стороны, чтобы высмотреть птицу. Долгое эхо широко раскатывалось по лесу, дробилось в стволах деревьев, отскакивало от каменистых сельг. Я поленился вкруговую подойти к петуху лесом под прикрытием деревьев, опасаясь к тому же, что он не будет так долго сидеть на лаю, и пошел напрямую вырубкой, он заметил меня на открытом, сорвался и исчез в чаще. И я отозвал собаку: пойдем искать другого! Впереди у нас целый день.

Нет устали в ходьбе с не ослабевающей в душе надеждой и ожиданием по гулкому, расцвеченному сентябрем лесу, вдыхая охуженный, свежий осенний воздух, настоящий на запахе привядших трав, начавших тлеть палых листьев, отсыревшей в росах земли, грибов и древесной прели отживших деревьев... Где-то посвистывают рыбачки, — время охоты на пищик. Но я не пристрастился к ней, я предпочитаю ходовую охоту. И не отказываю себе в выстреле по сработанным Умкой рябцам: вопреки общепринятым среди лаечников мнению, что они не сидят на лаю, портят собаку, моей Умке частенько удается удержать их до моего подхода. Отчего они медлят сойти с дерева? Может быть, потому, что лайка так ослепительно, до голубизны,

бела? Я слышал, северные охотники-промысловики предпочитают белых собак, полагая, что под ними крепче сидят и зверь, и птица. Во всяком случае посаженные Умкой рябцы нередко становятся нашей добычей.

Погруженные на дно древнего леса, мы вдвоем с лайкой неспешно вершим свой охотничий маршрут, узнаем знакомые места, памятные прошлыми удачами. Всегда хочется наведать то, где когда-то был счастлив. Но не бывает двух одинаковых охот, неповторимо охотничье счастье, — оно всегда приходит внове.

На неторопливом размеренном ходу всегда хорошо и складно думается. Мальчишкой я охотился, ни о чем не задумываясь, не подозревая, что может быть как-то иначе, повинуясь инстинкту и влечению так же, как охотится и повинуется инстинкту собака, и только с годами стал размышлять, что же, все-таки, это за штука — охота, почему она так заполняет мое существование даже в то время, когда ружье лежит в чехле, а сам я живу в большом городе и все равно сознаю себя охотником? Это сознание не оставляет меня всю жизнь, оно сидит во мне помимо моей воли и является собою постоянный фон моих будней, как театральная декорация-задник служит фоном всего происходящего на сцене. Скупые приметы зажатой громадами домов и асфальтом городской природы — пробившиеся на обтаявшем откосе глазки мать-мачехи, сизые, подернутые инеем осенних утренников буряники пустыря, пожелтевшие прядки берез на бульваре — всегда оживляют в моей памяти разливы полой воды с кустами ивняка, дымящими медовой пыльцой, вымахнувшего с лежки в таких же буряниках русака, тихое свечение березок с оставшимися на вершинках трепетными листьями, над которыми в слепящей голубизне идут косяки гусей, роняющих с небесными кликами печаль и надежду... Мне дороги такие воспоминания, они возвращают пережитое, и я их люблю. Больше, чем другим, отпущено охотнику радости...

Однако гусь еще не пошел — стоит ведро теплого бабьего лета. Но, кажется, подошли с севера вальдшнепы. С тех пор как в прошлом году я взял из-под Умки вальдшнепа, она поняла, что эта долгоносая птица — тоже добыча, и стала искать их. Но вымахнув из гущи подроста, они так стремительно ввинчиваются во все еще зеленую листву ольшин, что я не успеваю выстrelить даже навскидку. Пропуделяв по двум, я наконец взял третьего. Слушая мою пальбу, Ты думаешь, наверное, что я обвешался дичью, а у меня пока всего только один этот вальдшнеп, трофея в понятиях местных охотников пустяшный и никчемный: кто будет при такой стрельбе жечь из-за него патроны? Но мне не меньше, чем тяжелый мошник, дорога эта изящная, прекрасная птица с мелким, тонким рисунком пера и большими темными глазами южной красавицы; немалого стоит и сам выстрел...

А как Ты, какова Твоя добыча? Вспоминаю Тебя и жалею, что мы расстались у мосточка — лучше бы Ты шла за мной, отпустив меня вперед настолько, чтобы не спугнуть дичь, как чаще всего мы и бродим в лесу, и Ты сама бы видела, как складывается охота, как работает наша любимица Умка, как красива она, белая, на изумрудном зыбком берегу озера, отразившего темной неподвижной водой и ее, и небо, и табунок белостольных березок на сплавине... С тех пор как мы с Тобой стали охотиться вместе, я понял, что делаю это и для Тебя, и для Тебя моя добыча, и молча радовался бы, что так ловко срезал на Твоих глазах в тестом ольшанике верткого вальдшнепа...

А Умка что-то опять причуяла на склоне сельги, густо заросшем высоким папоротником. Его широкие, подпалиенные утренними морозцами опахала, укрывшие собаку, заколыхались, заходили, означая ее движение, — что там происходит под их цветным пологом?

Но тут же все и разрешилось: с грохотом, всколыхнув перистый воздушный ковер, вылетела большая тяжелая птица. Глухарка! Она не видела меня и

тут же уселилась на коряжистую ближнюю сосну. Жаркий, страстный лай заполнил тихий лес, раскатился проснувшимся эхом. Копалуха, любопытствуя по-бабьи, тянула шею, наблюдала сверху за собакой и глуповато кокала. Ах, если бы нам попался петух! Может быть, он и не взвершился бы так близко, петухи осторожнее и пугливее простоватых копалух, крепче сидящих на ляю. Да, был бы это мошник... Очень жаль Умку, она так старается! Нет, я все-таки удержался от выстrelа, зная, как стыдно будет мне потом, предавшему свои зароки... Пойми и прости меня, Умка!

Я обласкал ее, предложил ее любимую ванильную сушку — с какой обидой она вывернулась из-под моей руки, отвернулась от лакомства: до сушек ли сейчас, в не угасшем ее азарте?!

И снова бредем мы с ожиданием и надеждой в душе, скрытые от небес густыми кронами, по дну зеленого разлившегося по Заонежью леса, перерезанного с северо-запада на юго-восток, как полз когда-то ледник, следами его поступи — низменными болотистыми уроцищами, разделенными скалистыми, в разноцветных лишайниках сельгами. Время давно за полдень, пора выворачивать навстречу Тебе к знакомой Скале — нашла ли Ты ее, не забыла к ней дорогу? Не пришлось бы пойти к Тебе на поиски...

Как всегда, загаданное охотничье счастье приходит неожиданно. Мы нашли свою удачу на моховом болотце, заросшем неподвижными, упругими, как пружина, тальниками и сухой тресцой. Умка взяла след, пошла в прыжки, треща сушью, и из кустов, стеснивших его взлет, взметнулся, будто выброшенный чьей-то сильной рукой, черным шаром косач. Взметнулся — и тут же, чуть задержавшись в воздухе, упал, взвесив белыми подкрыльями, на моховину. И Умка, сопя сладостра-

стно, отфыркиваясь от попавшего в нос пуха, уткнулась в горячую птицу.

Как разобраться сейчас, после случившегося, в сумятице чувств, вихрем пронесшихся, сменивших друг друга в охотничьей душе?

Неожиданность, удивление, любование красотой стремительной птицы, опасение промазать и упустить ее, всплеск радости от удачного выстрела, и все это — в доли секунды, которые охота отводит для внезапного выстрела. А теперь — покойное чувство удовлетворения, благодарности, гордости своей помощницей. И — неожиданно — даже что-то похожее на сострадание, на сожаление... Ну, если и не сожаление, то что-то такое, что заставляет положить предел стрельбе при охотничьем фарте, невзирая на то что дичь продолжает «лазить» на ружье... Странно, мальчишкой я никогда этого не испытывал...

Я обласкал Умку, аккуратно, чтобы не помять перья, уложил петуха в заплечную торбочку, огляделся. Мы должны были находиться уже где-то неподалеку от Скалы. И действительно, в ответ на выстрел раздался Твой крик, лай Ушика — вы добрались туда раньше нас. Услышав Твой близкий голос, Умка бросилась вперед, стало слышно верещание Ушика — собаки обменивались впечатлениями проведенного врэза времени. По привычке истых грибников, всегда соблюдаемых в Карелии, Ты уже почистила в лесу грибы, чтобы не тащить домой мусор, и подтаскивала сушняк к сохранившемуся среди хрупкого мха пятаку старого кострища.

...Мы сидим, вытянув сладко ноющие ноги, на широком уступе Скалы, привалившись к ее обомшелому гребню. Теперь мы делимся тем, как ктошел и что видел. Ты любуешься красавцем тетеревом, перебираешь перышки на крыле вальдшнепа, отыскивая то драгоценное «художническое» перышко, которым акварелисты выводят на своих миниатюрах самые тонкие штрихи. Мне это нравится: радость удачных выстрелов продлевается тем интересом, который вызывают у Тебя мои трофеи. Ты, сопровождая меня в моем лесовании, давно убедилась, какое это счастье — Охота, здоровое, красивое и благородное увлечение, дарованное от рождения самой Природой, дающее животворную, плодоносную пищу душе, и теперь сама стараешься убедить в этом некоторых своих подруг, наших знакомых, когда они, не имеющие об этом никакого понятия, недумевают, как можно «убивать ни в чем не повинных птичек». И эти доводы в Твоих устах — хоть Ты и отказываешься выстрелить даже в цель, — куда весомее моих «оправданий».

Костерок занялся, живет своей жизнью, в его теплом струйчатом мареве подрагивают лесные дали Заонежья, светлые меж расцвеченных лесов зеркала озер. Как ласково зовут здесь маленькие укромные озерца — «ламбушки». Взблеснувшие меж деревьев,

они всегда сманивают свернуть к ним, чтобы полюбоваться недвижной темной водой, отразившей мшистые берега, белобоким нырцом, упывающим подальше от внезапно появившегося человека, распустившим по воде «усы», качнувшим сонное отражение. Но отсюда, со Скалы, ламбушки не видны, они скрыты обступившим их лесом — виднеются лишь плеса больших озер, обращенные к небу, как широко распахнутые глаза. Именно так, глазами Матери-земли, назвал их когда-то Михаил Михайлович Пришвин, побывавший в этих краях в 1906 году. Он вернулся отсюда не только писателем, но и охотником, запоздало, в 33 года открыл в Прионежье для себя счастье охоты и оставил ее верным на всю жизнь. Спустя двадцать лет по глухим здешним тропам, сокрытым зеленобородыми деревами-дедами, проложенным от одной деревеньки к другой, прошел другой замечательный человек и писатель Иван Сергеевич Соколов-Микитов, «свой в своем» среди исхоженных им земных просторов.

И теперь пришло наше время. Словно бы получившие в наследство весь огромный полуостров Заонежье со всеми его озерами и ламбушками, сельгами и гулкими уроцищами, со всеми глухарями, рябцами, куницами и медведями, с опустелыми домами безлюдных деревень, где во времена Соколова-Микитова и, тем более, Пришвина от века вершилась тихая лесная жизнь — теперь мы, получившие со всем этим наследством чувство родства, бродим по заросшим древним дорожкам, тоже ощущаем себя «своими в своем», любуемся красотой севера и невиданной красоты деревянными хоромами, сидим сейчас на Скале, открывающей просторы Заонежья и Онего-моря.

Любовь всегда должна быть выражена — не высказанная, она становится мучительной. Но всегда ли нужны для этого слова? По тому, как Ты оглядываешь с высоты наше Заонежье, как, сняв душные сапоги, в одних носках ходишь будто в чистой горнице, по сухому хрупкому мху, как глядишь на нашу Умку, живописно расположившуюся рядом с ревниво охраняемым косачом, я понимаю, что у Тебя на душе то же, что у меня, — никаких разговоров об этом не нужно.

Да и в наших с Тобою отношениях все определено и установлено — давно, с тех пор как мы встретились на художественной выставке в 1962 году в Манеже, так скandalно раз рекламированной «нашим дорогим Никитой Сергеевичем», как провели вместе ровно десять дней, по истечении которых я, исчерпав отпуск, вернулся на Камчатку. А через два месяца Ты, оставив Москву, домашние удобства и работу в родном МГУ, прилетела ко мне, бесприданному, на далекий полуостров, в совершенно пустую комнату коммуналки, которую мне дали, когда я заявил о Твоем приезде, — до того я обитал в комнатушке при общежитии, более удобном для холостяцкого житья из-за

буфета, душа и регулярной смены постельного белья.

Впрочем, приданое у меня все-таки было: бельгийская бескурковка шестнадцатого калибра, моя собственная, сменившая отцовские «зауз» и пятизарядный «браунинг». Она верно служила мне со школьных лет и всегда была со мною, даже в ленинградском студенческом общежитии, хранясь с уга на угол в чемодане под койкой.

Я встречал Тебя на аэродроме в Елизове. Заоблачный гость ТУ-104 вывернулся из-за белых конусов заснеженных сопок, промчался по посадочной полосе и под сипенье турбин подрулил к выгрузке. Подкатили трап к непривычно неподвижному, в занебесной испарине лайнеру, я смотрел, как на выходе «власти» — два румяных пограничника, щеголеватых, несмотря на сержантские лычки — как же, всегда на людях! — сверяли Твой паспорт с пропуском в погранзону. Все было в порядке. Ты стала спускаться, я снял Тебя с трапа — и Ты у меня на Камчатке!

Шофер крытого, без задней стенки, грузовика согласился подвезти нас в город. Мы сидели в кузове, не вполне сознавая, кажется, значительность того, что с нами произошло, и придерживали болтавшийся по кузову чемодан, позади убегала дорога, уходили дома, я называл Тебе улицы незнакомого, ставшего Твоим города.

С Твоим приездом у нас появилась «мебель» — соседская табуретка с дыркой-полумесяцем на сиденье — покрытая полотенцем, она служила нам обеденным столом. Но первой покупкой была не мебель — были Твои лыжи из кедра Находкинского деревокомбината, настолько прочные, что они живы по сей день.

Наш союз и Твоё жительство следовало узаконить в конторе со странным, похожим на еврейскую фамилию названием «ЗАГС». В назначенный день опять была пурга. Без цветов, свидетелей и шампанского мы с мокрыми от снега, настеганными ветром лицами, в брюках, спущенных на голенища сапог, смотрели, как в наших паспортах появляются исполненные глубокого смысла штампы. На счастье ли?

Вечером, чтобы отметить с нами такое событие, должен был прийти Роман. Я открыл ему дверь — он стоял за нею, держа обеими руками большой ком снега.

— Что это? — спросил он.

Я замялся: сказать, что это снег, было бы слишком просто, уж чего-чего, а этого добра на Камчатке хватает...

— Это — холод! — довольный моим замешательством, воскликнул Роман, — Пусть никогда не будет его между тобой и Аленой!

И он с размаху разбил ком о кафель лестничной площадки.

Спасибо тебе, дружище, ты напророчил нам жизнь в ладу без единой ссоры! Мир праху твоему, развеяному над непокойной ширью Тихого океана — так много лет спустя ты завещал, не желая упокоиться в земле чуждого тебе континента Западного полушария.

Я не мог на это рассчитывать, но, к моей радости, моим приданым, принятым Тобою, оказалась и моя охота: мои угодья, где я охотился, стали и Твоими любимыми местами, друзьями стали мои охотничьи друзья, и Ты разделила мою любовь к собакам, которые вошли в нашу семью как законные и необходимые ее члены. Это ли не счастье для охотника?

Друзья, когда мы охотились с гончими компаниями, поначалу удивленно косились на Тебя, «увязавшуюся» за нами — где это видано, баба на охоте?! — но потом убедились, что Ты никако не мешаешь и даже бываешь полезна, если мы в воронежских краях охотились с лошадью: Ты оставалась в телеге, когда мы разбредались в бору, и пригоняла ее в условленное место нашей встречи.

Приданое наше богатело, в него уже давно вошло Заонежье, открытое нами вместе как наследство, мы полюбили тишину его неисходимых лесов, простиры Онего-моря, красоту светлых озер, брошенных деревень с крошечными часовенками, трогательно сохранившими медовую чистоту бревенчатых стен, намоленных русоволосыми, сероглазыми людьми с опаленными солнцем лицами на лесных покосах и в рыбачьих лодках...

Заонежье тоже приняло нас, и мы, благостно ощущая себя «своими в своем», сидим сейчас на своей Скале и оттягиваем время возвращения домой. Костерок приугас, едва дышит бездымным теплом. Умке надоело бездействие, она тихо обследует Скалу, мелькая среди елочек, зацепившихся на камне. Очень привязанный к нам Ушлик заинтересованно посматривает на нее, но не уходит, и лишь заслышиав ее лай, тоже с лаем кидается «на помощь». Стоя на краю, Умка смотрит вниз, роняет ворчню и нерешительные «бамки». На кого это она?

Сырую моховину под Скалой пересекает лось. Непривычно смотреть сверху, будто с высоты птичьего полета, как неторопливо и размашисто ходят рычаги его голенастых, в белых чулках ног, как несет он суковатые рога. Чуть ускорив от бреха собак свой легкий, летящий ход, он словно плывет меж болотистых сосенок-карлиц и исчезает в лесу. Не удивительно, что бык появился тут средь бела дня — стоит время лосиного стона, потерявшие покой сохатые ходят много и широко.

Заново рассиживаться, поднявшись со своих «кресел», не время: солнце заметно скатилось к вечеру. Пора домой.

В первые же выходные мы ждем, как было обещано, Володю и Розу. Они приедут по губе на моторе (в Заонежье принято делать ударение на первом слоге). Здесь вообще принято пользоваться лодками: на них отправляются по грибы и за ягодой, в гости и на покос, на них же вывозят связанное в самодельные туки сено. Ближе к обеду ветерок донес далеко слышное на воде

пенье мотора. А потом показалась и лодка. Темная точка в слепящей сиянием губе быстро увеличивалась, вытянулась, оторвалась в дрожащем мраке от воды и летучим голландцем повисла в воздухе.

— Это они, — угадала Ты, ополаскивая на мостках посуду.

На подходе к берегу Володя вырубил «Москву», лодка, наплеснув на береговую гальку волну, в тишине ткнулась в причал с вешалами для сушки сетей. Роза осторожно, как запеленутого ребенка, вынесла завернутые в полотенце рыбник и калитки — тонкие, густо промасленные ржаные ватрушки с пшеничной кашей, творогом и картошкой, испеченные — «каленые» — на поду русской печи.

— Виза-то у вас к нам постоянная, а прописка в сем году не оформлена, сёдни пропишем, — улыбнулся Володя и достал бутылку «перцовой».

Пока женщины готовили стол, Володя осмотрел дом и подворье, оценивая, как мы обустроились.

— Не успел к вашему приезду смас-тырить, смотрю, ты сам сделал, — торкнул он носком сапога новую ступеньку крыльца, — это ты молодец. И дверь укрепил... Рыбаки тут летом жили, они такого не толкуют. Им одно — вон сколько бутылок откинули... Ладно хоть, дом не сожгли. У нас нынче мода такая пошла — дома жечь...

Мы угощали гостей дичью, московскими припасами, растаскивали разваренную щучку из срезанного вокруг ву, как арбуз, рыбника, похваливали Розу за отличные калитки, отметили «прописку» в деревеньке и начало охоты, вспомнили угодившую в сети для пирога щучку, появившегося в окруже медведя-пакостника, завалившего в лесу нетель, рыбалку и грибные сбороны, — и, наслаждаясь теплом застолья, не замечали, как шествует на дворе

вокруг дома солнце, как начал пригасать день.

— Который уж год вы торите сюда дорогу, с рюкзаками ишачите, — улыбился Володя. — Люди в отпуск на юг мотают, пятки на солнце жарить, а вы все сюда, к комарам, будто вам тоже тут пуп резали!

Как все из таких глухих деревенек, давно перебравшиеся в дощатые поселки при лесопунктах и железнодорожных станциях, поглощенные к работе, магазинам и школам, он тоже переехал на лесопункт, но сохранил светлую память о привольном детстве здесь, в деревенке на берегу губы, и был рад и горд, что нам тут нравится, что мы прикипели к его родовому гнезду, приезжаем каждый год, оживляем и пропапливаем нежилой дом.

Они собирались под вечер, когда низкое солнце зажгло, как свечи, верхушки елей на другом берегу. На дальнем береговом камне, забеленном птичьим пометом, базарили собравшиеся на ночлег чайки. От взревевшей «Москвы» с тростникового плотика против наших окон неслышно сползла, унырнула ондатра, успевшая к нам привыкнуть. Сигналя нам свободной рукой, Володя сделал прощальный круг, выровнял лодку и направил ее к поселку. Мы еще долго слышали звук мотора и видели белевшую в лодке косынку Розы.

Как тогда, на Камчатке, мы спим на полу, над нами много воздуха. Ты, кажется, уже заснула — чаще всего так и бывает. Все еще гомонят, кычут на камне перед сном чайки.

Я слушаю, как тихо покръхтывает, остывая, прокаленный полуденным солнцем старый дом, и думаю о завтрашнем охотничьем дне. В окно, густые на глазах, входят сумерки, молчально подсвеченные уходящими белыми ночами.

Рисунки Б. Игнатьева

Волшебники

Н. КОЛАЧЕВСКИЙ

Память дремлет... Дремлют прошедшие годы, люди, образы. Некоторые сны очень глубоки, и нет никакого желания испытывать внезапное пробуждение горя, негодования, совести. Пусть себе спят... Но иногда эта дремота такая поверхностная, что достаточно ничтожного толчка — звука, запаха, движения, слова... Они волшебники. По их желанию молниеносно возникают, кажется, давно забытые подробности жизни прошедших лет, с невероятной быстротой память начинает будить людей из этого далека. Нет у меня сожаления о безвозвратности прошлого. Скорее наоборот, возникающие не по моей воле воспоминания обогащают настоящую жизнь, делая ее более яркой и значительной. Нужно только, чтобы что-то извне подтолкнуло дремлющую память, толчки я почувствовал, когда на страницах журнала «Охота и охотничье хозяйство» встретил фамилию человека, которого хорошо знал и который сделал из меня охотника; встретил восхищенное признание ценности дореволюционного шедевра издательского искусства, посвященного российской охоте, которым я обладал; а с обложки одного из журналов на меня смотрел своими мудрыми и немного грустными глазами английский сэттер — абсолютная копия бывшей у меня собаки.

Память недолговечна, и только, как сейчас говорят, «бумажный носитель» является наиболее надежным ее хранилищем. Поэтому я решился рассказать в журнале о некоторых эпизодах из моей юности, которая сейчас уже история по крайней мере для двух поколений.

Адвокат Виктор Петрович Рождественский, близкий друг моего отца, тоже адвоката, занимался адвокатурой как-то через силу, по необходимости, его интересы лежали совсем в другой области. Когда отец впервые привел меня к нему в гости, я был потрясен. После звонка послышался многоголосый собачий лай, а когда дверь открыл хозяин, на меня набросились несколько больших собак, выражая совершенно немыслимую радость, как будто я наконец-то вернулся к ним после длительной разлуки. Собаки крутились колесом, повизгивая, лезли лизаться, кидались лапами мне на плечи, чуть ли не роняя на пол. Стены прихожей были обиты толстым слоем войлока, чтобы непрерывно работающие хвосты радующихся собак не были в кровь разбиты

о твердые стены. Виктор Петрович был профессиональным заводчиком. Его гордостью была линия великолепных черных пойнтеров, родоначальником ее был знаменитый Блэк, собака-легенда, которую до сих пор вспоминают в охотничьей литературе. Блэк и его мать, тоже абсолютно черная сука, жили у Виктора Петровича дома и на выставках охотничьих собак всегда возглавляли ринг пойнтеров. Я любил гладить Блэка, когда он клал голову мне на колени и замирал, раздувая ноздри, как будто хотел уловить и запомнить этот мир новых запахов, который был связан лично со мной.

Как утверждал Виктор Петрович, а его мнение я считал безусловно верным, пойнтеры — лучшие из легавых собак, доставляющие охотнику наивысшее наслаждение своим горячим поиском, скульптурной стойкой, великолепным чутьем. Кроме ведения пород легавых и гончих, Виктор Петрович был большим энтузиастом в организации выставок охотничьих собак, где всегда участвовал в судействе. Собаки, обитавшие в его доме, составляли небольшую часть от числа принадлежащих ему, и на выставках их обычно представляли другие лица. Живущих дома у Виктора Петровича собак выводила на выставочный ринг его жена, очень милая, добрая, терпеливая женщина, учительница по профессии. Насколько мне известно, детей у них не было. Я часто бывал у Рождественских с отцом, а потом и один, рассматривал старые фотографии, из которых следовало, что он был баловен в зажиточной семье с собственной конюшней и псаарней. Он много рассказывал мне о лошадях, описывая их удивительно гармоничные формы и движения, о приемах выведения лошадей и собак, о псовой и ружейной охоте. Говоря об охоте, он показывал мне чучела и фотографии добытой им дичи, знакомил с правилами настоящей охоты, способами заряжания патронов, уходом за ружьем и постепенно превратил меня, десятилетнего школьника, в весьма осведомленного и увлеченного охотой подростка, мечтавшего о своем ружье, легавой собаке и охотничих трофеях.

Сначала Виктор Петрович позвал меня с собой осенью в Печерские вишневые сады ловить певчих птиц.

Каждую весну сады Печерского монастыря покрывались белой пеной цветущей вишни. Монастырь был закрыт и разрушен, вишни без ухода одичали и выродились, но продолжали цвети и украшать склоны крутого правого бер-

рега Волги. Родители приглашали своих знакомых, и мы на весь день уходили в вишневые дебри. Собирали и жевали наплывы вишневого кляя на старых деревьях, подолгу сидели на залитых солнцем полянах. Осенью сады наполнялись гомоном птиц, находящих себе в них корм и отдых.

На письменном столе Виктора Петровича среди папок с делами подзащитных, бронзовых фигурок гарцующих лошадей и легавых собак, застывших в напряженной стойке, рассыпанной по столу дроби, разбросанных гильз и пыжей стояла клетка с его любимцем, ярко-желтым чижиком. У чижика всегда хорошее настроение, милый спокойный характер. Он любит хозяина и охотно поет ему свои незатейливые песенки, уморительно завершая их протяжным «э-э-э-э...». Этого чижика в маленькой клеточке мы взяли с собой в качестве «клиничной» птички. Выбрали удобное плоское место, расчистили его от листьев и сухих веток до голой земли, превратив в так называемый «усад». Виктор Петрович научил меня правильно ставить сеть, которая в настороженном виде лежит на земле в виде свернутой, незаметной, присыпанной упавшими листьями колбаски. Птицелов прячется за какое-нибудь недалеко стоящее дерево или куст, держа в руке конец тонкой веревки. Другой ее конец управляет движением сетки с помощью шарнирно-прикрепленных к земле палок. Дернув за веревку, птицелов как одеялом накрывает сетью усад вместе с пойманной птичкой и клеточкой с клиничкой.

После устройства усада Виктор Петрович достал из рюкзака свое ружье. Ружье было сделано на заказ в мастерской английского мастера Джеймса Пердэ. На футляре, выполненнем из толстой светлой кожи, было нанесено золотым тиснением имя и регалии заказчика — какого-то русского дворянина. В этом футляре хранились ружье и пара запасных стволов к нему. Взяв в руки это ружье и приложив к плечу, я почувствовал, как оно слилось со мной в единое целое. Тогда я еще не представлял себе, какую огромную ценность мирового значения я держу в руках. Виктор Петрович, похвалившись своей «двадцаткой», пошел поискать дроздов, а я спрятался за толстую вишню, ожидая подлета певчих птиц. Стая пролетали на большой высоте, и несмотря на то что наш чижик исправно издавал призывные звуки, ни одна птичка так и не присела на ветки, окружающие усад. Виктор Петрович тоже

вернулся без добычи. Мы сели перекусить перед обратной дорогой, но внезапно чижик резко запищал и забился в истерике. На клетку прямо с неба свалился какой-то серый комочек. Его удалось покрыть сетью, и это оказалось воробышний сычик — небольшая дневная сова, гроза мелких птичек. Сычик захотел съесть нашего чижика, правильно оценив его беспомощное состояние. Выпав с сычика из сетки, мы выпустили его за ненадобностью, а я с тех пор стал ловить и покупать лесных певчих птиц, слушать дома их пение и не представляю свою жизнь без них.

Весной, когда мне было уже одиннадцать лет и я стал владельцем одностольного ижевского ружья двенадцатого калибра, Виктор Петрович организовал охотничью поездку в начале мая на вальдшнепиную тягу в Зеленый город — дачный пригород Горького на берегу речки Кудьмы. Каким-то образом ему и отцу удалось уговорить знакомого владельца легкового «Фордика», который охотиться не собирался, а просто решил «подышать свежим воздухом».

Первое, что сделал Виктор Петрович, когда вылез из машины на лесной поляне, подобрал сухую коровью лепешку, с наслаждением понюхал ее и воскликнул: «Боже мой! Наконец-то я на природе!» Потом он повел нас с отцом (у отца была двустольная тулка) в лес. Мне выпало встать на длинной широкой просеке, начинающейся у дома отдыха и постепенно спускающейся к Кудьме. Отец встал немного повыше, а Виктор Петрович пониже меня на той же просеке. В доме отдыха играла музыка, перекрывающая все лесные голоса, и я совершенно не верил в успех. Солнце опустилось за горизонт, наступили вечерние сумерки, и вдруг рядом со мной из кустов вышла лисица. Села посередине просеки и стала на меня смотреть. Я стоял очень тихо и хорошо понимал, что весной лисиц не стреляют — они линяют, и шкура их никуда не годится. Лисица спокойно ушла. Несколько в небе появился вальдшнеп. Я узнал его по картинкам у моего наставника. Первый в моей жизни выстрелил из ружья на настоящей охоте — и убитый вальдшнеп упал к моим ногам. Отдышавшись от волнения, я перезарядил ружье и опять притих. Второго вальдшнепа я увидел и услышал издалека, подпустил ближе, внимательно прицелился — и вальдшнеп мой. Это было счастье.

Совсем стемнело, подошел Виктор Петрович:

— Ты что стрелял? По сорокам что ли?

— Нет, по вальдшнепам!

— Не может быть!

— Но я же двух убил! Да вот они!

— Вот это да! Опытный охотник редко добывает двух за тягу, а ты на первой своей тяге так отличился. Молодец!

По-видимому, Виктор Петрович любил меня, допустив в свой мир сокровенных чувств и увлечений, увидев во

мене преданного ученика, и я храню, кроме благодарных воспоминаний о нем, отпечатанный на машинке сброшюрованный сборник моих детских стихов, которые я сочинял, лежа в кровати во время своих очередных болезней. Эти стихи он собрал и мне же подарил. А в память ловли птиц в Печерских садах он преподнес мне со своим автографом книгу «Звери, птицы, гады и рыбы Горьковской области», написанную зоологом, горьковским профессором И. И. Пузановым.

Чтобы завершить воспоминания о Викторе Петровиче, нужно сказать еще несколько слов. Он был родным братом известной оперной певицы Натальи Петровны Рождественской, сын которой, Геннадий Рождественский, стал великим дирижером. Сам Виктор Петрович имел мягкий тенор, то есть это была очень музыкальная семья. Я помню, как у горьковчан возникла идея подарить молодому дирижеру палочку, изготовленную по специальному заказу в стиле «золотой хохломы», что и было сделано.

К сожалению, брак Виктора Петровича распался, и причиной, наверное, были собаки. Он сошелся с другой женщиной, но их совместная жизнь была недолгой.

Отец еще до революции стал собирать книги по искусству. Он очень ценил хорошие издания работ художников, мне кажется, даже больше, чем сами работы. Я хорошо помню небольшой застекленный книжный шкаф, в котором он хранил книги. Выделялись многотомная с золотым переплетом «История искусства», альбомы сrepidукциями картин любимых отцом художников — Валентина Серова, Борисова-Мусатова, Врубеля, Левитана, иллюстрированные известными художниками книги — «Демон» с иллюстрациями Врубеля, фривольная «Книга маркизы» на французском языке с иллюстрациями Сомова, «Три толстяка» с иллюстрациями Добужинского, сказки Пушкина, иллюстрированные

художниками Палеха — Голиковым и другими.

Книги вынимались из шкафа, когда собирались гости. Стол в гостиной освобождался от лишних предметов, всех просили вымыть руки, и отец демонстрировал свою коллекцию. Когда гости уже, кажется, навохсищались шедеврами искусства, отец доставал по очереди четыре огромных тома «Великокняжеская, Царская и императорская охота на Руси» Н. Кутепова. Сейчас этот полиграфический шедевр считается национальным достоянием России и является лучшим изданием, когда-либо в России осуществленным. К отцу эти книги в прекрасном состоянии попали от какого-то чудом уцелевшего полковника царской армии, который приходил иногда к нам почему-то в офицерской шинели, конечно без погон. Отец то ли купил у него эти книги, то ли получил как гонорар за выигранное в суде дело — я не знаю. Переплет каждого тома отличался от другого: либо это был сафьян, либо светлая кожа с вытесненными на ней двумя лягушками царственными птицами, темной и светлой, либо литые серебряные двуглавые орлы по углам. Иллюстрации рисунков Валентина Серова, Репина, Самокиша и других художников были выполнены на таком высоком уровне, что, казалось, на страницах находятся их оригиналы. Способ подклейки иллюстраций, защита специальной полупрозрачной бумагой обеспечивали их полную сохранность. Обрез томов был золотой. Открывая каждую страницу, можно было бесконечно восхищаться заглавными заставками, шрифтом, текстами, каллиграфически написанными от руки, символами российской

государственности, портретами князей, царей и императоров России, изображениями охотничьих трофеев, охотничьих собак, ловчих птиц, лошадей, типажами русских охотников, багатейшими выездами на охоту русских дворян, демонстрацией русской удали в изображении рукопашной схватки молодого борца с большим медведем для потехи царя Ивана Грозного и его опричников. Можно было восхищаться мужеством русских князей, выходивших один на один с рогатиной на медведя или с кинжалом на вепря, высокой эстетикой соколиной и псовой охоты. На меня произвела впечатление страница, где было изображено чудесное спасение князя, которого подмял под себя медведь. Князь прочитал молитву чудотворцу, и тот сохранил ему жизнь. Мне, конечно, очень нравилась «Царская охота». Я даже иногда тайком без отца рассматривал и читал эти книги, залезая в шкаф с помощью элементарного ключика. Но об истинной ценности их, как и многоного другого, пришедшего из прошлой жизни, я даже не догадывался. После смерти отца «Царская охота» оказалась у меня, но удержать ее я не сумел.

С десяти лет я мечтал о легавой собаке. Виктор Петрович регулярно приглашал отца и меня на крупные выставки охотничьих собак, проходившие в Горьком на спортивных стадионах. Конечно, мне все было интересно: и собаки, и судьи, в числе которых была дочь великого Менделеева. Виктор Петрович ее очень хвалил как увлеченного и знающего кинолога. Особенно привлекал меня ринг английских сеттеров. Движение этих собак настолько изящно, что они как будто плывут, не касаясь земли. У них умные морды, природная вежливость и аристократизм, не говоря уже о выдающихся охотничьих качествах. Благодаря Виктору Петровичу владельцы собак разрешили мне гладить шелковистую шерсть, играть с ними, и мое решение завести английского сеттера стало окончательным. И вот на одной из выставок отец купил мне полуторамесячного активного кобелька, белого с рыжим крапом, как тогда говорили, «лемон-бельтон». Виктор Петрович сказал, что у матери щенка хорошая ро-

дословная, а отец привезен из Германии (был конец войны) и очень хорош.

Щенка я назвал модным тогда именем Бемби, соответствующим его английскому происхождению. К выращиванию и воспитанию щенка я был полностью подготовлен и с его раннего детства приучал к простейшим правилам и командам: ложиться перед миской с едой, как бы ни хотелось сразу уткнуть в нее нос, лежать до тех пор, пока не будет дана команда, различать сигналы «лежать» и «сидеть», спать на своем собственном «месте» — большой деревянной раме на ножках с натянутой на нее военной плащ-палаткой. «Место» стояло чулане. Песик очень хорошо понимал, когда с ним занимаются или играют и когда он мешает. В последнем случае Бемби уходил к себе на место и терпеливо ждал, когда на него обратят внимание. Правда, он довольно долго не просился гулять и пускал лужу на полу, но, по-видимому, просто не понимал, что от него хотят, а потом вдруг сразу понял, стал терпеть и проситься. Уже в полугодовалом возрасте стало ясно, что у него прекрасное чутье. Найти спрятанный где-нибудь дома кусочек печенья для него труда не составляло, достаточно было сказать «иши». Даже во время прогулки он находил по запаху спрятанные знакомые предметы. Чаще всего это были теннисный мячик или старая домашняя туфля.

Летом мы с отцом жили в деревне Чеченино, расположенной на высоком правом берегу Волги ниже Горького. Отец работал в районном суде, а я на каникулах был предоставлен самому себе и проводил все время с собакой. Любимым нашим занятием с Бемби была рыбная ловля. Ранним утром, еще до восхода солнца, мы спускаемся с высокого берега Волги. Обычно ловим на «закидушки»: длинная хребтина с грузом на одном конце привязывается другим к гибкому шестику. На хребтине несколько поводков с остройшими безводненскими крючками (Безводное — село на Волге, славившееся этим кустарным промыслом). Поводки аккуратно укладываются у водята, чтобы они не путались при броске груза. На каждом крючке извивается навозный червяк. Груз забрасывается рукой как можно дальше, а на вершину шестика

кладется белый камешек. Хребтина всегда натянута течением, но камешек лежит спокойно. Достаточно рыбе резко схватить насадку, как это обычно и бывает в реках, и камешек падает. Это сигнал. Таких закидушек я устанавливал несколько. Бемби очень быстро понял связь между падением камешка и поимкой рыбы и внимательнейшим образом следил за поклевкой, звонким лаем привлекая мое внимание в нужный момент.

Поздним летом в Заволжье созревала черемуха. Я очень любил набить полный рот черными сладкими вяжущими ягодами и высасывать из них сок до тех пор, пока во рту не останутся одни косточки, после чего, освободив место энергичным плевком, заложить туда следующую горсть. За черемухой я переправлялся на лодке и, конечно, захватывал с собой собаку. Ружья не брал, чтобы не испугать Бемби выстрелом, — молод еще. К зарослям черемухи, окружающим луговые озера, надо было пройти через колосающееся поле посевенного проса. Кругом слышался «бой» переполов. Бемби подкрадывался к перепелу, вслугивал его и тут же ложился, как перед миской с едой. Я видел: растет настоящий охотник. Однажды отец, я и Бемби ходили за грибами. В лесу было жарко, отец утомился, сел на сухой бугорок около высокой сосны, прислонился к ней и задремал. Я отправился поискать грибов. Щенок остался сторожить отца. Он всегда выбирал его, когда возникала проблема, кому отдать предпочтение, прекрасно понимая, кто в семье главный. Вдруг я услышал громкий злобный лай, побежал и вижу: отец проснулся, над ним на высокой ветке поет лесная птичка, а песик, в негодовании, что она мешает спать главе семьи, «ругается».

К весне мой Бемби превратился в роскошного красавца, спокойного, исключительно доброжелательного. Когда наша семья садилась за обеденный стол, ему разрешалось сидеть на отдельном табурете вместе с нами. Он был уже силен, и ему никогда ничего со стола не давали, просто собаке было приятно видеть, что все вместе, что он член семьи, даже было ощущение, что он в основном понимает содержание беседы. Я мечтал, что, позанимавшись с ним весной, летом выйду с ружьем на настоящую охоту — благо дичи тогда было много.

Но судьба решила иначе. Внезапно у собаки отнялись задние лапы. Срочно вызвали ветеринара. Оказалось, что у Бемби нервная форма чумки, завезенная к нам вместе с собаками из Германии, и лечить ее не умеют. Чтобы облегчить страдания заболевшей собаки, врач ежедневно приходил делать уко-

лы. Бемби практически не двигался, сильно исхудал, плохо ел, лежал на своем месте, и я выносил его на руках на воздух погулять.

Однажды вечером я сидел один и учил уроки. Вдруг из чулана появился Бемби. Покачиваясь, он шел сам. Я понял, что он собрал все свои последние силы и пришел ко мне прощаться. Лег у моих ног. Я боялся пошевелиться и сидел неподвижно, пока жизнь не оставила его.

Я был очень одинок в то время. Война разрушила нашу семью. От отца ушла моя мать. Отец страдал, и я решил остаться с ним, чтобы поддержать. Но отец быстро вновь женился, у него родилась дочка. Мне, подростку с оголенными нервами, казалось, что единственno, кому я действительно остался нужен, — это любимая собака. И вот ее не стало. Наступила какая-то пустота в жизни. Потом, конечно, сработало время, но собак я больше никогда не заводил, чтобы не вспоминать трудные для меня годы.

Рассказ получился грустным, и это совсем не соответствует особенностям моего характера: я оптимист, надеюсь жить вечно и поэтому близкое будущее меня не пугает.

Очень люблю традиции. Вот уже больше пятидесяти лет я слушаю в лесу весенние голоса. Иногда с женой, а в последние годы с повзрослевшим сыном, которому я подарил свой «Заэр — три кольца», доставшийся мне в наследство от деда.

Мы приехали на тягу. Приехали раньше, чтобы впитать в себя весь мир весенних звуков: дробь дятла, блеяние «небесного барашка», журчащее токование далекого тетерева, ответное чуфыканье из чащи топкого леса, драки и ругань дроздов, равномерное урчание лягушек из близкого болотца, любовные стоны вяхиря, кудахтанье тетерек, хлюпающие шаги проходившего мимо по весенним лужам лося, свист крыльев пролетающих на большой высоте чирков, ночную песню неутомимого певчего дрозда. К сожалению, эти звуки с годами слышатся все реже. Их заменяют другие: гул летящего самолета, лай собаки, крики людей. Все меньше становится дичи... Вот я опять о грустном, а ведь совсем о другом хочу сказать. На фоне всех эти звуков ухо улавливает слабое хорканье. Стараюсь точнее определить направление и дальность: вылетит на меня или пролетит стороной? Когда-то я хоро-

шо стрелял и у меня была цель — добить трех вальдшнепов, по одному на каждого члена семьи — мне, жене и сыну. Сейчас нам надо пять — мой сын женился, и у него свой сын — мой внук. Сын стреляет хорошо, и поставленную цель мы выполняем.

Каждого из пяти вальдшнепов в первый раз заворачиваю в газету и кладу в полиэтиленовый пакет. Пять пакетов помещаю в морозильник. Вальдшнепы замерзают, но благодаря пакетам не высыхают. Там они лежат до Нового года. Традицию завершать старый год и встречать новый с тушеным в сметане (обязательно свежей, настоящей, с рынка) вальдшнепом в каждой тарелке и гарниром из моченой бруслики я ввел уже давно. Внутри каждой птицы лежит свернутый в трубочку тонкий листочек шпига. Никаких специй. Только естественный аромат королевской дичи. Бокал шампанского «брют» можно выпить как аперитив, и к вальдшнепам припасена бутылочка французского Бордо. Поглядим через бокал на свет. Чистый цвет драгоценного граната. Произнесем тост за охотников, за любовь к жизни!

Рисунки Б. Игнатьева

БИБЛИОТЕКА ОХОТНИКА

Дёжкин В. В., Лихацкий Ю. П. **Легенды и были Усманского бора (хроника уникального заповедника)**. М.: НИА-Природа, 2005. — 500 экз. 301 с.

Авторы проработали в Воронежском заповеднике, куда входит Усманский бор, в общей сложности 40 лет. Сотни раз пройдены все заповедные дороги и тропы, посещены речки, ручьи и болота. Результатами наблюдений и опытов заполнены тома полевых дневников. Естественно желание поделиться с читателями впечатлениями об одном из чудеснейших мест лесостепной России. Они и стали главным содержанием книги.

Жизнь — подарок судьбы. Воспоминания об А. А. Ливеровском (Составители: Е. В. Бианки, О. А. Воинова, А. М. Бианки). СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2005. — 160 с., вклейка 16 с.

Книга посвящена закончившемуся XX столетию и человеку, который прожил его почти целиком. Алексей Алексеевич Ливеровский в одной своей жизни — инженер-химик, профессор Лесотехнической академии, в другой — писатель, рассказавший о новгородской природе и людях, в третьей — охотник и одновременно защитник природы. Многогранность своей жизни А. А. Ливеровский считал подарком судьбы. В этой книге его ученики и друзья отдают дань памяти замечательному человеку.

Камерницкий А. В. **Охота с собаками на Руси. X—XX вв.** М.: Вече, 2005. — 320 с., ил. — (Мир охоты).

Это первая попытка рассмотреть историю развития и становления отечественных видов охоты с собаками, пути возникновения и совершенствования пород охотничьих собак, а также тра-

диции, которые сложились в охотничьем собаководстве в течение последнего тысячелетия и действуют поныне.

Виталий Бианки. **Лихолетье: Дневники, воспоминания, письма.** СПб.: Издательство «Русско-Балтийский информационный центр «БЛИЦ», 2005. — 192 с.

Книга содержит дневниковые записи и переписку В. В. Бианки с родственниками, друзьями, знакомыми в период с 22 июня 1941 по 21 мая 1942 гг. Застигнутая войной этот первый год лихолетья, семья Бианки прожила в д. Михеево. В письмах и дневниках, издающихся впервые, отразились мысли и настроения, быт и лишения военного времени в восприятии разных людей. Ценность дневниковых записей В. Бианки определяется не только талантом автора, показывающего реальное лицо войны и ужасы блокады, но и тем, что они миновали военную цензуру.

Ключев А. Г., Романов В. И. **Менеджмент (Природопользование, охотничье хозяйство).** — Иркутск: Ирк. гос. с/х академия, 2005. — 416 с.

Учебник подготовлен в соответствии с программой одноименного курса и требованиями Государственного образовательного стандарта по специальности 01160 «Биология». В нем рассмотрены сущность управления и менеджмента, история развития, теоретические основы, цели и функции, структуры управления; технология и кадры управления; организация управленческого труда, управления предприятием и производством. Отдельно выделена глава: управление природопользованием и охраной окружающей среды. Уделено внимание и международному опыту менеджмента (США, Япония, Западная Европа).

Большаков В. В. **Обнимку с Мечерой.** М.: «Издательский Дом Рученькиных», 2005. — 2000 экз., 304 с.

Повести и рассказы Владимира Большакова — это захватывающие истории из жизни обычных и в то же время удивительных русских людей, которые не мыслят себя вне родной природы. Эта книга для тех, кто вынужден жить в городе, но всей душой рвется к животному и растительному миру своей земли.

Сафронов В. М. **Экология и использование дикого северного оленя в Якутии.** Якутск: ЯФ ГУ «Изд-во СО РАН», 2005. — 178 с., ил.

В книге рассматриваются современное распространение, ареал, пространственная и половозрастная структура популяций дикого северного оленя в Якутии. Подробно охарактеризованы сезонные миграции, питание и особенности использования пастибищ, воздействие оленей на растительный покров. Освещено современное состояние промысла и проблемы взаимоотношений диких и домашних северных оленей. Проанализирована динамика численности и структурно-репродуктивных параметров лено-оленекской, яно-индиго-колымской и индиго-колымской популяций вида за 40-летний период. Показаны пути управления воспроизводством и численностью интенсивно эксплуатируемых популяций дикого северного оленя.

Книгу можно заказать по адресу: 677980, г. Якутск, пр. Ленина, 41, Институт биологических проблем криолитозоны СО РАН. Однокурцеву В. А., тел. 8 (4112) 33-62-75, e-mail: vmtsafronov@ibpc.svsl.ru

Уважаемая редакция! Я постоянный подписчик нашего журнала с момента его основания, прочитываю каждый номер «от корки до корки» и храню как самое дорогое достояние. Считаю, что 600 номеров, вышедших за 50 лет существования журнала, — это целая энциклопедия, служащая источником самообразования для огромного числа охотников и дающая ответы на любые вопросы по нашему любимому охотничьему делу.

В журнале интересно читать все: передовицы, материалы по ведению охото-зяйства у нас в стране и за рубежом, сведения о животных и охотничьих собаках, а также об оружии, лодках, одежде, лыжах, капканах, приманках и т. д.

Особенно значимым для меня было сообщение А. Заикина «В Ленинградской области» (№ 7, 1959). Именно ваш журнал помог открыть мне новый для Ленинградской области охотничий вид — канадского бобра. Госохотинспекция при Ленинградском облисполкоме к этому времени уже 7 лет занималась расселением европейского бобра. Однако появление бобров, как было указано в статье, в Залесском и Бородинском лесничествах явилось полной неожиданностью, так как в этих местах выпуск бобров не произошел.

После сравнения данных

(внешний вид, промеры, краниология) по европейскому бобру и двум экземплярам зверей, отловленных в Залесском лесничестве, мною было высказано обоснованное предположение, что добывшие бобры принадлежат к канадскому виду. Для подтверждения черепа отловленных бобров были высланы в Воронежский государственный заповедник. Ответ пришел быстро: бобры канадские.

Так как выявленные поселения канадских бобров были расположены у самой границы с Финляндией, в Главохоту направили предложение о целесообразности отлова части канадских бобров и переселении их в глубь страны. Главохота одобрила данное мероприятие и утвердила план отлова. Так начался многолетний процесс заселения Дальнего Востока канадским бобром. Зверьки были доставлены также в Хабаровский край, Амурскую область, на остров Сахалин и полуостров Камчатка.

Таким образом небольшая заметка А. Заикина, помещенная в журнале «Охота и охотничье хозяйство», дала толчок широкомасштабному биотехническому мероприятию, в котором мне посчастливилось принять самое активное участие.

В заключение хочу сказать, что я шагнул в девятый десяток, проработав в органах управления охотничим хозяйством Ленинградской области и в обществах охотников 54 года.

П. ИВАНОВ,
Заслуженный работник
охотничьего хозяйства РФ
г. Санкт-Петербург

Здравствуйте, уважаемая редакция! Вот решил написать вам после того, как в № 4 за 2005 год увидел письмо и фотографию Б. Тихомирова о бобрах. В июле 2005 года я приехал к брату на рыбальку. В первый же выход на речку он показал мне, как бобры живут и чем питаются.

Эта фотография сделана близ курорта Белокуриха. Трудолюбие бобров поистине удивительно, поэтому я прошу вас напечатать эту фотографию, и брату будет очень приятно.

Н. ДЕБКОВ
г. Томск

сопок, покрытых лесом, кедровым стлаником, карликовой береской, а выше растет олений мох, ягель. Николай (47 лет) и Михаил (50 лет) ловили рыбу для старательной артели в верховых этой речки, в устье большого ручья.

Весна в наших краях наступает поздно — ледоход на реке в конце мая — начале июня. В начале мая еще по зимнику в таежную избушку завозят все необходимое, часть бензина прячут по дороге на берегах для заправки моторок. А после ледохода заезжают по большой воде на моторных лодках. Все лето ловят рыбу, вялят, коптят, солят, складывают на лабазы и только в ноябре, когда вода замерзнет, вывозят и сдают улов. Все избушки, в которых живут промысловики, называют бараками, видно, еще со времен ГУЛАГа.

Рыба у Николая и Михаила ловилась хорошо, работы было много. На запах часто подходят и горностай, и соловьи, и росомаха. Иногда и «дядя», так у нас называют медведя, наведывается. Без собаки жить в тайге опасно, были собаки и у наших рыбаков — помеси лайки с дворнягами.

Утром, когда рыбаки завтракали, собаки подняли лай. «Опять дядя за рыбой пришел», — произнес Николай, взял ружье, вышел из барака, Михаил следом. Возле коптильни собаки облавливали довольно крупного медведя. Зверь упрямо шел к рыбе, изредка отмахиваясь лапами и рявкая на собак. Михаил выстрелил в воздух. Зверь сел на зад, глянул на людей, рявкнул и медленно пошел в

Первопроходцы по отлову канадских бобров (слева направо): В. Григорьев, Н. Петраков, А. Куйке, Н. Якимов. Заказник «Дымово», 1962 г.

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

лес. Собаки наседали, крутились с лаем, но он мало на них обращал внимания. В этот день друзья не расставались, но ни вечером, ни на следующий день зверь не появлялся.

Ночью сначала заворчала, а потом залаяла Пальма. Михаил приподнялся на нарах, вставать было лень. Николай встал, натянул сапоги — опять непрошеный гость. Взял ружье и направился к двери. Михаил, ругаясь, натягивал сапоги, когда Николай открывал дверь. Вдруг он крикнул и буквально выпрыгнул в дверь. Послышался медвежий рык, лай и... никаких выстрелов. Михаил сначала застыл, страх парализовал его, но оказалась привычка таежника, схватил ружье, патрон, выскочил в дверь и осталбенел. Буквально в 10 метрах медведь драл его друга. Михаил выстрелил, еще раз, но зверь в два прыжка скрылся в ближайших тальниках. Подбежал к Николаю, его голова была наполовину оторвана, он был мертв. Силы оставили Михаила, от горя и отчаяния он начал плакать.

Затем он снова увидел зверя, выстрелил, но тот продолжал идти на него. Нервы не выдержали, Михаил прыгнул в лодку и отчалил. Что делать? Николаю уже не поможет. Вдруг он услышал шум мотора, ниже шли две моторные лодки. Михаил отчаянно замахал руками... В лодках оказались знакомые рыбаки. Рассказал, что случилось.

Через пять часов Михаил причалил у старательского поселка Угловой. Сообщил в сельсовет, передали по телевидению.

фону в Усть-Неру. Новость быстро распространилась по поселку. Подходили знакомые и незнакомые, сочувствовали, звали к себе домой. Переночевал у друга. А утром над поселком появился вертолет. Следователь, участковый и Михаил вылетели в район барака.

Больше на рыбалку Михаил не ездил, а вскоре и совсем уехал на материк. А в том бараке до сих пор редко кто останавливается. Это только в компании за столом легко хвались охотой на медведя, особенно под хмельком.

Наши охотники обычно с уважением относятся к хозяину тайги и при рассказах называют другим именем — Дядя, Потапыч, Михайло, Лохматый и редко медведем. А якуты, которые жили в тайге отдельными семьями на значительном удалении друг от друга, сказывали так: «Не говори громко, он все слышит, а если на человека начнет охоту, спасения нет. Хитрый зверь, подкрадется, выскочит, и ружье не успеешь вскинуть. Так что громко не говори, накажет».

А. ПОЛИЩУК
Оймяконский улус,
пос. Терюнь

Уважаемый Олег Кириллович! Прошу Вас напечатать эту заметку в память о нашем сыне Кулаке Евгении Викторовиче. Участвуя в фотоконкурсе вашего журнала «Охота и природа, 2004», Женя занял 2-е место, о чем с большой радостью сообщил нам. Вот только свои снимки в журнале он так и не увидел.

Женя Кулак в природном парке «Сибирские Увалы», август 2004 г.

Евгений окончил Курганский госуниверситет по специальности «Биология» в 2001 г. После университета служил в десантных войсках, совершил прыжки с парашютом. После службы сына привлекли в Сургутский госуниверситет. Он создавал музей биологии, поэтому вылетел в нижневартовскую тайгу, природный парк «Сибирские увалы». Со слов специалистов, чучела зверей и птиц получались у него хорошо. Основы таксiderмии он перенял еще в школе от старшего брата Виталия — биолога-охотоведа. В студенческие годы они оформляли в Кургане кафе «Егеря».

...5 мая 2005 года после связки по рации Женя пошел делать снимки выдры. Должен был вернуться к 10 часам вечера. Его тело нашли только 10 июля в 100 км от предполагаемого места гибели. Версия следующая: пошел от базы к реке, ступив на лед, провалился, вылезти не смог,

так как глубина реки Глубокий Сабун достигает 2,5 м, скорость течения 6 км в час. Похоронили в Кургане. Да, купил новый цифровой фотоаппарат, с ним и нашли.

У Евгения были хорошие друзья, они долго не могли поверить в случившееся, он был физически сильным и сообразительным, занимался ушу, кунфу. Наше горе безмерно...

О. КУЛАК
г. Курган

Уважаемая редакция! Пишет вам охотник с 1976 года. Журнал «Охота и охотничье хозяйство» читать стал еще задолго до ухода в армию. Его выписывал мой дядя. Это было давно, и жил я тогда в Брянской области. Сейчас живу в Брестской области, но с журналом не расстаюсь по сей день.

Помню времена, когда он выходил раз в два месяца и по оформлению был не очень привлекательным, хотя для охотника это не так и важно.

Сегодняшние номера очень красочно оформлены, да и статьи идут, которые в бытые времена никогда не печатались. Все мне нравится в вашем журнале. Вот только очень бы хотелось увидеть фотографии и почитать статьи о наших птицах, но не охотничих, а певчих. Мне уже пятьдесят лет, а названий многих птиц в наших лесах средней полосы я не знаю. Уверен, что остальным охотникам это было бы интересно. Надеюсь, вы откликнетесь на мою просьбу.

С. КРАМАРОВ
г. Ростов

Дорогие друзья! С 1-го сентября начинается подписка на журнал «Охота и охотничье хозяйство»

на первое полугодие и весь 2007 год

«Охота и охотничье хозяйство» старейшее периодическое издание об охоте, один из самых почитаемых у нас охотничьих журналов. В розницу журнал не поступает

Наши подписные индексы 70673 на полгода и 72376 на год
по каталогу Роспечати

Мир духов рядом

«Мир духов рядом, дверь не на запоре». Гете «Фауст»

С незапамятных времен люди одушевляли все составляющие среды обитания — леса, озера, ручьи, луга, болота, холмы и пр., и пр. Лешие, водяные, кикиморы, шишиги, анчутки, ведогоны, водки, домовые, банники, гуменники, сарайники окружали наших предков на протяжении всей жизни.

Ко времени распространения христианства формировавшийся тысячелетиями языческий пласт народных верований не мог быть полностью избыт как лежащий в основе жизни народа и крепко сцепленный с родовой памятью этноса.

Язычество исчезло, растворяло, растворилось, но оно — подобно «улыбке Чеширского Кота» — и сегодня мерцает в преданиях, приметах, сказах и былинах, в орнаментах вышивок рубах и полотенец, в резных узорах изб — в причелинах, коньках, наличниках...

Лесовик, леший — один из основных персонажей народного пантеона на низших духов природы. Жилище его — лесные трущобы. Леший, как и домовой, может явиться к человеку в различных видах, но чаще всего показывается стариком. Вот таких крохотных старичков довелось увидеть в тверских лесах автору этих строк.

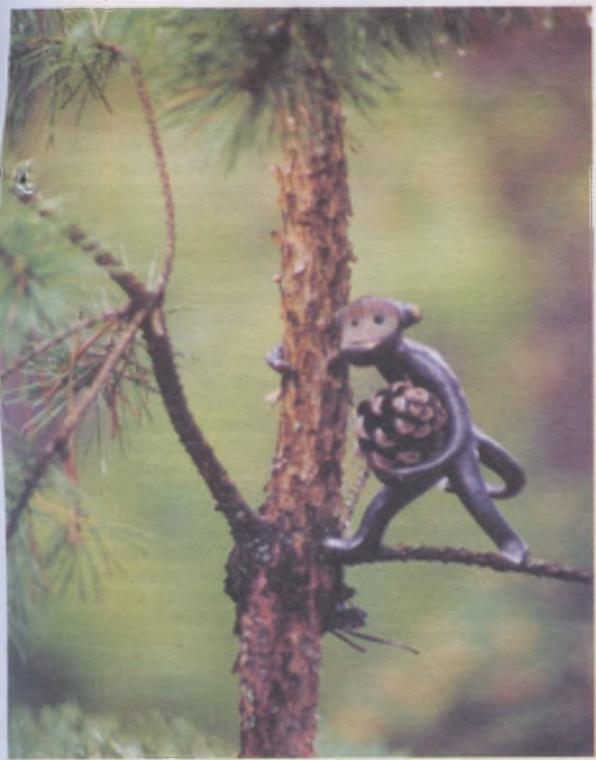
Порою в полдень льется по лесу
Неясный гул, невнятный крик,
И угадать нельзя по голосу,
То человек иль лесовик...

Н. Гумилев

Невидимые вездесущие духи Природы — сказки, вымыслы, предрассудки, суеверия?.. Господствующее расхожее мнение утверждает, что именно так, но, но, но... Как писал И. А. Бунин в статье о замечательном русском писателе Александре Ивановиче Эртелье, «живое чувство действительности научило его тому, что в основе всего видимого есть элемент невидимый, но не менее реальный, и что не учитывать его в практических расчетах значит рисковать ошибочностью всех расчетов».

О. ЧУГУНИХИН, фото автора

СЛОБОДЕНЮК В. Подарок российским охотникам	1
АСТАФЬЕВ Н. Юридическая консультация для охотников. Что надо знать при наследовании ружья	2
АНДРЕЕВА Г., БЛЮМ А. Наш председатель — ОНА, Галина Николаевна Андреева (интервью)	4
СЕВАСТЬЯНОВ А. В заливе	6
ДЁЖКИН В., ПОПОВА Л. Экологическая этика и охотничье хозяйство	8
КУЧЕРЕНКО С. Волк	10
ВАЙСФЕЛЬД М. «Охотничьи звери Карелии»	13
БЛЮМ А. По уткам: из шалаша, с подхода, с подъезда, на перелете	14
ДОРМИДОНТОВ Р. Счастье юных лет	18
ЖИТЕНЁВ Д. Советы бывалых охотников. Как выгнать смолу	21
КОЛЫЧЕВ В. Как долго живут соболи?	22
ВЕХОВ Н. В краю гольцов и белых медведей	24
ПАВЛОВ П. Михаил Павлович Павлов — Мастер охоты и охотоведения	26
ОКУНЬ В. Моя прекрасная Рэдди	28
СЕЛАВРИ М. Не надо пренебрегать коростелем	31
БЛЮМ М. Патроны для осени	32
МАСЛОВ Ю. Мое ружье: вопрос-ответ. «Ремингтон»	34
ЧЕРНЫШЕВ В. Наследство	36
КОЛАЧЕВСКИЙ Н. Волшебники	40
Письма читателей	44
На привале	46
Реклама	17, 34, 35
ШИШКИН В. Воробыни	48

На первой, второй и четвертой страницах обложки:

Охота на уток — одна из самых массовых и увлекательных охот по пернатой дичи, эта охота доступна широким кругам охотников

Фото А. Дигилевича (1-я и 4-я стр. обложки),
А. Севастьянова (2-я стр. обложки)
к очерку А. Блюма «По уткам...»

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:

М. В. Булгаков, Г. В. Висячев, Т. А. Волжина (ответственный секретарь), Л. А. Гибет, В. В. Дёжкин, А. М. Лаврова, В. Г. Сафонов, К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин, В. Б. Чернышев, В. С. Шишкин

Зав. отделом писем И. И. Полосухина

Художник Т. В. Баженов

Художественный редактор М. Л. Кнерцер

Корректор Л. Н. Иконникова

Фотокорреспонденты:

А. Ф. Дигилевич, В. И. Животченко, А. А. Севастьянов

Сдано в набор 02.06.2006 г. Подписано к печати 29.06.2006 г.

Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 5,04. Тираж 26 600 экз. Заказ 1468. Цена 35 руб.

Адрес редакции: 107996, ГСП-6, Москва, Б-78,

Садовая-Спасская ул., 18

Тел.: 207-24-05, 207-20-91

Отпечатано в ОАО ордена Трудового Красного Знамени «Чеховский полиграфический комбинат».

142300, г. Чехов Московской области,

тел./факс (501) 443-92-17, (272) 6-25-36.

E-mail:marketing@chpk.ru

В случае обнаружения полиграфического брака обращайтесь, пожалуйста, по адресу типографии
Зарегистрирован Государственным комитетом по печати
12.10.90 № 452

ВОРОБЬИНЫЕ

Внешне сорокопуты больше похожи на представителей отряда хищных, нежели воробыниных птиц. Массивный крючковатый клюв с характерным хищным зубцом по краю надклювья, крупная голова, большие глаза, цепкие мощные лапы. От клюва к глазам идет узкая черная маска. Охотятся обычно с присяды. Добычу (мелких позвоночных, крупных насекомых) часто накалывают на колючки, сучки, делая, возможно, кормовые запасы. Голос резкий, с гнусавыми и «чакающими» звуками. Агрессивны при охране гнездовой и охотничьей территории. В семейство включают свыше 80 видов сорокопутов, обитающих в Старом Свете, лишь 2 проникли в Сев. Америку.

Для европейской части России наиболее обычен **обыкновенный журан** (вес до 40 г, размах крыльев 30 см). У самца сизо-серая шапочка, каштаново-рыжая спина, серая поясница, розоватые брюхо и бока. Основания крайних рулевых черного хвоста белые. Клюв, лапы, маска, глаза черные. Самка окрашена тусклее, на груди и боках темный чешуйчатый рисунок, темная маска слабо выражена. У молодых чешуйчатый рисунок развит по всему телу. В районе Енисея и Верхней Оби обыкновенного сменяет **сибирский журан**. Спинная сторона буровато-коричневая, брюшная — с желтовато-охристым налетом, хвост рыжевато-бурый. От Закаспия до Тувы распространен **рыжевосточный журан**, отличающийся от похожего и соседствующего сибирского собрата рыжевато-коричневым более коротким хвостом, белым пятном у основания первостепенных маховых на надкрыльях, светлым брюхом, заостренным крылом. От Южного Алтая до Забайкалья встречается еще один журан — **буланый**, похожий на рыжевостого, но с более серой спиной, бока розовато-охристые. В зонах контакта известны гибриды между рядом указанных видов. **Тигровый сорокопут**, гнездящийся на юге Приморья, внешне напоминает обыкновенного журана, но на спине, плечах и надхвостье темный чешуйчатый рисунок. Маска шире, брюхо беловатое. Здесь же, а еще на Сахалине и Южных Курилах встречается **японский сорокопут** с желтовато-рыжеватым цветом шапочки и боков, серой спиной и поясницей, белым зеркальцем на крыле. В республиках Средней Азии нередок **длиннохвостый сорокопут**, чуть крупнее описанных журанов, с серым цветом шапочки и верха спины, желтовато-рыжим окрасом боков, поясницы, надхвостья, части кроющих крыла. На юго-востоке Туркмении гнездится маленький **индийский журан** с коричнево-рыжим пятном на спине, серыми надхвостьем и поясницей. Самые крупные наши сорокопуты — **клинохвостый** (вес до 100 г, размах крыльев до 40 см) и **серый** (вес до 80 г). Но если клинохвостый обитает у нас только на юге Приморья, то ареал серого простирается от Чукотки до Прибалтики, от лесотундр до пустынь. Окраска спины серая, у разных подвидов серого сорокопута изменчива по тону, варьирует и размер белого пятна на крыле. У клинохвостого хвост длиннее, более ступенчатый, с большим развитием белого на крайних рулевых. От низовьев Волги до Зайсана гнездится **пустынный сорокопут**, отличающийся от номинативного подвида серого меньшими размерами, светлой спиной и лбом, большей белой зоной на крыле. **Чернолобый сорокопут** (вес до 60 г), обитающий преимущественно в лесостепной зоне, оккультуренном ландшафте от юга Белоруссии до Алтая, похож на уменьшенную копию серого, но с черным лбом и розовато-охристым тоном на боках и брюхе. На Кавказе, в т. ч. в Дагестане, гнездится очень красивый **красноголовый сорокопут**, залетающий оттуда и в центральные области Европейской России. Красно-коричневая шапочка эффектно контрастирует с черной спиной и крыльями, где на плечах и у основания маховых есть большие белые зоны. Аналогичные зоны имеются у более мелкого **маскированного сорокопута**, залеты которого отмечались в Краснодарском крае и в Туркмении. У этого вида лоб белый, на боках желтовато-рыжий оттенок. В образе жизни всех наших сорокопутов много сходных черт (моногамность, территориальность, весенние и осенние миграции, характер гнездования, рацион, способ охоты и т. д.). Численность ряда видов сорокопутов снижается. В особенно угрожающем положении находится европейский подвид серого сорокопута, включенный в Красные книги России, Белоруссии и других стран. Причины уменьшения числа серых сорокопутов до конца не выяснены.

В. ШИШКИН

